

Гадкие лебеди

**сценарий художественного полнометражного фильма по мотивам
одноименной повести А. и Б. Стругацких**

**Авторы сценария: К. Лопушанский и В. Рыбаков
Режиссер-постановщик: К. Лопушанский**

**Санкт-Петербург
2004**

© Вячеслав Рыбаков и Константин Лопушанский

СЦЕНА 1. ЭКС. БЕРЕГ РЕКИ. НОЧЬ. РАПИД. СОВМЕСТНО С КОМБИНАТОРАМИ.

В странном желтом свете медленно течет вниз вертикальная стена воды. Возле нее стоит человек. Смотрит на зыбкую завесу перед его лицом, время от времени протягивает к ней руку, трогает ее. Потом, словно заметив взгляд сзади, оборачивается — и мы видим его лицо. Все погружается в темноту.

СЦЕНА 2. ЭКС. УЛИЦА. ДЕНЬ.

Жара. Солнце огромным мерклым гнойником просвечивает сквозь мертвенно-серую дымку, обложившую небо. В свете, заливающим перрон небольшого средневропейского вокзала, нет ни малейшего ликования, столь радостного людям — прозрачного, звонкого и полного жизни; свет похож на только что вскипевшее мутное желтое варево. Горизонтов нет — все растворилось то ли в смоге, то ли в дыму далеких лесных пожаров.

Тихая, утопающая в зелени улочка небольшого средневропейского городка. Воротца, ограды, фасады за ненадежными завесами желтеющей прежде времени листвы. Все замерло в зное, теряющие цвет листья бессильно обвисли, цветы вянут на газонах; нет ни людей, ни машин. Тихо шуршат водяные распылители, окутывая туманом влаги газоны и кусты. Пожилой человек с садовыми ножницами в руках возится с кустарником.

Возле дома останавливается такси, из него выходит Виктор Банев. Он словно ищет что-то. В руке у него — блокнот. Оглядевшись, Виктор подходит ближе к ограде участка. Пожилой человек поднимает Глову, выжидательно смотрит на него.

ВИКТОР

Простите, вы говорите по-английски?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК

(радостно улыбнувшись)

Да, конечно. Не то чтобы очень хорошо, но...

ВИКТОР

Я ищу улицу Кенигштрассе, нам сказали — это здесь, на горе...

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК

Кенигштрассе, Кенигштрассе... Что-то... Ведь была...

(оборачивается к открытому окошку дома)

Хельга, принеси справочник, пожалуйста... Посмотри на столе.

(снова обращаясь к Виктору)

Кстати, слышали вы сегодняшний прогноз? Говорят, будет шестьдесят градусов! Это же уму непостижимо!

Виктор рассеянно кивает; он согласен, но чувствует, что мысли его заняты совершенно другим.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК

(показывая куда-то в сторону и вверх)

Вы видите? Обратили внимание? Это же не гроза! Это просто дым! Жить скоро станет совершенно невозможно!

ВИКТОР

Да, пожалуй...

Из дома выходит пожилая сухопарая улыбающаяся женщина с толстым фолиантом подмышкой. И тут пожилой человек вспоминает.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК

Ну конечно, как я мог забыть! Хельга, спасибо, не нужен справочник, положи его обратно... Это за мостом, это где фабрика! Просто она... ну да, она короткая очень... Вам что, фабрика нужна?

ВИКТОР

Нет, не фабрика... Дом. Вот такой... вот так он выглядит.

Открывает блокнот и показывает пожилому наспех нарисованный карандашом фасад небольшого дома. Мгновение старик приглядывается, потом улыбается и отрицательно качает головой.

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК

Нет, такого просто не может быть. Там стена и... в общем, сплошная стена. Там нет жилых домов.

ВИКТОР

(разочарованно)

Нет? Точно?

ПОЖИЛОЙ ЧЕЛОВЕК

Уверю вас. Можете убедиться сами, если не верите, это рядом — за мостом.

ВИКТОР

Нет-нет, что вы. Спасибо. Извините за беспокойство.

Он возвращается к машине, но на полпути останавливается на несколько секунд, отлистывает еще страницу в блокноте — и мы видим список из нескольких названий. Часть из них зачеркнута. Виктор вычеркивает следующее. Остается еще два. Виктор закрывает блокнот и садится в машину. Машина трогается. Пожилой долго смотрит ей вслед.

СЦЕНА 3. ИНТ. ВАГОН ПОЕЗДА. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ. НОЧЬ. ФОН ПОД ТИТРЫ.

За окном вагона движутся, проплывая, багровые пятна далекого огня. Это горят леса. Багровый отблеск зарева падает на низкие облака. Иногда огонь оказывается совсем близко, и тогда кажется, что поезд движется внутри раскаленной топки, словно въезжая в преисподнюю.

В полутемном вагоне поезда только один пассажир. Он сидит у окна, перед ним на столике ноутбук. Это Виктор Банев. Он сосредоточенно манипулирует пальцами по клавиатуре, останавливаясь на какие-то мгновения, будто подыскивая слово или додумывая мысль.

ГОЛОС ВИКТОРА

(за кадром)

...Иногда ему казалось, что все это сон: и эти горящие леса, и черное от дыма небо, и расплавленный от невиданной жары асфальт городов... Вся эта погубленная планета, не выдержавшая ненасытного монстра под названием человек. Что стоит только проснуться — и вокруг будет совсем другая земля и другое небо, прохладное и мудрое... мудрое, как люди, живущие на этой, другой земле... А иногда ему казалось, что он сошел с ума. Метаться по Европе в поисках того, что привиделось, в поисках дома, который увидел во сне, в поисках человека, которого, может быть, уже

нет в живых. Сон. Сон. Но что не сон?

По всему составу, от вагона к вагону, прокатывается металлический лязг. Поезд тормозит, останавливается. Виктор удивленно поднимает голову, смотрит в окно. Горящий лес подступил почти вплотную к полотну железной дороги, стелется плотный дым, в его разрывах видны медленно, осторожно прокрадывающиеся мимо пожарные машины. Несколько человек в спецодежде, в противогазах орудуют возле одной из них, остановившейся — а может, застрявшей — у обочины, подальше еще один человек, тоже одетый по последнему слову противопожарной техники, стоит и обеими руками манит к себе другие машины: осторожно, осторожно, малый ход, вперед, вперед... Поезд с лязгом дергается, медленно идет вперед — и через несколько десятков метров останавливается снова.

Открывается дверь в тамбур, входит проводник. Поводив взглядом по сумеречному, отыскивает Виктора, подходит к нему.

ПРОВОДНИК

Вы, помнится, справлялись насчет пересадки?

ВИКТОР

(слегка прикрывая крышку ноутбука — чтобы дисплей не был виден)

Да.

ПРОВОДНИК

Не знаю, что сказать... Такая обстановка на дорогах... сами видите.

(кивает в сторону окна)

Все расписание поломано. Мы не успеем к сопряженному поезду, даже если его не отменят...

ВИКТОР

А что делать?

ПРОВОДНИК

Через два километра станция. Попробуйте там сойти и пересестись на какой-нибудь автобус, автобусам легче... Или, если вам недалеко — такси..

ВИКТОР

Спасибо.

Проводник уходит. Виктор поднимает крышку, сохраняется записанное и выключает ноутбук. Укладывает его в большую наплечную сумку, резко затягивает молнию. Поезд то встает, то снова трогается и, пройдя сотню-другую метров ползком, опять замирает. Это, похоже, надолго. Виктор встает и с сумкой на плече выходит из вагона.

СЦЕНА 4. ЭКС. ПРИВОКЗАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ. НОЧЬ

На освещенной фонарями площади — несколько автобусов, Виктор торопливо ходит от одного к другому, заглядывает в кабины, о чем-то беседует в водителем, обнаруженным в одном из автобусов. Потом идет к светящемуся изнутри зданию диспетчерской, смотрит расписание. Народу на площади очень мало, почти никого, но дважды мимо с надсадным воем проносятся пожарные машины, а с неба слышится гул пролетающего, невидимого в ночи вертолета — лишь его бортовые огни проплывают в вышине. В конце концов Виктор находит за углом несколько сонно дожидаящихся пассажиров такси. Что-то объясняет высунувшемуся в окно водителю, потом водитель выскакивает наружу, помогает Виктору уложить в багажник его сумку. Затем Виктор садится в машину, водитель усаживает

ся за руль, машина трогается.

СЦЕНА 5. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ. НОЧЬ

Виктор заполняет документы у стойки. Зевающий пожилой служитель на «ресепшн» равнодушно смотрит на него, берет у него бумаги. Вестибюль пуст, стоит тишина, какая бывает лишь глубокой ночью там, где спят все, кто только может это делать, а бодрствуют лишь те, кто приговорен бодрствовать.

СЛУЖИТЕЛЬ

(вяло)

Всего лишь на сутки?

ВИКТОР

(устало)

На целые сутки...

СЦЕНА 6. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. НОЧЬ.

Скромные апартаменты в провинциальной гостинице. Виктор одиноко сидит за столиком у окна в своем номере; перед ним — открытый ноутбук, бутылка русской водки, рюмка, полная окурков пепельница, в которой дымится забытая сигарета. Лицо его покрыто бисеринками пота. Закуски — ноль.

СЦЕНА 7. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. ПОЗДНЕЕ УТРО.

На столе стоит открытый ноутбук, по полу раскиданы брюки, рубашка, майка. Шторы на окнах задернуты, но неаккуратно, в широкую щель сквозит яростный свет солнца. Виктор лежит в постели запрокинув голову. Кажется, что он в прострации: то ли пьян, то ли без сознания. Потом становится в видно, что у него открыты глаза — это еще страшнее, он похож на труп. Несколько мгновений он лежит неподвижно, потом вдруг неожиданно, как ни в чем не бывало, взглядывает на часы, так и не снятые с руки. Встает и начинает одеваться.

СЦЕНА 8. ЭКС. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ВАЛЕНТИНА. ДЕНЬ.

Виктор медленно идет по улице. Смотрит на дома. Это — тоже Кенигштрассе. Когда он приближается к дому 17, даже по его лицу видно, что в душе у него нарастает напряжение. Напротив ворот в ограде дома он останавливается. У него такое лицо, будто он нашел то, что давно искал — и сам не может в это поверить. Он проходит мимо, останавливается, смотрит на дом и сад с другой стороны. Потом решительно подходит к калитке, нажимает кнопку переговорного устройства. Долго терзает ее. Ни малейшей реакции в ответ, дом за забором и кустарниками словно вымер. Виктор нерешительно поворачивается, делает несколько шагов прочь — и вдруг снова резко оборачивается. И видит, как видеочамера наблюдения беззвучно поворачивается, следя за ним. Тогда он возвращается. Глядя прямо в глазок видеочамеры, отчетливо произносит.

ВИКТОР

Господин Пильман, я очень хочу переговорить с вами. Я уверен, вы меня видите и слышите. Меня зовут Виктор Банев. Я писатель. Русский, последние несколько лет живу в Америке, завтра я улетаю в Россию. В Ташлинск. Понимаете?

(пауза)

ВИКТОР

Я вернусь. Вечером. У вас есть время подумать и выяснить, что я именно тот, за кого себя выдаю. Я один, и ни одна живая

душа не знает, что я здесь.

(пауза)

Я очень долго искал вас, поймите...

Несколько мгновений он еще стоит под взглядом видеокамеры неподвижно, потом уходит.

СЦЕНА 9 . ИНТ. ДОМ ВАЛЕНТИНА. ДЕНЬ.

На экране видеомонитора мы видим Виктора, медленно уходящего прочь по улице. Перед монитором — лицо человека; небритое, нездорово одутловатое, с прищуренным взглядом. Он смотрит в спину Баневу, потом отключает аппаратуру — и наступает полная тьма.

СЦЕНА 10 . ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. ДЕНЬ.

В мягком свете бра Виктор в майке и брюках расхаживает по номеру, в одной руке у него — полный стакан. Подойдя к столу, он ставит стакан, достает из сумки длинную стеклянную трубочку, вытряхивает из нее на ладонь зеленую капсулу, снова закрывает трубочку пробкой. Кладет ее на стол. Подбрасывает капсулу на руке, потом кидает ее в рот. Торопливо запивает. Ставит стакан и некоторое время стоит неподвижно, прислушиваясь к себе. Чуть качает головой. Медленно идет в ванную, пускает воду. Набирая ее в пригоршни, несколько раз с силой ополаскивает лицо. Потом замирает, словно осененный какой-то мыслью или неким странным ощущением. Присаживается на корточки у ванны, пристально смотрит на текущую из крана воду. Переключает ее на душ, направляет жесткие струйки на кафельную стену, направив раструб вверх. Вода, разбиваясь о кафель, словно бы старается взобраться вверх по стене — но у нее не хватает сил; она тут же снова меняет направление и, превращаясь в тонкую, плоскую пленочку, стекает вниз; снова — вниз... Виктор смотрит. Подставляет руку, смотрит в ладонь, пропускает воду сквозь растопыренные пальцы...

СЦЕНА 11. ЭКС. ПЕРРОН ВОКЗАЛА. ВЕЧЕР.

Вода растекается, и словно бы сквозь нее возникает видение приближающегося пригородного поезда. Слепя, бьют прямо в лицо его прожектора.

Перрон вокзала почти пуст — вдали друг от друга, каждый сам по себе, стоят несколько человек, одинаково изнывающих от жары. Один из них — Виктор Банев. На плече у него — объемистая дорожная сумка.

Приближается скоростной пригородный поезд, ожидающие несколько оживляются: кто подтягивается поближе к краю, кто подхватывает свои сумки, до того сгруженные с плеч на перрон. Внезапно откуда-то выбегает небольшая фигурка — молодежная майка, шорты, длинных хвост соломенно-светлых волос. Подросток; и не понять издалека, девушка это или парень. Виктор замечает фигурку сразу, и что-то меняется в его лице, он проводит ладонью по глазам, словно стараясь смахнуть прилипшую паутину, опасливо взглядывает снова... Ему кажется — это девушка лет четырнадцати, его дочь. Подросток внезапно спрыгивает на рельсы — прямо перед приближающимся составом, до которого какие-то десятки метров, может — около сотни, не больше. Виктор, беззвучно разевая в крике рот — возможно, по губам модно прочесть «Ира!!!» — бросается туда. Но он опаздывает, стоявшие ближе люди успевают первыми, хватают свирепо, безжалостно и безнадежно отбивающегося подростка и оттаскивают назад, прочь с путей. Виктор подбегает, когда непосредственная опасность уже миновала, поезд беззвучно прокатывается мимо, тормозя; подросток с ненавистью, исподлобья, как пойманный волчонок глядит на тех, кто его спас. Виктор медленно подходит совсем близко, он в

полном ошеломлении. Теперь видно, что никакая это не девушка — мальчишка с длинными, модно нематыми патлами, с болезненно серым лицом и безумными глазами. Он перестает отбиваться, но вдруг с совершенно необъяснимой злобой плюет на своих спасителей — раз, другой, третий... Те пытаются увернуться, кто-то, утираясь, выпускает руку или плечо обезумевшего невесть с чего мальчишки, и тот немедленно пытается воспользоваться этим, чтобы вырваться — и снова пытается кинуться под колеса уже катящего мимо состава. Виктор обеими руками хватается за плечо в последний момент. Тогда подросток плюет и ему в лицо, и Виктор не успевает ни увернуться, ни отвернуться.

Подроспевшие полицейские сноровисто хватают безумца и уводят. Виктор некоторое время смотрит им вслед, и лишь потом вытирает лицо. Он едва успевает сесть в поезд.

СЦЕНА 12. ЭКС. УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ ВАЛЕНТИНА. ВЕЧЕР.

Смеркается. Виктор снова идет по Кенигштрассе. Мимо время от времени стремительно, будто от чего-то спасаясь, проносятся автомобили, но пешеходов нет ни одного. Жгучий, не остывший и ночью ветер треплет деревья, срывает жухлую листву.

Виктор останавливается у ворот дома 17, давит кнопку переговорного устройства у затканых плющом ворот. Ждет. Ни малейшей реакции. Виктор снова давит кнопку звонка, подержав ее подольше. Несколько мгновений снова ничего не происходит, потом видеочамера, укрепленная под аркой, неторопливо, с легким тревожным жужжанием поворачивается и уставляется на Виктора. Виктор смотрит прямо в ее объектив и вдруг растягивает губы в улыбке — она получается жутковатой. Видеочамера снова приходит в движение: она меняет угол наклона, словно тот, кто смотрит в нее, хочет оглянуться по сторонам, и медленно ползет влево до упора, потом вправо до упора, потом снова... Нет сомнений: тот, кто внутри, тщательно осматривает всю округу. Виктор терпеливо ждет.

Происходит, однако, совсем не то, на что он, по всей вероятности, рассчитывал. Из переговорного устройства раздается голос.

ГОЛОС

Что вам угодно?

Виктор на миг теряется, не зная, что ответить.

ВИКТОР

Мне угодно видеть господина Валентина Пильмана.

ГОЛОС

Таких здесь нет.

ВИКТОР

Я писатель Виктор Банев. Я недавно приехал из Штатов, и в ближайшее время уезжаю в Россию, в Ташлинск. Я очень туда спешу. Мне совершенно необходимо встретиться с господином Пильманом, и мне почему-то кажется, что я могу его здесь найти.

Долгая тишина. Потом громко, отчетливо в тишине щелкает замок ворот. Виктор толкает створку — она открывается. Виктор входит внутрь.

СЦЕНА 13. ЭКС. ДВОР ПЕРЕД ДОМОМ ВАЛЕНТИНА. ВЕЧЕР.

Миниатюрный, но ухоженный дворик раскинулся между оградой и домом; поперек аккуратно подстриженной лужайки ко входу ведет прямая дорожка, вдоль которой растут какие-то кусты. Работают распылители, разбрызгивая влагу.

Дверь дома впереди приоткрыта. Виктор несколько мгновений стоит неподвижно, потом зачем-то приглаживает волосы и идет вперед. Поднимается по ступеням крыльца, входит. Дверь дома захлопывается у него за спиной. В доме — тьма. Виктор останавливается на пороге, щурится, моргает — и, когда глаза немного привыкают к темноте, видит, что в глубине прихожей стоит низкий, толстый, неопрятно одетый человек и целится в него из ружья.

Виктор медленно поднимает руки.

ВИКТОР

Я один, господин Пильман.

ВАЛЕНТИН

Вы меня знаете?

ВИКТОР

По фотографиям.

ВАЛЕНТИН

Пока вы не объясните, как меня нашли, я буду держать вас на мушке, писатель. И если ваш ответ мне не понравится...

ВИКТОР

Ответ будет очень странным.

ВАЛЕНТИН

Валяйте.

ВИКТОР

(мгновение молчит, собираясь с мыслями и решая, как сказать все покороче)

Я русский. Я когда-то жил в Ташлинске. Еще до эмиграции. Сейчас мне очень нужно туда. Я добился зачисления в комиссию ООН по Ташлинску, это было сложно, но мне удалось. Когда я был допущен к документам, то понял, что... чем больше отчетов читаю, тем меньше понимаю, что там происходит.

ВАЛЕНТИН

(ворчливо)

Не вы один.

ВИКТОР

(переведея дух)

Чудовищные пласты разрозненных фактов, цифр... без каких-либо убедительных интерпретаций. Я обратил внимание, что ваши отчеты наиболее содержательны. Особенно в том, что касается так называемых мокрецов. Затем я наткнулся на упоминание о том, что вам удалось, если можно так сказать, чуть ли не подружиться с одним из этих существ...

ВАЛЕНТИН

(невольно начиная интересовываться)

Кто это сморозил?

ВИКТОР

Сколько я помню, этот документ подписал некий Павел Сумак.

ВАЛЕНТИН

Любопытно...

Это имя ему явно говорит о многом.

ВИКТОР

Потом я прочел, что вы загадочно пропали из Ташлинска. В последний раз вас видели в обществе опять-таки одного из мокрецов. Поиски ничего не дали, а мокрецы на все вопросы относительно вас не дали никаких ответов. Однако несколько позже прошла неподтвержденная информация, что кто-то случайно видел вас. Здесь, в Европе. Вас начали искать и продолжают искать, хотя и совершенно безрезультатно... поэтому я вполне понимаю те меры предосторожности...

ВАЛЕНТИН

(прерывает)

Как вы меня нашли?

ВИКТОР

(помолчав)

Можно я опущу руки?

ВАЛЕНТИН

(жестко)

Нет.

ВИКТОР

Это самодурство, доктор Пильман. Я безоружен, и вы это уже поняли, по-моему.

ВАЛЕНТИН

Как вы меня нашли?

ВИКТОР

Узнав все это, я подумал: вот, вероятно, человек, который знает о том, что происходит в Ташлинске, больше всех. Как хорошо было бы с ним встретиться... И в ту же ночь я увидел во сне... ваш дом. Название улицы и номер на табличке... Хотите — верьте, хотите — нет. Вот уже пять дней я ношусь по Германии... название улицы мне показалось немецким... по городкам, на планах которых я нашел «Кенигштрассе», и смотрю: тот дом, не тот? Ваш городишко — восьмой из тех, что я посетил. Можете считать это бредом. Я и сам так считаю, но... Почему-то я был уверен, что это шанс. Я... честно сказать, я очень странно себя чувствую все эти дни.

(несколько мгновений молчит)

Но только в очень странном состоянии человек может так себя вести, правда?

Валентин несколько мгновений размышляет, а потом опускает ружье.

ВАЛЕНТИН

Для подставы придумали бы что-нибудь получше этой ахи-неи. И, возможно, я единственный человек на планете, который в состоянии поверить, что это не ахинья... Вольно, господин Банев.

Виктор опускает руки. Мгновение Валентин и Виктор смотрят друг другу в глаза, стоя неподвижно, потом Валентин вдруг приветливо улыбается. Делает приглашающий жест.

ВАЛЕНТИН

Пожалуй, нам есть о чем поговорить. Прощу в кабинет.

Они идут вглубь дома. Света почти нет, окна плотно закрыты ставнями; в

скупом свете видно, что в доме — страшный кавардак, и повсюду валяются книги и папки с бумагами. В кабинете несколько светлее. Валентин указывает Виктору на свободное кресло, сам садится на другое, у письменного стола, предварительно сняв с него стопку толстых академических журналов и переложив ее прямо на пол — больше некуда.

ВАЛЕНТИН

Зачем вам в Ташлинск?

ВИКТОР

Ответ на этот вопрос не имеет ни малейшего отношения к вашей безопасности. Поэтому я не стану отвечать. Считайте, что по личным причинам. Собственно, это правда.

ВАЛЕНТИН

Неужели просто писательский зуд? Страсть к сенсациям? Писать о ташлинских событиях собрались? Рассчитываете на большой гонорар?

Виктор молчит.

ВАЛЕНТИН

Могу вам с полной ответственностью заявить: это худшее, что вы могли придумать.

ВИКТОР

Почему?

ВАЛЕНТИН

Почему... Потому.

Он тяжело встает, выбирается из-за стола и, шаркая шлепанцами, идет к смутно громоздящимся вдоль стены стеллажам; вместо красивой посуды там книги, бумаги.... Открывает одну из створок, достает одну из папок, развязывает те-семки, роется там. Потом вынимает один-единственный листок, подходит к Виктору и кладет листок перед ним.

Это просто какой-то от руки написанный список фамилий. Русских, английских, французских... даже японских и китайских. Почти все из них обведены аккуратными квадратными рамками, не обрамлены каких-то две-три.

ВИКТОР

Что это?

ВАЛЕНТИН

Эти люди пытались разбираться в ташлинских событиях всерьез. Искали правды.

ВИКТОР

Ну и?

ВАЛЕНТИН

Практически все они погибли.

Некоторое время оба молчат. Потом Валентин, неловко протиснувшись на свое место, снова садится. Смотрит на Виктора.

ВИКТОР

(тихо)

Как погибли?

ВАЛЕНТИН

Кто как. Одного в подъезде пьяный зарезал, другой в бассейне на собственной вилле утонул... Разнообразие огромное. На лю-

бой вкус. В Америке одни методы, в России другие...

Опять долго молчат.

ВАЛЕНТИН

Было бы в высшей степени замечательно, господин писатель, если бы вы больше никогда даже названия такого не вспоминали: Ташлинск...

ВИКТОР

(тихо, но очень твердо)

Не могу.

(чуть помедлив)

Что на самом деле происходит в Ташлинске?

ВАЛЕНТИН

(помолчав)

В газетах все сказано. Я, например, слежу за прессой...

Он протягивает руку и выхватывает из кипы лежащих на столе папок одну. Папка полна газетных вырезок. Валентин начинает медленно, почти любовно их перебирать.

ВАЛЕНТИН

Вот, скажем. Летучая тарелка... Пришельцы, а как же. Или: засекреченные эксперименты русской военщины. Ну разумеется, как же без этого...

ВИКТОР

(сдерживая раздражение и нетерпение)

Ну я понял, понял. Все это неправда. Я и сам догадываюсь... нетрудно догадаться. А что правда?

Валентин будто не слышит, продолжая перебирать бумаги. Видимо, ему доставляет удовольствие издеваться над прессой, да еще в редкой ситуации — не в одиночестве.

ВАЛЕНТИН

Апокалипсис! Конечно, Апокалипсис, как же мы раньше не догадались! А вот и нет. На самом деле — вышедший из-под контроля генетический эксперимент! Ну конечно, вот, черным по белому написано: все грамотные генетики из России уже эмигрировали, остались одни подмастерья-неумехи, они и напортачили!

ВИКТОР

Мне не до шуток...

Валентин наконец отрывается от своего развлечения. Поднимает глаза на Виктора — взгляд у него, против ожидания, совсем не веселый. Смертельно усталый и беспомощный.

ВАЛЕНТИН

Хорошо. Задавайте свои вопросы.

ВИКТОР

(собравшись с мыслями)

Жил-был город-призрак. Один из многих сверхсекретных городов, где в стране России ковали разнообразные щиты страны. Потом страна вдруг возьми да и скажи: а зачем мне щиты? Я хорошая... Города-призраки сразу обнищали, ученые брызнули в разные стороны. А вот из Ташлинска не брызнули. Какой именно щит ковали в Ташлинске-20?

Валентин опять встает, опять идет к стеллажам, на сей раз в другом углу. Вынимает пухлую папку из стопки таких же.

ВАЛЕНТИН

Дальше?

ВИКТОР

В Боге забытом секретном — бывшем секретном, разумеется — городке Ташлинск-20 ни с того и с сего затевают школу-интернат для особо одаренных и притом неблагополучных детей. И начинаются сенсации: новые методики обучения, развитие природных талантов... Что ни дитя — то вундеркинд. Какие именно методики обучения использовались? Кто их разработал? Какие именно открытия дети совершали? Всего этого нет в отчетах...

Валентин молча снимет с полок еще одну папку, потом, сделав шаг и поведя в поиске пальцем по корешкам, другую.

ВИКТОР

И вдруг наступает климатическая катастрофа. Очень локальная... Как моя деревенская бабка говорила, когда я был маленький: пришла тучка размером с огород... И возникает какая-то генетическая болезнь, возникают невесть откуда какие-то мокрецы... И на городок немедленно наваливается комиссия ООН — разумеется, исключительно с целью исследования недуга и спасения населения. И устанавливает такой режим зоны бедствия, по сравнению с которым былая советская секретность — просто-таки торжество открытого общества и прав человека. Почему?

ВАЛЕНТИН

Ну, это-то проще всего... Я это понял сразу, как только туда попал... А можно и отсюда, просто по логике вещей.

(после паузы, тихо, с тоской)

Об одном жалею... Что мне в зону ЭТОГО бедствия уже никогда не попасть...

Некоторое время Виктор ждет продолжения, но Валентин молчит. Поняв, что Виктор, по всей видимости, исчерпал свои вопросы, он возвращается и кидает папки перед Виктором.

ВИКТОР

(осторожно)

А вот писали иногда... Какие-то дырки в небе... Светящиеся существа...

Несколько мгновений Валентин не реагирует, потом пренебрежительно, как рыбка — плавником, коротко шевелит ладонью.

ВАЛЕНТИН

Была такая гипотеза — каждый видит то, что ему видится...

ВИКТОР

Но есть же что-то, что видят все... Что там на самом деле?

ВАЛЕНТИН

Там... Помните Данте? Я в третьем круге, там, где дождь струится. Проклятый, вечный, грузный, ледяной... Всегда такой же, он все так же длится... Хотя проклятым людям, там живущим, к прямому совершенству не прийти, их ждет полное бытие в грядущем... Вот что там. Наверное... Может быть. Я надеюсь.

(пауза)

Надо же на что-то надеяться.

Пауза.

ВИКТОР

А что с детьми?

Валентин молчит.

ВИКТОР

Зачем им дети?

ВАЛЕНТИН

Дети — будущее. Каковы дети — такое и будущее. Кто управляет детьми — тот управляет будущим...

ВИКТОР

Они... эти... ими управляют?

ВАЛЕНТИН

Не знаю. Знаю одно: всё там крутится вокруг мокрецов, а сами мокрецы крутятся вокруг детей.

ВИКТОР

Но откуда-то они... эти... взялись же? Они ведь не галлюцинации?

Валентин молчит.

ВИКТОР

Кто они?

ВАЛЕНТИН

Они — чужие. Они — враги. За ними — сила. Нашей цивилизации объявлена война.

ВИКТОР

Их же горстка!

ВАЛЕНТИН

Первых христиан тоже была горстка.

ВИКТОР

Ах, вот даже как...

ВАЛЕНТИН

Понимаете, Виктор... Мне иногда кажется, что я нашей цивилизации тоже враг и... я не уверен, что знаю, кому в этой войне хочу победы...

ВИКТОР

(после долгой паузы)

Вы действительно с ними... подружились?

ВАЛЕНТИН

(задумчиво)

Подружиться с ними невозможно... Скажу так: мне их общество было куда приятнее и интереснее, нежели общество коллег. Вот с детьми у меня не заладилось... То ли потому, что у меня никогда не было своих, то ли... Не знаю. Люди всегда были мне неприятны. А с ними — да. С ними я был в своей тарелке. И мне казалось, они со мной тоже общались охотно... мне это даже льстило. Но вдруг все кончилось. Не знаю, почему. Иногда мне кажется, они во мне разочаровались. И самое обидное — я так и не смог

понять, что я неправильно сделал...

(несколько мгновений он молчит и с тоской, с горечью смотрит на свет лампы)

Это было так унижительно... Будто щенка взяли в дом, а потом опять вышвырнули во двор, в конуру, в грязь и ненастье... Или, знаете, вот как: будто тебя в астронавты готовили, и уже подготовили, и уже завтра старт — и вдруг говорят: да ты не астронавт совсем, тебе не на Марс лететь, а сортиры чистить, возвращайся-ка и займись своим делом!

У Валентина становятся влажными глаза. Виктор с изумлением и жалостью замечает, что его собеседник готов заплакать.

ВИКТОР

А как вы попали сюда?

Валентин молчит.

ВИКТОР

Господин Пильман... Как вы покинули Ташлинск?

ВАЛЕНТИН

(медленно)

Этого я не расскажу никому и никогда.

(берет себя в руки; показывает на папки)

Почитайте. Только учтите — все недоказуемо. Это мои домыслы... и обмолвки прессы. Тоже недоказуемые... А мне, пожалуй, пришла пора выпить.

Виктор присаживается к освещенному торшером столу, развязывает тесемки на первой папке.

Валентин, тяжело шагая, идет из кабинета. На пороге останавливается, обращается небрежно и смотрит на Виктора через плечо.

ВАЛЕНТИН

Вам принести?

Виктор поднимает голову. Он молчит, но взгляд его говорит: да, я бы, по правде говоря, не прочь...

СЦЕНА 14. ВЕРАНДА В ДОМЕ ВАЛЕНТИНА

Небольшая застекленная веранда, освещенная лишь смутным светом с улицы. Светает. Посредине стоит столик с питьем и легкой закуской, наспех похлостяцки накрытый Валентином для гостя. Валентин с рюмкой в руке пристально смотрит на Виктора поверх рюмки.

ВАЛЕНТИН

Помогли вам эти бумажки?

ВИКТОР

Пока не знаю... Во все это очень трудно поверить, и еще труднее — решить, как жить дальше, если все это правда.

ВАЛЕНТИН

Ну, не пугайте себя. Ташлинск — такое место, где никогда нельзя с уверенностью сказать, что правда, а что — игра ума... Понимаете, когда начинаешь думать об этих вещах, все время напарываешься на вечные вопросы вроде цели мироздания и смысла жизни — а они не имеют ответов. Потому что на них каждый отвечает только сам для себя...

Молчат. Оба делают по глотку.

ВАЛЕНТИН

(пряча глаза)

Послушайте, Виктор, я все же должен знать. Объясните мне... Как вы попали в комиссию? Вы, писатель, ни малейшего отношения вроде бы не можете иметь к проблематике...

Виктор некоторое время молчит. Потом делает еще глоток.

ВИКТОР

(нехотя)

Ну, во-первых, у меня неплохие связи... Хотя это, скорее, во-вторых.

ВАЛЕНТИН

А во-первых?

ВИКТОР

(наконец решившись)

А во-первых, я дал согласие на то, на что обычно члены комиссии согласия не давали.

ВАЛЕНТИН

То есть?

ВИКТОР

Мне было предложено пройти полный курс аппаратного психосканирования и исследования мозга на предмет изменений... По возвращении из Ташлинска, разумеется.

Молчат.

ВАЛЕНТИН

И вы согласились?

ВИКТОР

Да.

ВАЛЕНТИН

Вы что, с ума сошли?

ВИКТОР

Да.

Молчат.

ВАЛЕНТИН

Неужели действительно из-за денег?

Банев не отвечает, только ходят желваки на его щеках.

ВАЛЕНТИН

Боже, что за времена... деньги, деньги...

И тут Виктор взрывается, самообладание ему изменяет.

ВИКТОР

Да при чем тут деньги?! Деньги... Я сам переплатил уйму денег ради этого! Не было другого способа туда попасть! Не было! Не нашел!! А зачем мне туда — не ваше дело! Личная у меня причина, ясно? Лич-на-я!!!

Молчат.

СЦЕНА 15. ЭКС. ПЕРЕД ДОМОМ ВАЛЕНТИНА. РАННЕЕ УТРО

Виктор и Валентин стоят на лужайке перед домом. Оба не очень трезвы, но и не пьяны — так, под шофе. Светает.

ВАЛЕНТИН

Ну, вот и все. Привет Ташлинску.

ВИКТОР

Передам.

(пауза)

Одного не могу понять. Ведь то, что вы меня нашли, да еще так странно... Это не может быть случайностью.

ВИКТОР

Что вы имеете в виду?

ВАЛЕНТИН

Им нужен был этот наш разговор...

ВИКТОР

(изумленно)

Кому?

ВАЛЕНТИН

(будто не слыша)

И значит, я что-то такое сказал, что... что должен был вам сказать. Или показать. Что-то принципиальное, из-за чего им отсюда стоило затевать все это. Но я не могу сообразить, что...

ВИКТОР

Валентин... неужели вы всерьез полагаете...

Валентин трет виски.

ВАЛЕНТИН

Сам не знаю. Но буду теперь мучаться до скончания дней...

Что же я вам такого сказал важного? Или, еще хуже — не сказал?

Некоторое время они молчат. Валентин вдруг улыбается — беспомощно и грустно. Они обмениваются рукопожатием. Виктор мгновение стоит, будто что-то хочет ему сказать на прощание — но не находит слов. Поворачивается и уходит.

СЦЕНА 16. ЭКС. АЭРОДРОМ. ДЕНЬ

Взлетное поле аэродрома — и взлетающий лайнер. Набирает высоту с натужным ревом, ползет, карабкается в небо...

СЦЕНА 17. ИНТ. АЭРОПОРТ. РАННИЙ ВЕЧЕР

Виктор стоит в длинной очереди на проверку документов. Лицо у него усталое, проступает щетина.

В кармане у Виктора начинает петь телефон. Мелодия эпатажная: «Боже царя храни». Некоторое время Виктор явно колеблется: отвечать или нет. Потом все же отставляет рюмку, вынимает телефон и дает контакт.

СЦЕНА 18. ИНТ. ОФИС ЛИТАГЕНТА. УТРО

Типичный американский офис. Женщина средних лет сидит перед своим столом, заваленным бумагами, прижимая трубку к уху; в свободной руке у нее чашечка кофе. Когда в трубке гудки сменяются голосом Виктора, он ставит чашечку

на стол.

ГОЛОС ВИКТОРА

Алло? Слушаю...

ЖЕНЩИНА

Банев! Господи! Это ты? Куда ты пропал? Я уже не знала, что думать... Пять дней у тебя отключен телефон! Что случилось?

СЦЕНА 19. ИНТ. АЭРОПОРТ. РАННИЙ ВЕЧЕР

Виктор некоторое время молча слушает и непроизвольно чуть кивает.

ВИКТОР

Да-да, Мьюриэл, прости. Я все понимаю. Но так было нужно, я потом объясню. Прости. Я... ну, в общем, потом.

СЦЕНА 20. ИНТ. ОФИС ЛИТАГЕНТА. УТРО

Женщина явно обижена, но старается держать себя в руках.

ЖЕНЩИНА

(подчеркнуто сухо)

Ну, хорошо. Тогда перехожу к делу. Первое: гостиница заказана. Как ты просил, в самом центре. Второе: твоя бывшая жена хоть, как мне показалось, и не подарок, но оказалась вполне расторопна. Она уже подготовила все документы. Скопировала свидетельство о рождении дочери, восстановила метрики... У нее даже твое свидетельство об установлении отцовства сохранилось, представляешь? Во всяком случае, так она сказала. Но передаст она тебе это все только при личной встрече. Не знаю. Не сказала. Просто хочет с тобой встретиться. Я ей дала все данные, и гостиницу, и номер, не обессудь. А? Ну, собери волю в кулак...

СЦЕНА 21. ИНТ. АЭРОПОРТ. РАННИЙ ВЕЧЕР

ВИКТОР

И где мы с ней должны пересечься? Не в гости же мне к ней и ее мужу ехать? Ну, хорошо... Отзвоню.

СЦЕНА 22. ИНТ. ОФИС ЛИТАГЕНТА. УТРО

ЖЕНЩИНА

По голосу слышу, что ты огорчен. Значит, я правильно оставила приятную новость на сладкое... С издательством я уладила. Там согласны ждать рукопись еще два месяца, так что с этой стороны проблем не будет. Ну, а дальше... сам смотри.

СЦЕНА 23. ИНТ. АЭРОПОРТ. РАННИЙ ВЕЧЕР

ВИКТОР

(с неподдельной благодарностью)

Хорошая работа. Спасибо.

В последний раз он кивает и дает отбой. Скучливо мнетя, озираясь, потом, вдруг сообразив что-то, достает трубку телефона, набирает какой-то номер.

ВИКТОР

Алло?

(пауза)

Да, это я. Здравствуй.

(пауза)

В очереди в аэропорту.

(пауза)

Думаю, нескоро. Часа через два.

(пауза)

Ты подъедешь в гостиницу? Мьюриэл ведь оставила тебе мои здешние координаты... Так было бы удобнее всего... по-моему...

(пауза)

Нет, я вовсе не ленюсь и не барствую. Если хочешь, встретимся в любом другом месте... Может, ты хочешь пригласить меня к себе?

(пауза)

Хорошо. В гостинице так в гостинице. Я не настаивал, Мила, я просто предложил. Предложи что-то другое.

(пауза)

Если ты согласна, то так и скажи...

(пауза; с облегчением — его явно утомил этот разговор)

Ну, вот и отлично, спасибо. Через два часа.

Он дает отбой и прячет трубку. За время разговора очередь почти не продвинулась.

СЦЕНА 24 . ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ. РАННИЙ ВЕЧЕР

Виктор входит в вестибюль своей гостиницы, идет, ни на кого не глядя, к стойке портье. Портье дает ему ключи и в то же время делает знак глазами.

ПОРТЬЕ

Ваш багаж уже в номере... Вас ждут, господин Банев.

ВИКТОР

Да-да. Я знаю. Где она?

ПОРТЬЕ

С вашего позволения, они, господин Банев. Вон сидят.

Виктор оборачивается.

У столика поодаль, близ окна, сидят мужчина и женщина. Она — небольшая, когда-то, вероятно, миниатюрная и изящная — теперь просто низенькая и располневшая; он — очевидный добродушный и славный увалень, спокойный и надежный. Женщина пристально смотрит на Виктора, увалень читает газету.

Виктор, не меняясь в лице, несколько мгновений смотрит на женщину, будто с трудом узнавая, или припоминая что-то; потом широко шагает к ним. Просто еще одно дело. Не самое важное и не самое приятное, но и ничего особенно неприятного тоже; дело как дело.

Женщина смотрит, как он подходит.

ВИКТОР

Здравствуй еще раз.

ЖЕНЩИНА

(вставая)

Здравствуй еще раз.

Мгновение они неловко стоят друг против друга; обмениваться рукопожати-

ем нелепо, обниматься не хочется ни ей, ни ему, да это было бы и неуместно.

ЖЕНЩИНА

Познакомься, это мой муж.

Увалень, поспешно откладывая газету на столик, вскакивает с такой стремительностью, что с него чуть не сваливаются очки. Ему особенно неловко. Он не понимает своей роли — а может, слишком хорошо понимает: роль его — всего лишь присутствие, следствие желания женщины показать бывшему любовнику, что она вовсе не одинока; и оттого он совсем теряется. Он сует Виктору руку.

МУЖ

(торопливо)

Сережа.

ВИКТОР

(просто, в тон мужу)

Витя.

МУЖ

Очень приятно...

ВИКТОР

Мне тоже.

Они чинно садятся. Женщина вынимает из сумочки какие-то документы, листы бумаги в прозрачной корочке, передает Виктору.

ЖЕНЩИНА

Вот все, что просила твоя адвокатша. Или кто она там...

ВИКТОР

(забирая бумаги)

Неважно. Литагент.

ЖЕНЩИНА

Ты надолго в Москве?

ВИКТОР

Нет.

ЖЕНЩИНА

А когда туда?

ВИКТОР

Завтра утром. Что тянуть.

Женщина мельком взглядывает на мужа: замечает ли он, как послушна ей заокеанская знаменитость. Муж, конечно, замечает, ему тоскливо и очень неловко.

ЖЕНЩИНА

Что значит — иностранец, да еще знаменитый... А нам — нельзя! Вот еще что. Я дам тебе ключ от ташлинской квартиры... я тут написала адрес на всякий случай, если ты забыл...

ВИКТОР

Не забыл.

ЖЕНЩИНА

Зайди туда, посмотри... Нельзя, чтоб без присмотра, квартира же. Могло стекла выбить ветром, могло залить... воры могли забраться... Проверь.

ВИКТОР

(чуть помолчав)

Проверю.

Она достает из сумочки ключи и отдает Виктору.

Заминка в разговоре. Не о чем говорить.

ЖЕНЩИНА

Про тебя много пишут...

ВИКТОР

Врут.

Опять заминка.

ЖЕНЩИНА

(чуть улыбнувшись, беспомощно)

Ну вот, вроде все уже и сказали...

ВИКТОР

Похоже на то.

ЖЕНЩИНА

(набравшись смелости)

Только я хочу, чтобы ты знал, Виктор...

МУЖ

Мила, может, не надо?

ЖЕНЩИНА

Сереза, посиди, пожалуйста, вон там.

Муж, помолчав мгновение, с каменным лицом отворачивается и уходит, и даже садится в кресло лицом к окну, чтобы не смотреть и не видеть на свою нынешнюю супругу и ее бывшего любовника.

ЖЕНЩИНА

Я не хотела говорить, но... Считай, я очень мнительная, пожалуйста. Но... Когда я тебе туда позвонила, в Америку твою, ты, конечно, согласился выполнить мою просьбу, это делает тебе честь и все такое, но мне не понравился твой тон.

Виктор молчит.

ЖЕНЩИНА

Как будто ты меня осуждаешь. Я хочу сказать вот что: во-первых, у тебя нет ни малейшего права меня осуждать. Ты решил, по-моему, что я просто избавилась от дочери, сбыв ее с рук в какую-то богадельню, вот как ты со мной говорил.

ВИКТОР

(терпеливо)

И в мыслях не было.

ЖЕНЩИНА

Не ври. Так вот это не так. Это не просто интернат. Это интернат для гениальных детей. Ты не представляешь, сколько я порогов обила, сколько денег переплатила, чтобы Иру туда взяли. Мне все твердили: у вас семья всего лишь неполная, но вполне благополучная! А туда брали только... таких...

(делает неопределенный жест рукой)

Ну, ты понимаешь. А я старалась. И не зря старалась! Про Ирочку уже через три месяца писали в «Ташлинской правде». Что-то она такое открыла... или доказала... Про тебя так никогда не писали!

ВИКТОР

(спокойно и устало)

На то и дети, чтобы превосходить своих родителей. Я только удивляюсь, что ты мне тогда не позвонила. Похвасталась бы ее успехами, я бы вместе с вами порадовался...

ЖЕНЩИНА

А мне вовсе не хотелось, чтобы ты радовался. Ты ведь палец о палец ради этого не ударил — с какой стати тебе радоваться?

ВИКТОР

(примирительно)

Тоже верно.

У женщины начинают дрожать губы. Несколько мгновений она молчит, стараясь справиться с собой, но на глаза ее наворачиваются слезы.

ЖЕНЩИНА

Вот. Я хотела, чтобы между нами не оставалось неясностей.

ВИКТОР

Все в порядке. Не осталось.

Он поднимется со своего места. Женщина тоже. Она словно хочет еще что-то сказать, но уже не знает, что. Несколько мгновений они стоят, глядя друг на друга, потом женщина отворачивается и начинает плакать — тихо, безнадежно. Виктор неловко стоит рядом.

ЖЕНЩИНА

(рвущимся, полным слез голосом)

Кто мог знать? Я уехала сюда, к Сереже, а там вдруг началось... Мы ничего не смогли сделать, туда не пускают и оттуда не выпускают... даже позвонить нельзя, понимаешь? Даже позвонить! Я месяц лбом об стены билась... А ты... ты американец, тебя послушают! Я... Вытащи ее оттуда! Не нужна нам никакая гениальность, пусть будет обычная девочка, только со мной!

(осекается, пытается сдержать слезы)

ВИКТОР

Конечно, вытащу... что ты так разнервничалась... Все будет хорошо. Я уже одной ногой там...

ЖЕНЩИНА

(будто не слыша)

Я видела сон, что она заразилась и умерла...

(пауза)

Какие-то пауки на ней, с вот такими лапами... схватили и держат... черные, мокрые, скользкие... без лиц...

ВИКТОР

Пауки без лиц — это нормально, Мила, с лицами было бы хуже... Поверь мне, все будет хорошо. Честное слово.

ЖЕНЩИНА

(свирепо; у нее даже высыхают слезы мгновенно)

Ты еще можешь шутить!

Виктор смотрит на не сверху вниз — понимающе, снисходительно и с жалостью.

Когда она ловит этот взгляд — он ей совсем не нравится. Она резко поворачивается и делает мужу призывный знак. При том, что Виктор бросил все и приле-

тел с другого края земли, немедля откликнувшись на ее просьбу, женщине обязательно нужно оставить его виноватым. А то он может, неровен час, начать выглядеть хорошим человеком. Лучшего повода, чем его неуклюжая попытка унять ее экзальтированный трагизм, трудно найти.

ЖЕНЩИНА

Сереженька, нам пора!

Муж вскакивает со своего места, торопливо идет к ним.

СЦЕНА 25. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Людмила и ее муж уходят. Виктор зачем-то, будто радушный хозяин, провожает их до дверей. Муж старается не выказывать враждебности к Виктору, но всем своим видом дает понять, что не одобряет того, что разговор слишком затянулся и приобрел неделовой, чересчур откровенный характер. Людмила идет, гордо подняв голову — она простить себе не может допущенной слабости. Виктор словно бы уже не вполне здесь; рассеянно он выполняет то, что почитает своим долгом перед системой условностей, но мысли его уже далеко. Людмила и ее муж выходят из отеля, с одинаковой отстраненностью и даже сухостью кивнув ему на прощание; Виктор только улыбается в ответ. Стоит у двери, те выходят наружу, скрываются в расцвеченной огнями проспекта тьме снаружи. Виктор взглядывает на часы, озирается, не зная, куда себя деть. Возможно, разговор взволновал его в большей степени, чем он сам хотел бы; возможно, свидание с родным городом после нескольких лет на чужбине все же оставляет его менее равнодушным, чем он предполагал. Потоптавшись у двери, он тоже выходит на проспект.

СЦЕНА 26. ЭКС. ПРОСПЕКТ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР

Предночная суэта большого проспекта в разгаре. Половодье огней, множественные сполохи радужных реклам, слаженно перемещающиеся стада автомобилей. Виктор медленно идет по тротуару, лавируя между прохожими — одиноких почти нет: парочки, группки, стайки... Особняком — шумные и какие-то неизбежно опасные своей безмозглой энергичностью, выплескиваемой обилием движений и возгласов сгустки молодежи, по поведению и виду их все время хочется назвать «шайками», хоть они, казалось бы, и не совершают ничего криминального, просто тусуются, просто пьют пиво... И вдруг Виктор замирает. Потому что очередная фигурка, похожая на Иру, с копной уже знакомых нам волос, смутно видимая в неверном свете ночного проспекта, ныряет в проходной двор. Виктор, оправившись от столбняка, бежит за ней.

Стоит лишь на шаг удалиться с парадной магистрали — и картина совсем иная: неровный, выщербленный асфальт, помойные баки, переполненные до краев, почти полное отсутствие света — только из окон сочатся скупые желтые лучи. Виктор, ворвавшийся в эту клоаку, подслеповато озирается, боясь сделать ход шаг — он уже оступился пару раз прямо под аркой и теперь стал более осторожен. Ни души. Он медленно, ощупывая ногами места, куда встает, делает несколько шагов, поворачивает за еще один угол...

Прямо перед ним отдыхает среди помойных баков стайка подростков, мальчишек и девчонок. Они совсем иные, чем молодежь проспекта: худо одетые, почти бомжевого вида, маленькие, щуплые, гнилозубые, как зверьки, живущие среди отбросов благодаря отбросам и без отбросов уже не мыслящие своего бытия. Они, пожалуй, ошеломлены появлением Виктора не меньше, чем он — встречей с ними. С десятков пар глаз, словно глаза крыс из норы, неподвижно глядят на Виктора. Среди них и впрямь есть девочка, которую с большой натяжкой, но можно назвать

похожей на ту, которая померещилась Виктору. Она скалится, исподлобья глядя на придурковатого взрослого.

Потом один из подростков страшно улыбается, обнажив плохие, но острые зубы.

ПОДРОСТОК

(у него даже дикция невнятна, отвратительна, как и одежда; его очень трудно понять — у таких своя речь, своя артикуляция, и вполне понимают их только такие же, как они)

Дядя тю-тю...

И он делает Виктору козу. Несколько подростков неторопливо, слаженно и вроде бы безо всякой агрессии обходят Виктора сзади, отрезая его от арки, через которую он попал в проходной двор. Виктор озирается, пятится.

ВИКТОР

(хрипло)

Ребята... вы что тут делаете?

В ответ ему раздается издевательский множественный хохот. Его отзвук еще сопровождает Виктора, когда тот то ли в панике, то ли в отвращении бежит обратно под арку, спасаясь из этой бездны — опять зигзагом, обходя подальше тех, кто оказался на прямой между ним и проспектом. Ему не мешают. Лишь смеются. Так могли бы смеяться привидения.

СЦЕНА 27. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. НОЧЬ

Виктор сидит за столом, перед ним включенный ноутбук и пепельница, полная окурков. Виктор смотрит окно, за которым — ночь и огни домов, реклам, магазинов; потом он опускает пальцы на клавиатуру и начинает печатать.

ГОЛОС ВИКТОРА

(за кадром)

И где бы ему не доводилось бывать, ему всегда казалось, что люди живут не сами, а просто текут под уклон, как вода, и никогда не задумываются, что, собственно, там, внизу? Биомасса течет в будущее...

Он перестает писать. Достает сигареты, неторопливо закуривает, откидывается на спинку кресла и смотрит в потолок, точно пытаясь прочесть там продолжение. Потом снова всматривается в свой текст и вдруг принимается печатать с новой строки.

ГОЛОС ВИКТОРА

(за кадром)

Но если все, во все времена и на всех материках, жили и продолжают жить одинаково — значит, они правы? Значит, так и надо?

(пауза)

Или это как раз по старому анекдоту: наверное, в дерьме все-таки что-то есть, не могут же миллиарды мух быть не правы...

(пауза)

Кто бы подсказал... Хоть бы намекнул — так или нет?

(пауза)

Миллиарды мух... Повелитель мух. Между прочим, это одна из кличек сатаны...

Размышляет еще мгновение, сигареты дымится в углу его рта. Потом сохра-

няет написанное, закрывает ноутбук и, медленно поднявшись, подходит к окну. Смотрит в ночь мегаполиса, ярко расцвеченную огнями, рекламами, фарами и габаритными сигналами бесчисленных автомобилей, текущих в теснине улицы вниз. Сквозь стеклопакет окна не проникают звуки, и кажется, что в мире тишина и покой, только текут разноцветные огни, веселя глаз — словно ожила громадная новогодняя елка размером с целый город...

СЦЕНА 28. ЭКС. ТАШЛИНСКИЙ АЭРОДРОМ. УТРО

Серая, сумеречная, полная летящей изморози мгла без конца и края. Ближайшие предметы еще как-то просвечивают в ней, угадываются, но дальше — серая водянистая бездна. Ревут моторы — ближе всего вертолет с вращающимися лопастями, дальше угадываются два тяжелых транспортника, по рамповым пандусам которых медленно выгружается то ли военная, то ли эмчээсовская техника. Из открытой дверцы вертолета, по сброшенной металлической лестнице, пряча лицо от гонимого винтом ветра, полного секущих мелких капель, спускается Виктор. Его встречает у трапа человек в плаще с поднятым капюшоном, когда Виктор оказывается наконец на земле, человек козыряет ему, Виктор в ответ неловко кивает, не зная, как себя вести в ответ. Человек в плаще делает приглашающий жест, потом куда-то показывает вперед, что-то говорит — но видно лишь, как открывается и закрывается рот, слов не слышно в гуле моторов транспортов и громе близкого двигателя «вертушки». Виктор идет вслед за человеком в плаще. Вскоре вертолет теряется в тумане, а вместо него, впереди, показываются смутные очертания каких-то строений, влево и вправо от которых уходит высокая ограда из бетонных столбов, несущих несколько рядов колючей проволоки. Человек в плаще открывает перед Виктором торцевую дверь длинного ангара и, когда Виктор входит внутрь, снова отдает ему честь. Виктор снова лишь кивает в ответ.

СЦЕНА 29. ИНТ. ПРОХОДНАЯ. УТРО

Дверь закрывается. В ангаре уже тише, Виктор идет вперед по длинному, тускло освещенному мертвенным, порой мигающим светом редких газосветных ламп. Проходит через турникет детектора. За ним — перегородка, слева от которой, под прикрытием прозрачной перегородки, сидит пожилой человек в военной форме. Виктор наклоняется к окошечку в перегородке, протягивает документы. Военный чиновник берет его паспорт, внимательно изучает, несколько раз вскидывая глаза на Виктора и снова опуская их к фотографии.

ЧИНОВНИК

Фотография сетчатки?

ВИКТОР

Там, в паспорте. Вложена в конце.

Чиновник внимательно изучает снимок сетчатки глаза Виктора.

ЧИНОВНИК

Анализ крови?

Виктор молча подает ему очередную бумажку.

Чиновник просматривает анализ, будто представление медицинских справок на контроле — не простая формальность, и он в них что-то понимает. Потом откладывает.

ЧИНОВНИК

Заключение пульмонолога?

Виктор вновь отдает ему затребованный документ, не говоря ни слова.

ЧИНОВНИК

(сварливо)

Документы надлежит подавать в комплекте.

ВИКТОР

Снимок сетчатки я подал вам в комплекте. Вы его не заметили.

Чиновник меряет Виктора взглядом. Виктор достает из нагрудного кармана и подает ему пять или шесть сложенных стопкой бумажек. Чиновник неторопливо и почти сладострастно принимается их изучать.

Наконец чиновник удовлетворен. Он отдает Виктору его паспорт.

ЧИНОВНИК

Хорошо. Все в порядке, проходите. Добро пожаловать в Ташлинск, господин Банев.

ВИКТОР

(убирая паспорт карман:, засовывая документы в бумажник)

Благодарю вас, господин Святой Петр.

ЧИНОВНИК

(удивленно)

Почему Петр?

ВИКТОР

Потому что такой контроль может быть лишь у райских врат.

Чиновник от души смеется, и в нем наконец-то чувствуется нечто человеческое. Виктор минует пропускной пункт. Его сумка уже дожидается его по эту сторону всех преград. Виктор взваливает ее на плечо и выходит наружу.

СЦЕНА 30. ЭКС. ТАШЛИНСК. УТРО

У наружного выхода из ангара Виктор останавливается. Вокруг — по-прежнему сырая, волглая пустыня, смутно видны лишь контуры низких домов впереди. Под ногами — выщербленный, старый асфальт, трещины и выбоины полны воды.

Виктор озирается. Ни души.

ВИКТОР

Н-ну?

Издаലെка, из глубины идущей вдоль путей улицы, сквозь ливень начинают просвечивать стремительно приближающиеся фары машины. Несколько мгновений — и возле Виктора лихо тормозит, выбросив фонтаны из-под протекторов, армейский газик. Из кабины выпрыгивает молодой лейтенант, вытягивается перед Виктором и тоже козыряет.

ЛЕЙТЕНАНТ

Господин Банев?

Чувствуется, что обращение «господин» лейтенанту вчуже, оно звучит в его устах как-то неестественно, и потому он, борясь с собой, вставляет его в свои реплики при каждом удобном случае.

ВИКТОР

Да.

ЛЕЙТЕНАНТ

Прошу простить. Грунт размыло, и рухнула опора переезда.

Не раньше, не позже... Пришлось кругами ехать. Садитесь скорей. Там ЧП какое-то, время дорого...

Он торопливо забирает у Банева чемодан, впихивает его в машину. Банев впихивает сумку, а сам садится рядом с лейтенантом, уже вернувшимся на свое место за рулем. Машина, переваливаясь, будто шлюпка на волнах, трогается. Некоторое время водитель и пассажир молчат.

ВИКТОР

Здесь всегда так льет?

ЛЕЙТЕНАНТ

(презрительно)

Разве это льет? Вот по ту сторону зоны затопления... мы ее, знаете, Разливом зовем...

(он коротко, с усмешкой взглядывает на Виктора — оценит ли он местный фольклор, потешающийся над мифами давних-стародавних советских времен: Ленин в Разливе...)

Вот там льет так льет...

Виктор не находится, что сказать. Машина, подпрыгивая на ухабах и скрипя всем нутром так, будто собирается развалиться на шестеренки, несется сквозь ливень, в свете фар летят мириады сверкающих острых точек-капель; это рябое сверкание гипнотизирует, оно может, пожалуй, нестойкого человека довести до эпилептического припадка. Кроме ливня, почти ничего и не видно — темные остовы низких, от силы двухэтажных домов, какие-то башни... Виктор сует руку в карман, досадливо отдергивается от киселя, в который превратились предусмотрительно положенные им поближе сигареты.

ВИКТОР

Сигареты размокли... Закурить не будет, лейтенант?

ЛЕЙТЕНАНТ

Виноват, господин Банев, не курю...

ВИКТОР

(с досадой)

Экий молодец...

ЛЕЙТЕНАНТ

Потерпите, тут недолго... Сейчас держитесь крепче, господин Банев. Неровно будет.

И газик начинает скакать, будто решил вытряхнуть из пассажиров душу.

ВИКТОР

(цепляясь обеими руками за что придется)

Да не мучайтесь вы. Товарищ я, товарищ...

ЛЕЙТЕНАНТ

Виноват, господин Банев. По уставу не положено. Все иностранцы — господа. Даже эсэнгэшные.

ВИКТОР

(с иронией)

Какой нынче устав стал общечеловеческий...

Некоторое время они едут молча. Газик, натужно воя мотором, пробирается по извилистым узким улочкам богом забытого городишки, между опустелых деревянных домов и бараков, в гниющих стенах которых зияют бреши выбитых окон, из-под колес хлещут фонтаны грязи. Наконец пытка кончается, машина подрули-

вает к причалу. Подъезд перегорожен шлагбаумом с эмблемой ООН. И снова КПП. Лейтенант опускает стекло, показывает караульному документы. Проходит несколько мгновений, потом створки ворот начинают с гулом разъезжаться.

Газик подъезжает вплотную к сходням, перекинутым на катер, вибрирующий под парами у самого причала. У сходней стоит, засунув руки в карманы плаща и нахохлившись, втянув в плечи голову, покрытую блестящим от дождя капюшоном, какой-то человек. Серая стылая вода колышет мусор, щепки, обрывки бумаги, пустую пластиковую бутылку, куклу с оторванной рукой. Лейтенант выпрыгивает из машины, обегает ее кругом и снаружи открывает дверцу для Банева. Тот, покачивая головой — экие, мол, церемонии! — выпрыгивает на причал. Рокочет мотор катера. Человек в капюшоне идет навстречу Виктору.

ЛЕЙТЕНАНТ

Счастливо, господин Банев.

ВИКТОР

(обернувшись, с улыбкой — и подчеркнув слово «господин»)

И вам счастливо, господин лейтенант.

Лейтенант смеется и запрыгивает в свою машину. Рвет с места.

Человек в капюшоне протягивает Виктору руку. Они обмениваются рукопожатием.

ЧЕЛОВЕК В КАПЮШОНЕ

Здравствуйте. Я — Айзэк Големба.

ВИКТОР

Здравствуйте, господин сопредседатель комиссии...

ГОЛЕМБА

Оставьте. Никого в погонах в пределах видимости не наблюдается. Можете звать меня просто Айзэк... или Аик. Нас тут не так много... нормальных и вдобавок гражданских. Поэтому стараемся просто дружить. Я давно вас жду, Вик. Идемте скорее, катер отходит.

Виктор и Големба торопливо поднимаются по сходням. Матросы торопливо убирают сходни, мотор прибавляет обороты. Катер отходит от причала.

ВИКТОР

Что-то случилось?

ГОЛЕМБА

Да. Идемте вниз, вы одеты не по погоде... Сейчас я вас представлю другим членам комиссии... тут не все, но... самые... Впрочем, вы потом сами поймете. У нас было совещание с военными, им как всегда, нейметса — а теперь возвращаемся на всех парах.

СЦЕНА 31. ИНТ. КАЮТА КАТЕРА. ДЕНЬ

Они спускаются вниз. Идут по короткому коридору, Големба открывает дверь и пропускает Виктора вперед, входит за ним следом. У квадратного стола сидят мужчина и женщина, когда Виктор и Големба входят, они встают.

ГОЛЕМБА

Вот и наш новый коллега, господа.

Виктор делает шаг вперед.

ГОЛЕМБА

Сопредседатель от России, доктор физмат наук Геннадий Комов.

Комов улыбается Виктору — у него неяркая, мягкая улыбка и открытое лицо. Комов и Виктор обмениваются рукопожатием.

КОМОВ

Очень приятно. Наслышан. В свое время читал вас... с удовольствием читал. Пока было время на серьезные книги.

ВИКТОР

Теперь его нет?

КОМОВ

(с легкой горечью)

Теперь нет. Прогресс. Это очередная жертва, которой он потребовал...

ВИКТОР

А каких жертв он требует еще?

КОМОВ

Забавно, но вот именно это мы и пытаемся там понять...

ГОЛЕМБА

Виктор, это Диана Глумова.

ВИКТОР

Очень приятно.

ИАНА

Мне тоже.

Диана первая протягивает Виктору руку, и ему ничего не остается делать, как и с нею обменяться вполне мужским рукопожатием — после едва уловимой заминки с его стороны.

ГОЛЕМБА

Диана курирует у нас всякие биологические и медицинские дела...

ИАНА

Неофициально.

ГОЛЕМБА

Ну, разумеется. Официальным лицам некогда заниматься конкретными мелочами. Вы будете подчиняться непосредственно ей.

ВИКТОР

(галантно и чуть смущенно)

Всю жизнь мечтал иметь такого начальника.

КОМОВ

(опять чуть улыбается)

Просто мы не нашли для вас иных вариантов. Куда еще пристроить гуманитария, как не в психологию?

ГОЛЕМБА

Это подчинение чисто формальное. Впрочем, об этом позже...

ВИКТОР

Сколько нам плыть?

КОМОВ

Часа три...

ГОЛЕМБА

Вы голодны, Вик?

ВИКТОР

Да как сказать... Пожалуй, нет. Позавтракать я успел.

ГОЛЕМБА

Здесь есть буфет. Третья дверь направо. Если хотите согреться...

ВИКТОР

(с улыбкой)

Намек понял.

Големба встает, подходит к Виктору почти вплотную и говорит тихо, глядя ему в глаза.

ГОЛЕМБА

Только вот что я хочу вам сказать, Вик. Между нами... без обид. Ташлинск довольно странное место. Сырость... Страх. Нервное истощение. Бессонные ночи. Не знаю, как объяснить — у каждого свое. Некоторые деж считают, что это влияние места... эманация, излучение... Я в это не верю — скорее просто нервы. Словом, пьют тут... много. Я имею в виду алкоголь. Пьют алкоголь. Поэтому я вас очень прошу — подержитесь подольше. Как можно дольше. Хотя бы... ну... день, два...

ВИКТОР

(он смущен и за иронией прячет растерянность)

Нет вопросов. Хоть три. Я не пьянчуга. Представьте, Айк, несколько раз в жизни мне удавалось выдерживать без единой рюмки даже три с половиной дня ...

ГОЛЕМБА

(коротко улыбнувшись)

Ну вот и славно.

Виктор улыбается ему ответ и выходит из каюты. Но, прежде чем притворить дверь, на мгновение задерживается на пороге.

СЦЕНА 32. ЭКС. КАТЕР. ЗАТОПЛЕННАЯ МЕСТНОСТЬ. ДЕНЬ.

Мерно тарахтит мотор катера, скользящего по серой стылой воде. На поверхности время от времени видны какие-то обломки, доски, вдруг проплывает открытый чемодан, коляска... Кое-где видны торчащие из воды верхушки деревьев. Сильный густой туман и проливной дождь. В двух десятках метров все уже расплывается, исчезает.

Виктор стоит в одиночестве на носу катера, нахлобучив капюшон, и всматривается в туман. Картина жутковатая, потусторонняя. Будто в мире уже не осталось ничего, кроме воды и старенького катера, плывущего в никуда.

Виктор едва слышно произносит стихи, которые недавно напомнил ему Валентин.

ВИКТОР

Я в третьем круге, там, где дождь струится, Проклятый, вечный, грузный, ледяной... Всегда такой же, он все так же длится... Длится...

Он и не заметил, как рядом с ним неслышно появляется Диана — она тоже в блестящем от воды плаще и в низко надвинутом капюшоне. Только когда раздается ее голос, Виктор оборачивается.

ИАНА

Здесь совсем не ад.

Диана не смотрит на него, она всматривается в туман, как только что всматривался Виктор. Но в лице ее нет настороженности, она чуть улыбается. Мечтательно.

ИАНА

Здесь хорошо. Вы скоро поймете. Кстати, мне нравится, как вы пишете.

ИКТОР

А что вы читали?

ИАНА

Я не помню толком — но мне нравилось... Вы всю жизнь ждете, когда настанет будущее, ведь так?

Виктор некоторое время не реагирует, потом медленно кивает.

ИАНА

А оно все не наступает. Просто настоящее длится... длится... как этот дождь.

Виктор горьковато усмехается.

ИКТОР

Пожалуй...

ИАНА

Значит, вам здесь понравится.

Виктор отводит от нее взгляд и вновь смотрит вдаль.

ИАНА

К будущему здесь ближе.

Из тумана навстречу катеру выплывает крыша затопленного строения. Возможно, это был дом. Катер медленно тарахтит мимо.

ИКТОР

(глядя на полузатопленную крышу)

Вы никогда не задавались вопросом, что происходит с настоящим, когда наступает будущее?

СЦЕНА 33. ЭКС. ПРИЧАЛ. СУМЕРКИ.

Катер стоит у низкого, на скорую руку сшитого из деревянных брусьев причала. Вокруг — серая дождливая мгла, и под ногами — низкий берег, превратившийся в сплошную топь. Члены комиссии один за другим спускаются с катера на деревянный настил, их уже ждем военный в плащ-палатке, Когда Големба и Комов оказываются внизу, он подступает к ним вплотную.

ОЕННЫЙ

У нас проблемы.

КОМОВ

Рассказывайте толком. Кто этот человек? Как он оказался в зоне перехода? По радио мы ни черта не поняли...

СЦЕНА 34. ЭКС. ЗОНА ПЕРЕХОДА. СУМЕРКИ.

Члены комиссии и сопровождающие их военные шагают по деревянному настилу, из щелей между досками при каждом шаге выплескиваются фонтанчики грязи, их сопровождает несколько военных. Кругом в густой дымке видны какие-то смутные очертания то ли бараков, то ли ангаров...

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ

(взволнованно)

...И самое страшное, что нам до него не добраться. Он уже там, в коридоре. Кто он, что — никто не понимает.

ВТОРОЙ ВОЕННЫЙ

Мы нашли на берегу резиновую лодку. Весла, остатки еды... Представляете? Добрался самостоятельно...

КОМОВ

Журналист?

ИАНА

Мародер?

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ

Ничего не известно.

КОМОВ

Мародеров они тормозили куда жестче... Ладно, разберемся.

Они подходят к импровизированному пункту наблюдения. У стереотрубы — еще несколько военных.

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ

Прошу...

Члены комиссии по очереди принимают к окулярам стереотрубы. Големба, отстранившись, делает Виктору знак.

ГОЛЕМБА

Посмотрите, Вик...

Взгляду Виктора в окулярах предстает странная картина, смутно видимая сквозь мглу тумана и дождя. Посреди топкой, теряющейся в дожде дикой равнины стоят в ряд с десятков стульев — словно кто-то приготовился рассаживать зрителей. На одном из них, спиной к наблюдательному пункту, сидит человек. Сидит совершенно неподвижно. Виктор смотрит. Что-то есть в этой картине противоестественное. Слишком уж человек неподвижен под дождем, посреди топи.

КОМОВ

И давно он так?

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ

Утром увидели. Когда его заклинило — бог весть, ночью, наверное, или поздно вечером... Вчера не было.

КОМОВ

Ну, стало быть, еще живой... Пошли. Готовьте медиков. Пусть следуют метрах в ста за нами.

И он первым делает шаг по гати, ведущей прямо к туманному, тонущему в дожде горизонту. Теперь можно понять, что едва видимые пятнышки мути вдали — это те самые стулья посреди равнины. До них с километр.

Следом за Комовым, гуськом один за другим, идет остальные — Диана, Големба, Виктор. Големба замедляет шаг, чтобы оказаться с Виктором рядом — вдвоем идти неудобно, настил слишком узок, но он, стараясь держаться на полша-

га впереди, наскоро инструктирует своего подопечного.

ГОЛЕМБА

Вот что, Вик... Держитесь спокойно и постарайтесь не думать ни о чем плохом. Мы не знаем их критериев, не знаем, как они решают, кого пустить, кого нет... Как правило, проблем не бывает. Вот мародеров и воров, поначалу их много пыталось попасть в опустевший город, они чувствуют безошибочно, хотя... Боюсь, настоящих-то врагов они могут не ощутить... был один случай... Они просто не понимают. Для них — все наше: мелкая возня... Что Всемирная организация здравоохранения, что чья-нибудь разведка — просто бюрократические структуры, которых у людей легион. Как мы ни бились, пытаюсь им объяснить... Ладно, потом. Постарайтесь просто думать о чем-нибудь приятном. О работе, например... О будущей книге...

ВИКТОР

(криво усмехаясь; он не привык быть игрушкой непонятных сил и обстоятельств)

Вы не представляете, Айк, как неприятно думать о будущих книгах. Сплошной страх: а вдруг не получится? А вдруг уже не смогу, уже исписался? Нет уж... Я буду думать о Диане, хорошо?

ГОЛЕМБА

(после легкой заминки)

Думаю, что это нормально.

Они постепенно приближаются к стульям. Чавкает грязь под настилом. Человек по-прежнему сидит неподвижно, его лица не видно. Комов садится на стул. Следом за ним, рядом с ним — Диана, следующим — Големба, потом, положив руку на спинку стула и постояв мгновение — Виктор. Неподвижный человек сидит от него на расстоянии двух стульев. Виктор опасливо, не поворачивая головы, скашивает на него взгляд. Лицо сидящего страшно: у него закачены глаза, видны лишь белки, и оскалены зубы. По лицу стекает дождь. Виктор отводит взгляд.

Некоторое время ничего не происходит.

Потом из крутящейся дождливой мглы впереди проступает контур приближающегося автобуса. Он идет легко, точно по бетонному шоссе, и в десятке метров от сидящих тормозит. Из кабины выходит человек в черном облегающем плаще до пят, черных перчатках, сапогах и странной черной повязке, туго охватившей голову и даже лицо вплоть до глаз; собственно, видны лишь глаза и брови, и узкая полоска лба; это первый мокрец, которого Виктор видит в жизни. Он медленно подходит к сидящим. Те словно не обращают на него внимания. Медленно переходит от одного к другому, пристально всматриваясь в каждого. Возле Виктора он останавливается, смотрит на него дольше обычного, чуть хмурит мокрые от дождя брови. Виктор с трудом сохраняет невозмутимость — хотя ему все это уже претит, и он готов вспылить. Потом вдруг мокрец поднимает руку и почти игриво грозит Виктору затылком в черную ткань перчатки пальцем.

МОКРЕЦ

А ты хитрец!

У Виктора дергается лицо от этой нелепой бесцеремонности. Он взглядывает мокрому прямо в глаза.

ВИКТОР

(мокрому в тон)

А ты — мокрец?

Мокрец мгновение молчит, потом надтреснуто смеется и, повернувшись, идет к своему автобусу, уже на ходу, не глядя, сделав членам комиссии приглашающий жест рукой. Комов встает первым, за ним поднимаются остальные и идут за мокрецом.

ГОЛЕМБА

(вполголоса, наклоняясь к Виктору, как заговорщик)

Вик, вы сумасшедший...

ВИКТОР

Всегда!

Комов догоняет мокреца, что-то говорит ему горячо и убеждающе. Мокрец, взявшись одной рукой за ручку дверцы водительской кабины, слушает, полуобернувшись. Потом молча кивает, несколько мгновений смотрит назад, туда, где стоят стулья, а затем легко запрыгивает в кабину. Дверца захлопывается. Виктор, повинаясь какому-то чутью, оборачивается — и успевает увидеть, как тело сидящего на стуле человека обмякает и он мешком валится со стула в грязь. Из мглы, торопливо гремя сапогами по прогибающейся узкой гати, набегают санитары со складными носилками, окружают лежащего.

ГОЛЕМБА

(тихо)

Идемте, Вик. Это уже вне нашей компетенции...

Члены комиссии садятся в автобус.

СЦЕНА 35. ИНТ. САЛОН МИКРОАВТОБУСА. СУМЕРКИ.

Пассажиры молча рассаживаются по сиденьям выдавшего виды автобуса. Все мокры и мрачны, обстановка действует угнетающе. В салоне горит свет, и за окнами, по которым струится вода, ничего не видно — сумерки, туман, проливной дождь.

Виктор пытается смотреть в окно. Он действительно прожил в Ташлинске изрядную и отнюдь не худшую часть жизни, он пытается высмотреть хоть что-то знакомое. Но снаружи лишь плывут какие-то смутные тени — то ли дома, то ли нет... Отчетливо видно ему лишь отражение собственного лица — усталого, с уже проступившей щетиной. Виктор поворачивается к Диане, ему хочется хоть что-то сказать, молчать неловко и тревожно.

ВИКТОР

Ну и льет...

Диана молча кивает.

Автобус, покачиваясь, будто на волнах, медленно, очень медленно плывет сквозь мглу. За окном по-прежнему бледная, мглистая муть — и темный контур отражения. Впереди видна только синяя мигалка патрульной машины сопровождения.

ГОЛЕМБА

(глядя в окно)

Дожди, дожди... Мы дышим водой. Но мы не рыбы, мы либо умрем, либо уйдем отсюда... А дождь будет падать на пустой город, размывать мостовые, сочиться сквозь крыши...

ВИКТОР

Апокалипсис.

ГОЛЕМБА

Да. Апокалипсис... А потом земля напитается, и взойдет но-

вый посев...

ВИКТОР

Красиво сказано... Ну, а если серьезно?

ИАНА

Не теперь.

(увидев разочарованное и даже чуть обиженное лицо Виктора, добавляет)

Виктор, поймите, я не... Очень трудно что-то рассказать человеку, который еще ничего не увидел и не почувствовал сам. Мы здесь скоро год бьемся как рыба об лед и все равно так ничего толком и не узнали. Сплошные миражи. Слыхали, кстати, про местные миражи?

ВИКТОР

Слыхал.

Големба, слышавший их разговор, поворачивается к ним.

ГОЛЕМБА

Главное, объяснить никому ничего невозможно. Официальную бумагу напишешь, перечитаешь — нет, нельзя ее отправлять вверх, бред. Роман, а не доклад...

ВИКТОР

Роман — это уже по моей части.

ГОЛЕМБА

То-то и оно. Я на вас сильно рассчитываю, Вик. Но пока — у меня к вам просьба. Поживите в гостинице день-другой, не выходя. Пока не адаптируетесь. Нужно привыкнуть. А то всякое может случиться. Я понимаю, как вам интересно, ноне начинайте сразу с самостоятельных экспедиций, прошу вас.

ВИКТОР

Это вряд ли.

Големба вздыхает и отворачивается.

СЦЕНА 36. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ. СУМЕРКИ.

Гостиница явно знавала лучшие времена. Горит свет — но далеко не все лампы. Грязно. Пол вестибюля покрывает грязная стоячая вода. Там, где воды нет, на небольших островках суши все истоптано мокрыми следами. У стеклянной стены рядом со входом был когда-то цветник с миниатюрными деревцами — половина их обломана, цветы высохли. На одном из диванов, стоящих напротив лифтов, спит какой-то неопрятный человек, рука его свисает к полу, на полу лежит бутылка. У входа — двое вооруженных охранников в камуфляже.

Немногочисленные приезжие втягиваются в кабину лифта — все они помещаются в одной. Двери съезжают со скрипом. Големба, перед тем, как скрыться в уходящем в глубину первого этажа коридоре, делает Диане знак: позаботься, мол. Та кивает.

ИАНА

Идемте.

Ошеломленно озирающийся Виктор следует за ней, хлопая по воде. Вдвоем они идут к стойке «ресепшн» — Диана по-прежнему держит руки в карманах плаща, Виктор тянет на плече свою объемистую сумку и на ходу достает документы.

ИАНА

Это наш новый сотрудник.

ПОРТЬЕ

(с энтузиазмом и с ужасным акцентом)

Ноу пр-роблем, мадам.

Похоже, он навеселе.

Виктор протягивает ему паспорт, портье что-то записывает. Диана терпеливо ждет, глядя в пространство.

ПОРТЬЕ

(поднимая на Виктора взгляд)

Какой номер угодно мистеру?

Виктор снова не знает, что сказать. Оглядывается на Диану — та равнодушно смотрит в сторону.

ВИКТОР

Что, так много свободных?

ПОРТЬЕ

Да берите любой!

Виктор чувствует себя полным идиотом. И к тому же ему позарез нужно пробить хоть как-то равнодушие стоящей рядом женщины.

ВИКТОР

Шестьсот шестьдесят шестой.

ИАНА

Виктор, вы с ума сошли. Это не шутки!

ВИКТОР

Тогда девятьсот семнадцатый.

ИАНА

(сдерживаясь)

В гостинице восемь этажей, так что девятисотых номеров в принципе не может быть. Третья попытка, Виктор.

ВИКТОР

Ладно. В память о царе-освободителе — восемьсот шестьдесят первый. Годится?

ПОРТЬЕ

(радостно)

Уи, сэр!

(записывает)

Ихь битте, плиз.

ВИКТОР

Ключи?

ПОРТЬЕ

Да ради бога!

Не задумываясь, берет со своей стороны стойки какие-то ключи — похоже, первые попавшиеся — и протягивает Виктору. Тот отворачивается от стойки к Диане. Та наконец переводит взгляд на Виктора и чуть улыбается.

ИАНА

Ну, вот и славно. Я в пятьсот шестнадцатом, если что — звоните. Телефон работает. А сейчас я вас оставлю, дела.

И она торопливо уходит в тот же коридор, что и Големба.

Виктор направляется к лифту, поигрывая ключом и ворча про себя. Он совершенно выбит из колеи и раздосадован тем, каким, вероятно, идиотом выглядел в глазах Дианы.

ВИКТОР

**Телефон работает, надо же... какое достижение цивилизации.
Сумасшедший дом.**

Жмет кнопку лифта. В ожидании оглядывается назад, озирается — и вдруг ему кажется, что спящий человек на диване вовсе не спит, а пристально смотрит на него из-под полуопущенных век. Виктор умолкает и, не веря себе, словно замороженный делает несколько шагов к лежащему. Нет, показалось. Просто тот пьян в стельку и спит с приоткрытыми глазами.

Наверное, показалось.

Раздается мелодичный сигнал, и двери лифта разъезжаются в стороны. Виктор поспешно возвращается и входит в лифт. Двери закрываются.

А, может, и не спит. Может, и не показалось.

СЦЕНА 37. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. СУМЕРКИ.

Скупо освещенный коридор. Виктор впихивает ключ в замочную скважину — тот входит с трудом, скрежеща. Не поворачивается. Виктор в сердцах крутит его и так, и этак, потом ненароком толкает дверь — та открывается. Виктор входит, роняет на пол сумку. Стоя на пороге, с трудом выдирает ключ из скважины. Замка просто нет, он вырван с корнем. Виктор невнятно ругается, и сейчас же открывается дверь номера напротив, наискосок, оттуда выходит рослый, голенастый человек в прекрасном костюме, с аккуратно повязанным галстуком.

РОСЛЫЙ

С приездом.

ВИКТОР

(растерянно)

Благодарю вас...

РОСЛЫЙ

Проблемы?

ВИКТОР

Замка нет.

РОСЛЫЙ

Ну, это пустяки. Мы тоже запираемся на проволочку. Надолго сюда?

ВИКТОР

Не знаю. Как дела пойдут.

Рослый улыбается и отступает обратно в свой номер. Дверь его закрывается, слышна какая-то мимолетная возня, звук то ли задвинутой щеколды, то ли какого иного доморощенного приспособления, потом все затихает. Монотонно барабанит по металлическому подоконнику за окном ливень.

Виктор входит в номер и притворяет за собой дверь.

Номер невелик. Постель аккуратно убрана, но зеркало, висящее не стене, расколото. Виктор подходит к окну.

Мгла. По стеклу текут потоки воды. Смутными горбами высятся дома напротив. Улицы тонут в водяной дымке внизу.

СЦЕНА 38. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ. СУМЕРКИ.

Не останавливаясь, Виктор торопливо пересекает вестибюль. Портье не видно, а человек на диване лежит, как лежал. Проходя мимо него, Виктор замедляет шаги и снова приглядывается к нему. Потом открывает наружную дверь и выходит под дождь.

СЦЕНА 39. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. СУМЕРКИ.

Мгла, туман. В десяти шагах ничего уже не видно. Решительности у Виктора явно поубавилось, он медленно идет поперек мертвой, безлюдной площади, по которой потоками бежит вода. Дом напротив тоже словно вымер, окна мертвы, во многих не хватает стекол — кое-где пробоины прикрыты фанерой, но в большинстве бреши чернеют, как после недавней бомбежки. А стена вся исписана. Виктор приглядывается и даже сбивается с шага: это формулы. Вереницы полуразличных сложных математических вычислений ползут по стене вниз, вниз, словно здесь спорили фанатичные, обо всем забывшие ученые, что-то доказывая друг другу прямо на улице. Последние строки написаны уже на асфальте, каким-то чудом их не смыл дождь. Завершающая формула обведена рамкой, и рядом отчетливая надпись по-русски: «Ха-ха! Вот тебе и Дирак!»

Виктор встряхивает головой, словно отгоняя напозающий бред. Идет дальше.

На улицах — ни души. Ни единой машины, ни единого автобуса. На перекрестке ветер закручивает потоки дождя густыми, слегка мерцающими белесыми столбами — кажется, будто громадные привидения бродят по городу.

СЦЕНА 40. ИНТ. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА ПЕРЕД БЫВШЕЙ КВАРТИРОЙ ВИКТОРА. РАННИЙ ВЕЧЕР.

Медленно Виктор поднимается на сумеречную, освещенную лишь скудным светом лестничного окна площадку перед дверью. Подходит к двери. Медленно, очень медленно. Прислушивается, почти прислонив ухо к двери. Ничего не слышно, лишь дождь шумит и плещет снаружи. Опять поднимает руку и опять опускает. Присаживается прямо на ступени лестницы и закуривает.

В свете зажигалки смутно высвечивается детский рисунок на стене: облако, из которого косо, словно капли дождя, сыплются знаки вопросов и корни квадратные из минус единиц. Мнимые числа. Уж настолько-то Виктор помнит школьный курс математики: мнимые величины. То, чего в реальности нет. Под одним из корней вместо «—1» написано: «—папа». Виктор проводит ладонью по лицу — то ли сгоняя дождевую сырость, то ли от волнения.

Сильный порыв ветра вдруг пронесется по вымершей сумеречной лестнице, где-то хлопает незакрытая форточка. Скрипит дверь. Виктор оглядывается: дверь в его квартиру открыта потоком воздуха; оказывается, она не заперта.

Виктор входит внутрь.

СЦЕНА 41. ИНТ. БЫВШАЯ КВАРТИРА ВИКТОРА. РАННИЙ ВЕЧЕР.

У квартиры жуткий вид — мало сказать, что нежилой; кажется, что она пустует вот уже по меньшей мере десяток лет. В углах колышется густая сизая паутина, обои висят мокрыми плесневелыми клоками; все вроде цело, но все расплющено временем и сыростью. Виктор идет в глубину квартиры. Все осталось, ничего не вынесено и не вывезено — просто люди ушли, и вещи остались доживать свой век сами по себе. Фотографии на стенах. Книги на полках. Посуда и одежда в

шкафах. В маленькой, самой удаленной от прихожей, комнатенке дочери — простенький набор мебели для школьников, тетрадки, на стене над столом — расписание уроков... Выбитые стекла, лужи на полу...

Неожиданно лампы в комнате начинают чуть-чуть мигать, чуть накаляются, словно от очень слабого электрического импульса. Лампы гаснут, но тут же снова вспыхивают. Виктор какое-то время стоит и смотрит на них, затем идет обратно. Когда он снова выходит в гостиную, из-за его спины, из комнаты, в которой только что никого не было, вдруг звучит голос.

ИРА

Ты мой папа?

Виктор, вздрогнув, оглядывается. У самого окна, спиной к нему и боком к письменному столу стоит не по погоде легко одетая, босая тоненькая девочка лет тринадцати. У нее огромные, серьезные, взрослые глаза и неподвижное лицо.

ИРА

Ну, конечно. Я тебя даже помню. По фотографии.

ВИКТОР

(хрипло)

Ира?

Ира молчит.

ВИКТОР

Как ты оказалась тут? Ты пряталась?

ИРА

Я не оказалась. Просто заглянула. Зачем ты приехал?

ВИКТОР

За тобой.

Ира смеется. Потом машет на него обеими руками, словно он ее невероятно рассмешил какой-то меткой шуткой.

ИРА

Странный какой... Ну, ладно, у нас еще будет время поговорить. А сейчас иди, мне нужно возвращаться.

(строго повторяет)

Иди.

Виктор пятится. Едва не падает, нащупывает рукой косяк двери, так и не отводя взгляда от глаз дочери. Пятясь, выбирается на лестницу — и тут с него словно спадают какие-то путы или чары. Он возвращается обратно в квартиру.

ВИКТОР

Ира! Ира!

Обходит все комнаты. В квартире ни души.

СЦЕНА 42. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. ВЕЧЕР.

Виктор медленно идет под дождем, подняв воротник, нахлобучив капюшон. Он поворачивает за угол и натывается на большую армейскую машину, стоящую прямо на тротуаре. Резко вспыхивают фары, ослепляя Виктора, и кто-то бьет его сзади по затылку. С коротким хрустом, словно дернули проржавелый рубильник, мутный и темный мир вокруг Виктора окончательно гаснет.

Из машины неторопливо выходит мужчина крепкого телосложения, в плаще. Лица его не видно, оно скрыто капюшоном. Он подходит к лежащему Виктору. Возле того уже стоят двое других в таких же плащах. Они переворачивают Викто-

ра лицом вверх, светят ему в лицо фонариком

ПАВЕЛ

Идиоты, какой же это мокрец!

ВТОРОЙ

А чего же он под дождем шляется? Да еще без зонта!

ПАВЕЛ

Это наш, из гостиничных, сегодня приехал... Член комиссии, между прочим. Черт бы его побрал.

ТРЕТИЙ

Ну и чего теперь?

ПАВЕЛ

В гостиницу его теперь. Скажете — подобрали... Ну что — учить вас надо?

СЦЕНА 43. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

Мир вновь медленно проясняется. Сначала появляется свет, потом становится ясно, что это потолок с висящими на нем светильниками. На фоне потолка — встревоженное лицо охранника.

ОХРАННИК

Ну вот... Вроде – порядок... Как вы себя чувствуете?

Виктор на диване вестибюля гостиницы — может быть, на том же самом, где днем спал пьяный. Виктор пытается сесть, морщится и коротко стонет. Щупает рукой затылок. Со второй попытки садится, спускает ноги с дивана в воду.

ВИКТОР

Эк они меня ловко... Не бутылкой. И не кирпичом. Либо ружейкой пистолета, либо кастетом.

ОХРАННИК

Видели вы их?

ВИКТОР

Нет. Как я сюда попал?

ОХРАННИК

Вас привезли на патрульной. Они и подобрали. А я уж сюда приволок.

ВИКТОР

(с сомнением в голосе)

Спасибо. Давно?

ОХРАННИК

Да никак нет. Минут десять назад... Ничего не украли?

Виктор смотрит на часы. Чуть качает головой. Потом лезет по карманам, проверяет, не украли ли чего. Нет. Все цело. Виктор глубоко вздыхает и поднимается с дивана. Опять морщится.

ОХРАННИК

(сочувственно)

Кружится?

ВИКТОР

Бывало хуже. Спасибо, друг. С меня причитается.

ОХРАННИК

Да ладно...

С каменным лицом Виктор идет к лифту.

СЦЕНА 44. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА И КОРИДОР ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

Виктор сидит на постели и курит, свободной рукой прижимая к затылку мокрое полотенце. Гасит окурки в пепельнице, идет в ванную, смачивает полотенце заново. Смотрит на себя в зеркало — щетина стала отчетливее, под глазами круги.

ВИКТОР

(отражению)

С приездом, Витек.

(строит себе издевательскую рожу)

Спаситель чад своих и прочих. Говорили же тебе, дураку...

Идет обратно, в который раз ощупывая затылок, потом опять прижимает к нему полотенце.

Звонит стоящий у изголовья постели телефон. Виктор берет трубку.

ВИКТОР

Слушаю!

ГОЛОС В ТРУБКЕ

Секретариат напоминает господину Баневу, что через десять минут начинается заседание комиссии.

ВИКТОР

Понял... Иду. Спасибо.

В трубке шелкает, раздаются гудки. Виктор откладывает полотенце. Выходит из номера, небрежно притворяет дверь и без колебаний, широким шагом уходит по пустому коридору к лифту.

ВИКТОР

(с нарочитой бодростью, несколько иронично напевает)

Голова обвязана, кровь на рукаве, след кровавый стелется по сырой траве...

Дверь соседнего номера беззвучно открывается, в коридор выглядывает Рослый и провожает Виктора взглядом. Когда Виктор скрывается в лифте, Рослый быстро входит в номер Виктора. Ни до чего не дотрагиваясь, осматривает номер и уходит.

СЦЕНА 45. ИНТ. ЗАЛ ЗАСЕДАНИЙ. ВЕЧЕР.

Один из холлов первого этажа гостиницы наскоро приспособлен под импровизированный зал заседаний. Кресла торопливо сдвинуты неправильным, небрежным овалом, перед сопредседателями стоят столики; остальные члены комиссии, кто хочет, ведут записи прямо на коленях. Здесь всего лишь около десятка людей. Виктор входит, осматривается в поисках свободного места и идет к одному из пустующих кресел.

ПЕРВЫЙ ЧЛЕН КОМИССИИ

...Поэтому я полагаю, что надежды — надеждами, перспективы — перспективами, а пора взглянуть правде в глаза. Крупный город гибнет, в сущности, почти погиб. Окрестности затоплены или заболочены на десятки, а может быть, уже и на сотни километров. Поток беженцев, конечно, ослабел, но это просто потому, что все, кто мог — уже сбежали. Остались лишь те, кому бежать

некуда или кто не может расстаться со своими детьми, некоторые из которых, как вы знаете, по непонятным причинам...

(он горько и ядовито усмехается — мол, мы-то с вами прекрасно знаем, по каким именно причинам, но об этом не говорят вслух)

...категорически отказываются покидать город. Это не менее трех тысяч человек по самым скромным подсчетам. Помимо столь интересной нашим уважаемым биологам...

(кивок в сторону Голембы и Дианы)

...странной генетической болезни начинают всерьез расцветать болезни обычные, вполне инфекционные, и остановить их, это уже ясно, не удастся. Несмотря на все усилия.

(снова тот же кивок в сторону тех же личностей)

Поэтому, как ни жаль, я склонен рекомендовать Совету Безопасности ООН предпринять все возможные шаги для того, чтобы климатические аномалии Ташлинска были бы по возможности нормализованы.

КОМОВ

Каким способом?

ПЕРВЫЙ ЧЛЕН КОМИССИИ

Любым способом.

ВТОРОЙ ЧЛЕН КОМИССИИ

Позвольте мне...

КОМОВ

Да, прошу вас.

ВТОРОЙ ЧЛЕН КОМИССИИ

(сидит нога на ногу, сцепив пальцы на колене; по мере того, как он говорит, голос его становится все громче и напряженнее, глаза начинают гореть)

Это все очень хорошо, очень правильно. Забота о населении Ташлинска, о беженцах... А о человечестве в целом вы подумали? О будущем в целом? Мостовые и стены в городе исписаны совсем не неприличными надписями. Некоторые из наших уважаемых физиков...

(он делает жест в сторону Комова)

...уверены, что эти формулы, по крайней мере — некоторые из них, сильно опережают современную науку. И потому политики уверились, будто горстка местных вундеркиндов уже вскоре ответит им на все вопросы бытия. И озабочены наши шефы тем, во-первых, чтобы наложить на эти ответы свою лапу, и во-вторых, чтобы не дать наложить на них лапу тем, кого наверху считают недостойными для этого, незрелыми и слишком безответственными. Поэтому — международный контроль, поэтому — кордоны, поэтому не работает почта, связь... Но! Во-первых, не бывает ничего тайного. Раньше или позже те, кто, так сказать, недостойн, доберутся до всего. А во-вторых — ответьте мне, положив руку на сердце: разве есть тот, кто достоин? У нас ли, в Штатах ли, в Европе, не говоря уж об Африке, например... Есть ли у нас те, кто достоин чудес? Достоин стать чудотворцами? Ответ ясен. Я — за климатическую нормализацию любой ценой. Повторяю, любой...

КОМОВ

Кто еще?

Молчание.

КОМОВ

Ну, тогда я скажу несколько слов... Давайте сегодня не принимать решения. Подождем день-два, посмотримся еще раз... В конце концов, Совет безопасности нас не слишком торопит... то есть, уже торопит, конечно, но все же не стоит с ножом у горла... А от нашего решения зависит... Короче, зависит слишком многое. Вот о чем я хотел вам напомнить еще раз. Идемте ужинать, господа.

СЦЕНА 46. ИНТ. РЕСТОРАН ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

В ресторане будто только что завершились два десятка буйных презентаций разом. Но сейчас там уже довольно малоллюдно, занято не более трети столиков — в той части зала, где пол сухой. Остальные две трети пола покрыты тонким слоем грязной воды. Виктор останавливается на пороге, присматриваясь, и замечает, как из дальнего угла зала, от длинного, на много персон стола, ему призывно машет рукой Големба. Виктор направляется туда. Садится.

Подходит, чуть пошатываясь, мрачный неряшливый официант, на скуле у него красуется пластырь.

ВИКТОР

Пожалуйста, кофе.

ОФИЦИАНТ

(удивленно)

Кофе?

ВИКТОР

Да. Крепкий кофе.

Официант, записав, удаляется, с непониманием мотая головой.

ГОЛЕМБА

Спасибо.

ВИКТОР

За что?

ГОЛЕМБА

За то, что пока держитесь и не пьете. Хотя вид у вас не из лучших...

Тут только Виктор обращает внимание, что перед Голембой стоит большой, наполовину пустой бокал с коричневой жидкостью — то ли бренди, то ли настоящий коньяк. Виктор поднимает взгляд, смотрит Голембе в лицо. С виду тот еще совсем трезв.

К соседнему столику подходят и привычно рассаживаются два человека: один — уже знакомый Виктору Рослый, из номера напротив, другой — щуплый молодой человек в мощных очках, с большим портфелем.

ВИКТОР

Кто этот высокий за соседним столиком?

ГОЛЕМБА

А что?

ВИКТОР

Ничего. Живет в соседнем номере. Он мне советовал записаться на проволочку.

ГОЛЕМБА

О, это большой специалист по безопасности...

ВИКТОР

Неужели? Никогда бы не подумал. Ценная информация. Спасибо.

ГОЛЕМБА

А вот и еще один член нашей комиссии. Он опоздал сильнее, чем ты.

Виктор оборачивается. К ним приближается, хлюпая по воде, встрепанный человек в мокром плаще, с плаща капает. У человека скуластое, волевое лицо и цепкий взгляд. Он приветственно поднимает руку, подходя.

ГОЛЕМБА

Это заведующий санитарной секцией Павел Сумák. Павел, это наш новый сотрудник Виктор Банев — психолог, публицист, писатель.

Виктор встает, протягивая руку. Павел хватает со стола салфетки одну за другой, вытирает ими руки, потом лицо, отшвыривая мокрые комки в заваленную окурками пепельницу.

ПАВЕЛ

Простите, Виктор, я весь в грязи... За городом — топи непролазные, я застрял... извозился весь... Добрый вечер. С приездом.

ВИКТОР

(вполголоса)

С приехалом...

(громко)

Добрый вечер.

ГОЛЕМБА

(внимательно глядя на Павла)

Представьте, Павел, наш коллега в первый же выход из гостиницы подвергся бандитскому нападению прямо возле гостиницы.

ПАВЕЛ

Какой ужас! Ничего не украли?

ВИКТОР

Нет. Удивительно, но — нет. А у вас такой вид, будто вы тоже с кем-то подрались...

ПАВЕЛ

(отшвыривает последнюю салфетку)

Я бьюсь только с призраками!

ГОЛЕМБА

Успешно?

ПАВЕЛ

Как когда... В древнем Китае была поговорка: победы и поражения — это обычная работа полководца... На десять минут я вас оставлю, господа. Надо помыться, переодеться... Остальные

уже ушли?

ГОЛЕМБА

Да.

ПАВЕЛ

Ужасно, что я опоздал. Что-нибудь решили?

ГОЛЕМБА

Нет. Но настроение мало-помалу меняется, увы...

ПАВЕЛ

(с улыбкой)

Судя по вашему «увы», пора прикрывать лавочку?

ГОЛЕМБА

Можно выразиться и так.

Павел с пониманием качает головой и уходит. Големба, глядя ему вслед, делает глоток из бокала. Что-то хочет сказать, но в этот момент к их столику, шатаясь, вдруг выворачивает из-за колонны совершенно пьяный, седой щуплый человек с полупустым стаканом в руке. Едва не упав, тормозит, опирается свободной рукой на стол. Из стакана чуть выплескивается. При виде человечка Банев вздрагивает. Это тот человек, который спал у входа на диване, когда Банев только приехал.

КВАДРИГИН

Я не помню... Я вам представлялся или нет, господа? Честь имею представиться: Рой Квадригин, живописец, доктор гонорис кауза, почетный член...

(Виктору)

Я, собственно, к вам. К тебе, то есть. Тебя я помню. Мы с тобой, по-моему, выпивали в «Улыбке», в «Незабудке», в «Ласточке», у твоей девушки... и еще где-то... Потом ты уехал в Америку.

(Голембе)

А вот вы, простите...

ГОЛЕМБА

(небрежно)

Меня зовут Айзэк Големба.

КВАДРИГИН

Душевно рад. Скульпт'р?

ГОЛЕМБА

Биолог. Сопредседатель комиссии ООН по Ташлинску.

КВАДРИГИН

(со значением)

Сопредседатель... ООН... А, я знаю. Вы разводите мокрецов.

Простите. Я сейчас.

Он резко поворачивается и почти бегом, явно едва сдерживая позыв рвоты, давясь, пересекает зал. Исчезает в дверях, не выпуская стакана из руки.

Виктор потрясен. Он перестал есть и ошеломленно смотрит Квадригину вслед, потом начинает неудержимо смеяться.

ВИКТОР

(смеется, замолкает, снова смеется)

Нет, это... Это что-то... Вот где фантастика. Квадригин! Боже мой...

ГОЛЕМБА

Ты действительно его знаешь?

ВИКТОР

Знал когда-то. Когда я тут жил, это был веселый и поразительно талантливый художник.

(мгновение молчит)

Вот так посмотришь — и действительно не захочешь ничего, кроме чая...

(пауза)

Он ведь моложе меня...

Молчат.

К их столику неуверенно приближается охранник. Робко трогает Виктора за плечо. Виктор поворачивается.

ОХРАННИК

Простите, господин... э-э... Вас там спрашивают. Поговорить хотят.

ВИКТОР

Пусть подсаживаются.

ОХРАННИК

Они, простите, сюда не заходят... У входа ждут.

Все смотрят на Виктора. Охранник говорит негромко, но и за соседними столиками стихли разговоры, и оттуда тоже уставились на Виктора испытующие глаза.

ВИКТОР

Кто?

ОХРАННИК

Да как вам сказать... Мальчик.

ВИКТОР

(ошарашенно)

Какой мальчик?

Охранник выразительно пожимает плечами.

Виктор, в который раз чувствуя себя полным идиотом, встает и идет за охранником. Весь зал молча смотрит ему вслед.

СЦЕНА 47. ЭКС. ПЕРЕД ВХОДОМ В ГОСТИНИЦУ. ВЕЧЕР.

Виктор выходит наружу. Под нависшим над входом козырьком не льет, но сырость адская, промозгло, в воздухе стоит водяная взвесь. С навеса сплошным водопадом шумно рушится вода. За этим мерцающим водопадом — бездонная тьма, нашпигованная летучими проблесками миллионов валящих с неба капель.

И стоящий мальчик лет четырнадцати.

Он стоит именно по ту сторону водопада, вплотную к нему, но под дождем. Это выглядит дико, противоестественно: он в ярких шортиках и цветастой футболке навыпуск, босой, с открытой головой, мокрый насквозь.

Виктор медленно идет к нему, но перед водяной завесой останавливается. Мальчик неподвижен и пристально глядит на него с той стороны.

МАЛЬЧИК

Господин Банев?

ВИКТОР

Да.

МАЛЬЧИК

Я Куница. То есть вообще-то по свидетельству о рождении я Боря, но вы пока можете звать меня Куницей. Хорошо?

ВИКТОР

(медленно)

Боря по кличке Куница... Хорошо.

КУНИЦА

Это не кличка, это точка отталкивания.

ВИКТОР

Не понял.

КУНИЦА

Ну надо же отталкиваться от какого-то животного, чтобы стать человеком.

ВИКТОР

Первый раз слышу... В мое время как-то обходились без этого.

КУНИЦА

(с недетской жесткостью)

Обошлись?

Виктор мгновение молчит, сызнава вглядываясь с лицо мальчика.

ВИКТОР

(медленно)

Трудно сказать... Кто — как.

Куница молча, холодно смотрит на него, и Виктору так и чудится ответ: вот потому-то вы еще и не стали человеком. Виктор засовывает руки в карманы и расставляет ноги пошире, поуверенней.

КУНИЦА

Мы хотели бы встретиться с вами.

ВИКТОР

Кто — мы?

КУНИЦА

Дети.

(не знает, как объяснить, потом находит слово)

Ученики... Ученики той школы, где учится ваша дочь.

Потрясенный Виктор на миг прикрывает глаза. Потом открывает. Он старается держаться спокойно, как будто ничего особенного не происходит.

ВИКТОР

Ты знаешь мою дочь?

КУНИЦА

Мы друзья.

Несколько мгновений Виктор молчит, потом, очертя голову, задает нелепый вопрос.

ВИКТОР

А от какого животного отталкивается она?

КУНИЦА

(невозмутимо)

Это может сказать только она сама.

ВИКТОР

(почти с издевкой)

На какой предмет будет встреча?

КУНИЦА

(невозмутимо)

Вы известный писатель, мы хотели бы поговорить.

ВИКТОР

(вдруг устав)

Хорошо. С удовольствием. Когда, где?

КУНИЦА

Лучше всего прямо у нас в каком-нибудь классе. А когда — это вам решать. Когда вам удобно.

ВИКТОР

Ну, сегодня уже поздновато...

(он делает паузу, но Куница молчит)

Я готов хоть завтра.

КУНИЦА

Замечательно. Завтра в девять утра я буду вас ждать на этом самом месте.

ВИКТОР

Можешь сказать мне адрес, я неплохо помню город и сам дойду...

КУНИЦА

Лучше, если я вас провожу.

ВИКТОР

Как скажешь... Куница.

КУНИЦА

Благодарю вас, господин Банев.

Куница поворачивается и уходит во тьму. Виктор провожает его взглядом, пока тот не исчезает окончательно в темноте и тумане.

СЦЕНА 48. ИНТ. РЕСТОРАН ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

Виктор медленно идет к своему столу. На него стараются не смотреть, но нет-нет да и взглянут украдкой то слева, то справа. Пока его не было, ему принесли кофе. Виктор присаживается. Павел уплетает за обе щеки. Големба пьет.

ГОЛЕМБА

Ну, что?

ВИКТОР

Юные поклонники моего дарования пригласили меня на встречу. Завтра с утра.

ПАВЕЛ

(хихикнув с превосходством)

До чего же тщеславный народ эти писатели! Не обольщайтесь, Виктор. Это не поклонники, это вивисекторы.

ВИКТОР

Будут вживлять мне электроды в мозг и гонять по лабиринту?

ПАВЕЛ

Если бы... Это по-нашему, по-человечьи, это бы еще ничего...

ГОЛЕМБА

Быстро они вас почувствовали...

ВИКТОР

(после паузы)

Мне как-то готовиться?

ГОЛЕМБА

Не знаю. Выспитесь как следует. И ни капли алкоголя. Они очень чуткие. Если от вас вот хоть настолько будет пахнуть перегаром, с вами вообще не станут говорить.

ВИКТОР

Он сказал, там будет моя дочь.

ГОЛЕМБА

И она не станет.

ВИКТОР

(тяжело вздыхает)

Чудны дела твои, господи...

СЦЕНА 49. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Виктор курит, медленно расхаживая по номеру. Горит верхний свет. Виктор бесцельно включает и тут же выключает настольную лампу, потом трогает подушки на постели. Подходит к окну. Там — только тьма и смутное отражение его лица. Молотит дождь. Виктор медленно выдыхает дым на стекло, и вдруг с той стороны в тьме, будто вдруг открывшись, тускло вспыхивают огромные фосфоресцирующие глаза. Ничего — только глаза во тьме, вглядывающиеся из-за стекла внутрь, Виктору в лицо. Виктор на миг каменеет, потом, наткнувшись на стул, стремительно бросается к выключателю, гасит свет, чтобы лучше было видно. Бегит к окну. Но там — уже снова только тьма и монотонный, свирепый дождь.

Виктор на ощупь подходит к столу, зажигает настольную лампу. Начинает разбирать постель, готовясь лечь спать.

Из коридора слышатся осторожные, крадущиеся шаги. Виктор замирает. Шаги останавливаются возле двери. Виктор прислушивается, потом на цыпочках идет к двери. Мгновение прислушивается, потом резко открывает дверь.

В коридоре никого.

Виктор закрывает дверь. Придвигает к двери тяжелую прикроватную тумбу. Ложится на кровать, гасит лампу и укрывается одеялом до самого подбородка. Несколько мгновений лежит с открытыми глазами. Гремит дождь, стекла стонут от ветра. Виктор вновь зажигает лампу и протягивает руку к телефону. Набирает номер Дианы.

ГОЛОС ДИАНЫ

Алло?

ВИКТОР

Диана? Это Виктор.

ГОЛОС ДИАНЫ

(негромко)

Слушаю вас, Виктор.

ВИКТОР

(помолчав)

Мне здесь не нравится. Вы сказали, что мне здесь понравится, но... мне не нравится.

ГОЛОС ДИАНЫ

У вас что-то случилось?

ВИКТОР

(с горькой иронией)

Да нет, все как всегда. Видения, глюки... Потом по мозгам получил... А потом пришел странный мальчик и пригласил меня на встречу со своим классом.

ГОЛОС ДИАНЫ

Это хорошо. Виктор, это очень хорошо.

ВИКТОР

Возможно. Только вот не могу уснуть.

ГОЛОС ДИАНЫ

Это не страшно.

ВИКТОР

Я дочку не видел лет восемь. Вдруг она такая же, как этот... Куница?

ГОЛОС ДИАНЫ

Наверняка такая же. И это хорошо.

ВИКТОР

Не знаю. Голый под дождем... и так говорил...

ГОЛОС ДИАНЫ

Как? Какими словами вы бы это описали?

ВИКТОР

Будто в лицо мне расхохоталась кошка.

ГОЛОС ДИАНЫ

Забавно...

(пауза)

А вам бы хотелось, чтобы он говорил о баксах, о последнем скандале вокруг рок-группы «Тот — того», о футболе и о сравнительных достоинствах различных сортов пива?

ВИКТОР

(после паузы)

Нет.

ГОЛОС ДИАНЫ

Вот и спите сном праведника. Спокойной ночи, Виктор.

ВИКТОР

Спокойной ночи...

СЦЕНА 50. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. УТРО.

Виктор, в темном своем плаще с нахлобученным на глаза капюшоном, выходит из отеля под дождь. Останавливается перед водяной завесой, хлещущей с навеса, озирается по сторонам и замечает в дождевой мути Куницу, стоящего на той стороне площади, прямо у стены с формулами. Тот по-прежнему одет, словно на

горячем южном пляже Виктор решительно шагает к нему.

Мальчик ждет.

Дождь неистовствует. Когда до Куницы остается всего лишь несколько шагов, и Виктор привычно раздвигает губы в улыбке, чтобы поприветствовать своего странного провожатого, особенно сильный порыв ветра хлещет ему в лицо, залепив глаза водой и сбив на лицо капюшон. Когда Виктор освобождает лицо и протирает глаза, перед ним никого нет. Виктор опять растерянно озирается, и вдруг замирает, у него напрягается лицо, словно кто-то, подойдя сзади, ткнул ему между лопаток дуло пистолета.

Он медленно оборачивается.

Перед ним стоит Ира в том же, что и вчера, коротком, ярком веселом платице, облепившем ноги, босая.

ИРА

Здравствуй.

ВИКТОР

(после паузы — растерянно)

Тебе не холодно?

ИРА

Нет. Идем.

И она, не дожидаясь его ответа, шагает по лужам. Виктор мгновение стоит неподвижно, потом торопливо догоняет и идет с нею бок о бок. Странная, жуткая картина: глухо запакованный огромный взрослый и почти раздетая, маленькая, яркая и хрупкая, как бабочка, девчонка бодро идут рядом под холодным злым дождем, расплескивая воду, потоками бегущую по трещиноватому неровному асфальту: он — толстыми подошвами ботинок, она — босыми пятками.

Виктор понемногу берет себя в руки.

ВИКТОР

Хочешь, я тебе плащ...

ИРА

Нет. Не беспокойся, папа.

От этого простого, но так давно не слышанного им обращения у Виктора судорожно дергается лицо.

ВИКТОР

Я хотел...

ИРА

Мы потом поговорим. После встречи. Я ведь и обратно должна буду тебя проводить.

ВИКТОР

(пытаясь взять непринужденный, легкий и доверительный тон)

И что вы со мной будете делать?

ИРА

Спрашивать. Ты интересный.

ВИКТОР

По улицам слона водили...

Ира бросает на него быстрый взгляд, в котором ощущается оттенок интереса.

ИРА

Ты догадался или просто так попал?

ВИКТОР

Куда попал?

(тут его осеняет)

Ты что, Слон?

ИРА

(ворчливо поправляет)

Слониха.

(говорит словно невидимому собеседнику, или надиктовывая свои мысли на диктофон)

Это случайность. У хороших писателей, как правило, очень развита безотчетная интуиция... Беда в том, что они сами не знают, когда правы, а когда нет. Когда интуиция сработала, а когда спасовала. Даже они не могут отличить попадания от промаха, то есть, в конечном счете, правду от неправды.

ВИКТОР

Странно вы изъясняетесь все же...

ИРА

Почему?

ВИКТОР

В мое время девчонка твоих лет то же самое сказала бы, например, так: ну и нюх у него — да только дураку достался...

ИРА

Ты хочешь сказать, что это было бы лучше?

ВИКТОР

Упаси бог! Я хочу только сказать, что это было бы естественнее.

ИРА

Именно то, что наиболее естественно, менее всего подобает человеку.

У Виктора опять вздрагивает лицо.

ИРА

Естественное всегда примитивно. А человек — существо сложное, естественность ему не идет. Ты меня понимаешь, папа?

Виктор смотрит на дочь почти со страхом. Та, глядя только вперед, бодро шлепает по лужам; по ее лицу, плечам, волосам течет вода.

ВИКТОР

Стараюсь...

Дальше они идут молча.

СЦЕНА 51. ИНТ. ШКОЛА. УТРО.

Класс уже полон детьми лет десяти-четырнадцати. Виктор молча ходит взад-вперед перед столом, затем поворачивается к классу, оглядывает сидящих детей. Они ждут спокойно и взросло.

ВИКТОР

Ну, хорошо. Должен признаться, что я не любитель встречаться с читателями. Как правило, совершенно невозможно понять, что им от тебя надо и что их интересует. Поэтому каждое своей выступление я стараюсь превратить в вечер вопросов и ответов. Попробуем? Начну я. Все ли читали мои произведения?

ДЕТИ

Да... Читали... Все...

ВИКТОР

Прекрасно. Польщен, хотя и удивлен. Всю жизнь мне говорят, что мои вещи не всякому взрослому под силу... Тем более прекрасно. Желает ли почтенная публика, чтобы я рассказал историю создания какого-нибудь произведения?

Короткое молчание. Потом где-то в середине класса поднимется худой прыщавый мальчик в аккуратно застегнутой до самой шеи яркой рубашке и белых штанах.

МАЛЬЧИК

(коротко и веско)

Нет.

Садится.

ВИКТОР

(старается держаться непринужденно, и оттого слегка переигрывает)

Что ж. Мне же легче. Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда — стреляли бы поэтов без разбора, с бедра, навскидку, ныне и всегда...

Никто не улыбается в ответ. Дети смотрят пристально и выжидательно. Может быть, высказанная Виктором мысль кажется им вполне приемлемой.

ВИКТОР

Ваш выстрел, господа.

После секундной заминки на последнем ряду встает девочка лет двенадцати с распущенными волосами, в шортах и цветастой футболке, на которой, на фоне встающего над морем солнца, крупно написана формула сокращения Лоренца — Фитцджеральда (корень квадратный из единицы минус квадрат скорости движущегося тела, деленный на квадрат скорости света).

ДЕВОЧКА

Какими бы вы хотели видеть нас в будущем?

На лице Виктора все же проступает растерянность.

ВИКТОР

(лихорадочно пытаюсь найти ответ)

Ну... Это просто... Умными. Честными. Добрыми... Хотел бы, чтобы вы любили свою работу и работали только на благо людей...

Сидящий почти перед Виктором Куница перебивает.

КУНИЦА

Что такое — умный?

ВИКТОР

(окончательно потерявшись)

Ну-у, милые мои. А что такое человек, вы не хотите спросить? Или что такое время?

КУНИЦА

Мы знаем, что этот вопрос не имеет ответа. Мы хотим знать, как вы на него ответите.

ВИКТОР

(начиная злиться)

Пожалуйста. Например: умный человек — это тот, кто сознает несовершенство, незаконченность своих знаний, стремится их пополнять и в этом преуспевает. Вы со мной согласны?

Со стола у дальнего окна поднимается белобрысый малыш лет десяти.

МАЛЫШ

(тоненьким голоском)

Нет.

ВИКТОР

Почему?

МАЛЫШ

Ваше определение не функционально. Любой дурак, пользуясь этим определением, может полагать себя умным. А уж преуспевающий дурак — и подавно будет считаться умнее всех.

Садится. Виктор облизывает губы. Ему становится жарко, он расстегивает воротник рубашки.

ВИКТОР

(впервые начиная говорить с детьми, как с равными)

Видите ли... Вообще есть старый афоризм: дурак — это просто инакомыслящий... Или инакочувствующий.

Шутки не получилось. Ни единой улыбки не проступило в ответ на эту плоскую, вымученную шутку.

Снова поднимается девочка с формулой Лоренца на футболке.

ДЕВОЧКА

Я не совсем понимаю. Вы хотите, чтобы мы были умными, то есть мыслили и чувствовали, как вы. Но я прочла все ваши книги и не нашла в них ничего, кроме отрицания. Никакого позитива. То есть получается, что любой, кто умен — хотя бы как вы — не может испытывать к людям ничего, кроме отвращения. С другой стороны, вы хотите, чтоб мы работали на благо людей. То есть тех самых отвратительных типов, которыми наполнены ваши книги и которых вы сами отрицаете каждой строкой. Может ли умный человек работать на благо того, что вызывает отвращение?

Садится.

Виктор опять облизывает губы. Приглаживает волосы пятерней.

ВИКТОР

Видите ли... Под работой на благо людей я как раз и понимаю их превращение из вызывающих отвращение в вызывающих уважение. И это мое пожелание не имеет никакого отношения к моему творчеству. Общество изменяют не литературой, а реформами или пулеметами, а сейчас еще, кажется, и наукой...

Опять поднимается худой мальчик в яркой рубашке, застегнутой до самой шеи.

МАЛЬЧИК

Простите, но все это довольно тривиально. Дело ведь не в том, что чем изменяют. Дело в том, что изображенные вами объекты сами вовсе не хотят, чтобы их изменяли. Превращали, как вы говорите, из вызывающих отвращение в вызывающих уваже-

ние. И потом — они так запущены, так безнадежны, что их не хочется изменять. Понимаете, они не стоят этого. Пусть уж себе догнивают — они ведь не играют никакой роли.

ВИКТОР

(ему вдруг кажется, что он понял, где пролегла граница непонимания)

Господи! Вы всерьез полагаете, что я пишу о подонках?

Он проходит взад-вперед вдоль классной доски, собираясь с мыслями. Остаток навливается.

ВИКТОР

Простите. Я все не попадал... Меня обмануло, что вы говорите, как взрослые. А вы все-таки дети — и ничего не поняли. Вы и представить себе по малолетству своему пока не можете, как это небритый, истеричный, вечно пьяный пожилой мужчина может быть замечательным человеком, которого нельзя не любить, перед которым преклоняешься, которому полагаешь за честь руку пожать, потому что он прошел через такой ад, что и подумать страшно, и все-таки остался человеком...

МАЛЫШ

Вы настоящий художник, господин Банев, вы нашли очень хороший символ. Огромное вам спасибо. Человечество — это истеричный и пьяный неряшливый старик, который прошел через ад. И поэтому оно может вызывать жалость, вполне может, но отнюдь не может быть объектом созидательной деятельности.

КУНИЦА

Точно! Что ни говорите, а вы в своих книгах — очень хороших книгах — показали нам, что объектов для приложения сил в человечестве нет. Вы сожрали себя, простите, пожалуйста, вы растратили себя на мелочную грызню всех со всеми, на вранье и борьбу с враньем, которую вы вели и продолжаете вести, придумывая новое вранье. Вы просто никак не можете поверить, что вы уже мертвецы, что вы сами создали мир, который стал вам надгробным памятником, и ничем более.

ВИКТОР

(опустошенно и потому совсем уже бесстрастно и спокойно)

Разрушить старый мир и на его костях построить новый — это очень старая идея. И ни разу она не приводила к желаемым результатам. Вы, наверное, сами этого не понимаете, но вы жестоки. Вы жестоки из самых лучших побуждений, но жестокость — это всегда жестокость. И ничего она не может принести, кроме нового горя, новых подлостей и нового вранья. И не воображайте, что вы говорите что-то очень новое. Кто-то тут недавно хорошо сказал... а, да. Все это довольно тривиально.

Вдруг весь класс встает. Виктор умолкает. В открывшуюся дверь входит невысокий, хрупкий человек в блестящем, черном одеянии, с лицом, до половины закрытым черной повязкой. В знак извинения он чуть кланяется Виктору, приложив обе руки к груди.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ

Простите меня за опоздание, господин Банев. Я очень хотел

познакомиться с вами. Можете звать меня Зиновий. Зиновий — философ. Продолжайте, пожалуйста...

Он садится на свободное место рядом с Ирой. Та буквально расцветает. Коротко косит в его сторону, садится прямее и строже. Лицо ее становится просветленным, как на иконе, и в глазах — благодарность и благоговение.

ВИКТОР

(с ревнивой иронией)

Благодарю за разрешение. На чем мы остановились?

КУНИЦА

На том, что, по вашему мнению, мы так же тривиальны, как, по-нашему, вы.

ВИКТОР

Вот о разных уровнях тривиальности я бы хотел сказать пару слов. Есть избитые мнения, на которых каждое поколение оскальчивается, как на одной и той же давно сгнившей банановой корке — а есть традиции... Без первых нет умного трепса, это факт — а вот без вторых нет жизни, нет критериев добра и зла, нет этики. Только кажется, что обновление должно начинаться исключительно с чистого листа. На самом деле даже чистый лист для письма удобнее, когда на нем нарисованы клеточки — буквы получаются ровнее и красивее...

МАЛЫШ

(уже не скрывая возмущения)

Клеточки? Буквы? То есть вашу метафору надо понимать так, что тюрьмы необходимы для процветания культуры?

В окно монотонно и хлестко лупит дождь. Разговор перестает быть слышен — лишь однообразный стук летит и летит из дождливой мглы...

СЦЕНА 52. ИНТ. ЛЕСТНИЦА В ШКОЛЕ. СУМЕРКИ.

Виктор и Ира спускаются по полутемной лестнице к выходу из гимназии. Внизу стоят несколько мальчиков, один из них — Куница.

ИРА

Спасибо. Теперь я должна идти... Боря тебя проводит в гостиницу.

ВИКТОР

(растерянно)

Почему — Боря? Я ... Честно говоря, я думал, мы еще побудем вместе, Ира... поговорим...

ИРА

Тогда тебе придется меня подождать.

ВИКТОР

Я никуда не спешу.

Ира делает стоящим внизу какой-то знак, Куница кивает в ответ.

ИРА

(Виктору)

Идем.

Они входят в коридор второго этажа. Ира открывает застекленную дверь, за которой видно что-то похожее на миниатюрную студию звукозаписи. У двери стоит несколько стульев.

ИРА

Присядь здесь.

Уходит.

Виктор, не садясь, видит, как Ира начинает разговор с несколькими детьми внутри, но звук не слышен. Виктор делает знак одному из мальчиков внутри — можно внутрь? Тот кивает, потом прикладывает палец к губам, заходи, только тише. Виктор осторожно открывает дверь и чуть ли не на цыпочках входит в студию.

СЦЕНА 52. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. СУМЕРКИ.

Виктор и Ира шагают по улице. Две фигуры — большая, запакованная в темное, и маленькая, открытая ливню и ветру. Некоторое время молчат.

ВИКТОР

(устало)

Чему он вас учит?

ИРА

Кто?

ВИКТОР

Ну, этот... философ.

ИРА

Он учит думать. Вчера, например, мы думали туман.

ВИКТОР

Что?

ИРА

Думали туман.

ВИКТОР

Так не говорят. Надо: думали про туман. Или: о тумане.

ИРА

Глупость какая. Кому это надо — думать о тумане? Мы думали туман.

ИРА

(помолчав)

Ты всем, кстати, очень понравился. Ты честный и злой.

ВИКТОР

(изумленно)

Я — злой?

ИРА

Конечно.

ВИКТОР

(задумчиво)

Стало быть, вы все-таки цените в людях прежде всего злость... Созидание, созидание... одни слова. На самом деле — всего лишь злость...

ИРА

Я сказала: честный и злой. Значит, прежде всего — честность. Злость уже потом.

ВИКТОР

(решаясь)

Так вот слушай, это честно. Здесь творится что-то... несусвет-

ное. Я приехал, чтобы увезти тебя отсюда.

ИРА

(равнодушно)

Куда?.

ВИКТОР

Какая разница? Хоть куда! Ты что, не понимаешь, что тут происходит? Военные кругом...

ИРА

А там что, военных нет?

ВИКТОР

Не цепляйся к словам! Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Там — одно, а тут — почти война. А там — лучшие школы, колледж... У меня хорошие связи.

ИРА

Нет.

ВИКТОР

Что — нет?

ИРА

Все — нет. И про то, что ты много можешь — нет. И про колледж. И про отъезд.

ВИКТОР

Конечно, может быть, я плохой отец...

ИРА

(легко и с улыбкой)

Ты вообще никакой отец.

Виктор останавливается, как вкопанный. Останавливает Иру, взяв ее за плечи и повернув к себе лицом.

ВИКТОР

(с напором, почти с угрозой)

Послушай-ка, девочка! Пусть я никакой отец, но ты поедешь со мной!

ИРА

Нет.

Ира смотрит ему прямо в лицо. Ее глаза становятся огромными и слепящими, не светом, а какой-то бездонной, засасывающей глубиной. От этого взгляда Виктор цепенеет. Ира небрежно снимает его руки со своих плеч, и они бессильно обвисают, как плети.

ИРА

Мы уже пришли. Вот гостиница. Иди туда.

Виктор, словно под гипнозом, поворачивается и медленно, как неживой, идет ко входу в гостинцу.

Только под козырьком входа Виктор приходит в себя, наваждение спадает. Он проводит ладонью по лицу.

ВИКТОР

(про себя)

Что за черт...

Он оглядывается.

Хлещет дождь. Никого нет.

СЦЕНА 54. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. СУМЕРКИ.

Виктор стремительно входит в номер, с треском закрывает за собой дверь. Губы его шевелятся.

ВИКТОР

(невнятно, лихорадочно)

Строится дом, и каждый кирпич хочет тебя убить. Строится дом, и каждый кирпич хочет тебя убить...

Прямо в мокром плаще проходит к столу. Достает из кармана плаща бутылку водки, срывает пробку. Берет с тумбы стакан. Наливает. Выпивает залпом полный стакан. Несколько мгновений, задыхаясь, стоит, прижав тыльную сторону ладони к губам. Потом опускает руку. Со стуком ставит стакан на стол. Закуривает. Потом вдруг, словно что-то вспомнив, зажав сигарету в углу губ, начинает рыться во внутренних карманах, достает бумажник, перебирает его отделения. Достает небольшую фотографию — на ней он сам, лет на десять моложе, рядом молодая женщина с радостным лицом, а на плечах у Виктора сидит, счастливо улыбаясь до ушей, Ира; тут ей лет пять, даже меньше.

Наливает себе еще водки и выпивает крупными, ровными глотками. Затягивается окурком сигареты. Садится в кресло и смотрит в окно.

СЦЕНА 55. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. РАННИЙ ВЕЧЕР.

Начинает смеркаться, мгла за окном напитывается густотой. Гремит дождь. Виктор в той же позе спит в кресле, свесив голову на бок. Лицо у него размякло, и сейчас оно старое и страшное.

Стук в дверь. Раз, другой, третий, все настойчивей. Виктор медленно просыпается. Встает, подходит к двери.

ВИКТОР

(сипловато со сна)

Кого там принесло?

ПАВЕЛ

(из-за двери)

Откройте, Виктор, это я. Павел.

Виктор открывает дверь.

ВИКТОР

Заходите, не заперто... Закрытой двери — грош цена, замку цена копейка...

Они входят в номер. Виктор указывает гостю на кресло, сам садится в другое, с которого только что встал. Павел смотрит на Виктора пытливо, оценивающе. Сам он выглядит не лучшим образом — глаза слезятся, голос носовой; простуда в самом соку.

ПАВЕЛ

(заметив ополовиненную бутылку водки)

Смотрю, вы уже начали?

ВИКТОР

Начал. Хотите?

ПАВЕЛ

Ох, не знаю, чего я хочу...

(чихает)

Меня этот город доконает.

ВИКТОР

Будьте здоровы...

ПАВЕЛ

И вам не хворать... Налейте, что ли.

Виктор берет с тумбочки второй стакан, чистый, и наливает Павлу. Потом, поколебавшись чуток, и себе.

ПАВЕЛ

За солнце!

(чихает)

Вы присоединяетесь?

ВИКТОР

Целиком и полностью. С чувством глубокого удовлетворения. Хотя первый тост у меня всегда был за сбычу мечт.

ПАВЕЛ

Я и мечтаю только о солнце. Так что в каком-то смысле это одно и то же...

Пьют. Павел отставляет стакан.

ПАВЕЛ

Говорят, у вас сегодня был первый контакт?

ВИКТОР

Какой первый контакт?

ПАВЕЛ

Бросьте, Виктор... детишки вас вызывали на ковер, ведь так? Все ж таки событие.

ВИКТОР

Не понимаю, в чем тут событие.

ПАВЕЛ

А в том, что все мы так или иначе через это прошли. И продолжаем проходить... Но... как говорила одна моя знакомая, у всех бывает, но не у всех проходит. Событие в том, что этот малолетний синедрион вынес вердикт: помиловать. А практически обо всех нас вердикт был — казнить.

ВИКТОР

Не понимаю.

ПАВЕЛ

А чего тут...

(чихает, яростно трясая головой)

ВИКТОР

Вы бы хоть платочком прикрывались... Полон дом бацилл мне тут напустите.

ПАВЕЛ

Пardon... учту... так вот, говорю, чего тут понимать? Мокрец этот, Зиновий нынче звонил, благодарил Голембу за отличную идею — включить в комиссию известного писателя... Големба благодарностей не принял — мол, это не его идея, это где-то выше, непосредственно в Штатах решили...

ВИКТОР

(задумчиво)

М-да? Станный у них способ выражать одобрение... По-моему, они меня, наоборот... э-э... не одобрили. И, кстати сказать, я акселератов этих тоже никоим образом не одобрил...

ПАВЕЛ

Ой, да при чем тут акселерация? Тут детишки самые обыкновенные, а вот учителя у них...

ВИКТОР

Что — учителя?

Павел молча смотрит Виктору в глаза и, многозначительно воздев палец, повторяет.

ПАВЕЛ

Особые учителя — в этом все дело...

ВИКТОР

(задумчиво)

Сейчас только сообразил... я в школе не видел вообще ни одного учителя. Вообще ни одного взрослого...

ПАВЕЛ

Так уж и ни одного?

ВИКТОР

Ну, под конец явился хмырь в черном... Зиновий. Философ...

ПАВЕЛ

Это же один из главных мокрецов. Он в школе все время околачивается.

ВИКТОР

Да что за мокрецы? Никто объяснить толком не может...

ПАВЕЛ

Ну почему — никто? Я, например, могу.

ВИКТОР

Вот и объясните.

ПАВЕЛ

Считается, что это генетическая болезнь... Как дождь с февраля зарядил, так через пару недель и началось... Кожа желтеет, губы втягиваются... Страшенные! Потому и лица прячут. Где они живут, как — неведомо. Город-то опустел, кто мог, деру дал еще летом... поди теперь, поищи по жилому фонду. Говорят, это не разное, просто у кого какой-то ген лишний, или наоборот, не хватает гена... Этим комиссия и занимается... А дети в них души не чают. Черт знает, почему... Уродство притягательно, что ли? За полгода ни одного нормального ребенка в городе не осталось.

(добавляет тише)

А может, они уже и не дети вовсе...

Павел морщится, задирает голову, жмурясь — готовится громогласно, из глубины души чихнуть. Он торопливо шарит в карманах, вытаскивает платок и едва успевает поднести к лицу — и отчаянно чихает. Одновременно что-то тяжело, гулко ударяется об пол, выпав из кармана вслед за платком. Виктор приглядывается — тяжелый, профессиональный кастет. У Виктора поднимаются брови.

ВИКТОР

У вас упало.

Павел, прикрывая лицо платком — видны лишь его глаза — нагибается и сует кастет обратно в карман. Чуть растерянно, моргая смотрит на Виктора.

ПАВЕЛ

(гнусаво)

Это всё ваши ужасы... Все друг другу рассказывают, как на вас вчера напали. Теперь вот ношу с собой на всякий случай. Я же в каких только трущобах не бываю...

Прячет платок.

Раздается стук в дверь.

ВИКТОР

(уже слегка захмелев, кричит с энтузиазмом)

Милости просим, открыто!

Входит Големба.

ГОЛЕМБА

О, у вас тут веселье...

ПАВЕЛ

Виктор снимает стресс после первого контакта. А я помогаю.

ВИКТОР

Слушайте, Айзэк, зачем мокрецам наши дети?

ПАВЕЛ

(размашисто закидывая ногу на ногу, Виктору в тон)

Да! Ответьте, Айзэк, зачем мокрецам наши дети?

Големба взглядывает на Виктора с укоризной, потом на Павла — холодно-то.

ГОЛЕМБА

Павел, у вас разве есть дети?

ПАВЕЛ

Я имел в виду — вообще. Дети вообще. Наши, человеческие.

ВИКТОР

Детей «вообще» — не бывает...

Так и не присевший Големба холодно смотрит на него сверху.

ГОЛЕМБА

Виктор, вас Диана искала. Она внизу, я обещал поискать вас в номере. Она ждет.

СЦЕНА 56. ИНТ. РЕСТОРАН ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

Виктор заходит в ресторан и, остановившись в дверях, оглядывает зал в поисках Дианы. Замечает ее, идет к столику, за которым она сидит перед чашкой кофе. Но когда он подходит ближе, и она его замечает, и хочет уже встать, из-за колонны появляется пьяный Квадригин. Хватает Виктора за руку.

КВАДРИГИН

Вечер уже... А?

ВИКТОР

Вечер, Рой, вечер...

Диана растерянно смотрит на них.

КВАДРИГИН

Поехали ко мне. А? Ночевать. У меня теперь вилла... Фонтан. Поехали?

ВИКТОР

(пытаясь освободиться; но Квадригин держит его крепко)

Фонтан — это хорошо... это вовремя... А что еще?

КВАДРИГИН

Боюсь... Страшно очень, особенно по ночам. Я за весну поседел весь, видишь? А потом сбежал, носу туда не кажу. Винища всякого запас оставил... хоть на год. Мастерская огромная, светлая... сказка. Всю жизнь мечтал. Хочешь — продам?

ВИКТОР

Лучше подари.

Квадригин несколько раз моргает.

КВАДРИГИН

Жалко...

ВИКТОР

Лет десять-пятнадцать назад ты бы ничего не пожалел.

КВАДРИГИН

Лет десять-пятнадцать назад у меня ничего не было...

ВИКТОР

Откуда же взялось?

КВАДРИГИН

Модный... Великий живописец местного значения.

ВИКТОР

Рой, прости, меня дама ждет.

Он решительно шагает к Диане. Квадриги волочит за ним, вцепившись в его рукав, как милицейская собака.

КВАДРИГИН

Какая женщина у тебя нынче, Виктор!

Виктора буквально корежит от этих слов. Но он молчит. Усаживается напротив Дианы, рядом с ним плюхается Квадригин. Подбегает официант, сам, видимо, несколько на взводе. Виктор делает ему знак, указывая на Квадригина; официант все понимает, кивает с кривой усмешкой и поспешно за спиртным.

КВАДРИГИН

Какие всегда были женщины у тебя... Мила твоя уж как мне нравилась... А теперь еще лучше. Слушай, уступи. Мне нужна натурщица!

ВИКТОР

Не говори ерунды, пьяный дурак.

Квадрига вскидывает от возмущения.

КВАДРИГИН

Ты не понял! Натурщица! Я хочу картину... настоящую, как встарь... аллегорическую... Лицо! Вечно юная демократия... Точь-в-точь такое лицо, прекрасное, под глазами круги от усталости, но в глазах — воля и свет надежды...

ИАНА

Моя задница.

(Виктору)

Время дорого.

КВАДРИГИН

(безнадёжно)

Ах, девушка, вы тоже не понимаете...

(Виктору — умоляюще)

Послушайте, приходите ко мне, а? Просто так, вдвоем. Вот визитка — тут адрес, телефон... Телефон, правда, не работает... Но адрес работает...

Официант приносит графинчик и бокал, ставит перед Квадригиным.

ИАНА

Виктор, время дорого.

ВИКТОР

Сейчас.

(Квадригину)

Приду.

Они встают. Квадригин наливает себе из графина полный бокал, тщательно, будто школьник перед первым свиданием, приглаживает волосы обеими ладонями. Берется за бокал.

КВАДРИГИН

Что ж, приступим.

И начинает, постепенно запрокидывая голову, ровными неторопливыми глотками пить до дна.

СЦЕНА 57. ЭКС. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. ВЕЧЕР.

Виктор и Диана идут через площадь к чуть различимой в темноте переулочка машины Дианы.

ИАНА

Вы драться умеете?

ВИКТОР

Смотря с кем.

ИАНА

Не с профессионалами. Просто осмысленно махать кулаками... Профессионалов там не будет. Надеюсь.

Виктор мгновение размышляет, потом делает зверское лицо и сноровисто выбрасывает вперед левую руку с напряженной ладонью.

ВИКТОР

(страшным визгливым голосом)

Кья-а-а!

ИАНА

(чуть усмехнувшись)

Понятно. Ну, может, до драки и не дойдет. Вот в чем дело... Пропал один наш подопечный. Он должен был прийти в лабораторию к определенному часу — и не пришел. Я искала его и вчера, и сегодня... И не только я... Час назад позвонил один человек и... неважно. Мне может понадобится помощь. Понимаете?

ВИКТОР

Не совсем.

ИАНА

Вы здесь человек новый и относительно независимый, крупный писатель, богема, от вас можно ждать любой выходки, особенно если в подпитии. Поэтому вы более свободны в своих действиях, чем любой из остальных членов комиссии. С вас меньше спрос.

ВИКТОР

То есть если запойный писака, человек с точки зрения молекулярной биологии и теории единого поля совершенно лишний, нарвется и получит по мозгам уже как следует —туда ему и дорога. Зато специалисты останутся при своих лабораториях и с чистыми послужными списками... Славные вы тут ребята. Компанейские.

ИАНА

Виктор, вы не о том думаете. Все это не совсем так, но сейчас некогда рассуждать, счет идет на часы, и на карте — жизнь.

ВИКТОР

Жизнь вашего подопечного... Диана, простите, а ваши подопечные — это кто?

ИАНА

(помедлив)

Вы еще не поняли? Мокрецы.

ВИКТОР

Ах, даже так... Вы и впрямь их выращиваете?

ИАНА

Не говорите глупостей. Ну?

ВИКТОР

Дуги гну...

(вздыхает)

Идемте. Писатель должен познавать жизнь...

СЦЕНА 58. ИНТ. КАБИНА АВТОМОБИЛЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Машина Дианы мчится по мертвым улицам, среди вымерших домов сквозь ненастную тьму. В свете фар режущие высвечиваются мириады летящих капель, но света хватает на каких-то десять-пятнадцать метров, дальше он вязнет в тумане. Визжат тормоза.

ИАНА

Сначала заедем в санаторий, это километрах в восьми от города. Там полный бардак. Не удивляйтесь. Это дотлевет краевая депутатская комиссия, которая еще в июле прикатила разбираться. В пику нам. Утереть нос всем этим мерзким ученым, которых хлебом не корми, дай только потратить народные деньги на какие-то их бесконечные исследования. Вот мы, мол, разберемся быстро, по совести, ради блага людей, ради процветания страны, ради возрождения...

ВИКТОР

Меня трудно удивить бардаком.

ИАНА

Догадываюсь. Я тоже думала, меня не удивить. Однако... Ох, люди! Просто жрущая и размножающаяся протоплазма. Копшатся, ползают, калечат друг дружку, сами не знают, чего хотят, ничего не умеют, ничего и никого не любят... Скользкие, бесхребетные... как черви в сортире.

ИКОТОР

Образ, несомненно, выпуклый, но решительно неаппетитный. И вообще... как это сегодня заметил один клоп... Он сказал: сегодня уже все знают, что есть человек. Что с человеком делать — вот вопрос. Неплохо, а? Хороший мальчик... Знаете, глядя на них нынче утром, я придумал замечательный афоризм. Очень свежий. Слушайте: всякий, кто фашист, строит новый порядок — но не всякий, кто строит новый порядок, фашист... Вот так, милая Диана.

Пауза.

ИАНА

Я — милая?

ИкоТОР искоса взглядывает на нее.

ИКОТОР

Да. В огромной степени.

ИАНА

(после паузы, улыбнувшись)

Когда все кончится, я поставлю вам бутылку.

В свете фар, мутно сверкнув, на миг выпрыгивает из густого тумана дорожный указатель: «Санаторий — 3 км».

СЦЕНА 59. ЭКС. СТОЯНКА ПЕРЕД САНАТОРИЕМ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Просторная, заполненная машинами стоянка залита светом фонарей. Дымные струи тумана, дождь. Машина Дианы медленно втискивается на свободное место между роскошными, блестящими от воды корпусами.

ИкоТОР и Диана молча идут к стеклянному входу. На ступеньках, рядом с пустой грязной гипсовой вазой на постаменте, исчириканными неприличными рисунками, под навесом лежит, запрокинувшись и храпя, какой-то пьяный.

Входят в вестибюль.

СЦЕНА 60. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ САНАТОРИЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Они не успевают пройти и половины вестибюля, как из противоположной двери, изнутри, на четвереньках скатывается какой-то человек в дорогом, но сильно измятом и перепачканном то ли едой, то ли блевотиной костюме, с заброшенным на плечо галстуком. Сверху на нем восседает полуголая наездница. Она покачивается от смеха. Сквозь раскрывшуюся дверь видна компания, подзадоривающая наездницу хлопаньем в ладоши, криками и свистом.

ЧЕЛОВЕК НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ

Иго-го! Иго-го!

(замечает Диану и ИкоТОРА)

Иго-го!

Скачет дальше, хлопая ладонями по полу.

ИАНА

(Виктору)

Нам — туда.

Показывает вперед по коридору, в конце которого, из распахнутых настежь дверей, несутся музыка и пьяный гам.

ИКТОР

Что-то мне это напоминает...

ИАНА

Потом предадитесь сладким воспоминаниям.

ИКТОР

Мимикрия нужна?

ИАНА

Полная. Нас должны принять за своих.

ИКТОР

Отлично.

СЦЕНА 61. ИНТ. САНАТОРИЙ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Шум, гам, играет музыка. На импровизированной сцене, обнявшись, поют три пьяные женщины неопределенных лет. Видимо, среди депутатов происходит некий импровизированный конкурс.

ЖЕНЩИНЫ

Ох, аптекарь, сучий потрох, спрятал героин! Йеллоу сабмарин! Йеллоу сабмарин!

Виктор и Диана с приклеенными улыбками проталкиваются сквозь пляшущую толпу. Диана подхватывает со стола два бокала с вином, один подает Виктору. Их замечают, скользят по ним взглядами, но в суете — не до них. Они выходят из зала сквозь другую дверь, выходят в еще один коридор, заваленный конфетти, пустыми пластиковыми бутылками из-под пива, каким-то обрывками... И тут же Диана, идущая впереди, налетает на полураздетого толстяка, который, заметив ее и решив спьяну, что она одна, хватает ее за плечо.

ТОЛСТЯК

Деточка, хочешь я тебе отдамся?

Виктор в свою очередь берет его за плечи, встряхивает.

ИКТОР

А хочешь — я тебе?

ТОЛСТЯК

(шарахаясь в сторону)

Понял, понял... Не надо...

СЦЕНА 62. ИНТ. КОРИДОР И КОТЕЛЬНАЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Бетонный коридор, вдоль которого змеятся трубы. Диана и Виктор быстро идут по коридору.

ИАНА

(негромко, на ходу)

Мы весь город объездили, а это тут, в котельной...

Наконец, они останавливаются у металлической двери. Диана тянет тяжелый

металлический засов тот не поддается.

ВИКТОР

Дайте мне.

С третьей попытки Виктору удается вытянуть ржавый язык засова из паза. Надсаживаясь, он тянет на себя ржавую дверь, та со скрипом приоткрывается. Диана ныряет внутрь, в открывшуюся щель.

Виктор входит вслед за ней. На бетонном сыром полу неподвижно лежит, скорчившись, словно от нестерпимой муки, человек в черном. Диана уже стоит возле него на коленях, щупает пульс, потом прикладывает пальцы к артерии на шее.

ИАНА

Поздно...

Виктор переворачивает мокреца. Черной повязки нет, и во всей красе видно желтое, безгубое лицо. Волосы на лбу склеились от крови. Диана приподнимает ему голову.

ИАНА

Врасплох... Иначе бы... Видите?

ВИКТОР

(медленно, задумчиво)

Вижу... Кастетом, наверное... Два следа. Стало быть, били дважды... Он умер?

ИАНА

Не знаю... Надо вынести его под дождь.

ВИКТОР

Что?

ИАНА

Я сказала, надо вынести его под дождь.

Виктор, покачав головой с сомнением, взваливает, кряхтя, мокреца себе на плечи и волочет из котельной.

СЦЕНА 63. ЭКС. СТОЯНКА ПЕРЕД САНАТОРИЕМ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Уже порядком запыхавшись, Виктор, лавируя между машинами, тащит мокреца к машине Дианы. Их окатывают струи дождя. Диана кидает что-то в пустую гипсовую вазу у входа и догоняет Виктора.

ВИКТОР

Кто-нибудь когда-нибудь мне объяснит, что тут у вас происходит?

МОКРЕЦ

(чуть слышно, со стоном)

Подождите.

Виктор останавливается.

ВИКТОР

Как вы себя чувствуете?

МОКРЕЦ

(сварливо)

А вы как думаете?

ВИКТОР

(с раздражением)

А я вообще не думаю. Мне не по чину.

Диана, забежав вперед, открывает заднюю дверцу. Виктор осторожно спускает мокреца с плеча, прислоняет его к борту машины.

ВИКТОР

Садитесь.

МОКРЕЦ

Я должен еще подышать. Хотя бы пять минут...

ВИКТОР

А потом?

Мокрец молчит, уже думая о чем-то своем.

ВИКТОР

Мы засветимся. Кого-нибудь раньше или позже непременно вынесет продышаться...

ИАНА

(мокрецу)

Может быть, хотя бы отъедем подальше? Вы выдержите?

СЦЕНА 64. ИНТ. КАБИНА АВТОМОБИЛЯ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Машина Дианы таранит ненастную ночь. Некоторое время все молчат, только мокрец чуть постанывает, когда машину подбрасывает на ухабах. На его лице крупные капли то ли невысохшего дождя, то ли проступившего пота. Мокрец молчит. Чувствуется, что ему приходится сейчас принимать какое-то важное решение.

МОКРЕЦ

(Диане)

Препаратов у вас никаких с собой нет?

Диана сокрушенно качает головой: нет.

МОКРЕЦ

Совсем ничего?

ИАНА

Нет.

Мокрец с досадой морщится.

МОКРЕЦ

Похоже, я все-таки не жилец...

ВИКТОР

Ну ваши-то друзья вам могут помочь? Куда вас отвезти?

Мокрец наконец решается.

МОКРЕЦ

К старому вокзалу.

Он еще не успевает договорить, как Диана бешено, со скрежетом и визгом колес, поворачивает машину.

ИАНА

Чего они хотели?

МОКРЕЦ

Всемогущества, разумеется. Сумасшедшие...

ИАНА

Запомнили кого-нибудь?

МОКРЕЦ

Нет. Маски. А когда брали — огрели сзади на улице, я ничего не успел...

СЦЕНА 65. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Машина останавливается на заливаемом дождем перекрестке. Виктор выскакивает наружу, обегает машину, открывает заднюю дверцу со стороны мокреца и, взяв его подмышки, выволакивает наружу.

Из машины напряженно смотрит на них Диана.

МОКРЕЦ

Я не смогу сам идти, вам придется нести меня дальше.

Виктор тащит мокреца в проходной двор. Тут совсем темно, и ему приходится нащупывать поверхность асфальта перед каждым шагом. Когда Виктор оступается, мокрец коротко стонет. Диана медленно разворачивает машину — так, чтобы фары освещали путь Виктору.

МОКРЕЦ

Теперь налево.

Виктор послушно поворачивает налево. Срезав угол, они выходят на какой-то переулок.

МОКРЕЦ

На ту сторону.

Виктор переходит на ту сторону.

МОКРЕЦ

Второй этаж. Там есть лестница, в центре зала.

СЦЕНА 66. ИНТ. СТАРЫЙ ВОКЗАЛ. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ. ПОЗДНИЙ ВЕЧЕР.

Освещая себе путь зажигалкой, придерживая мокреца свободной рукой, чтобы не сполз с плеча, Виктор, задыхаясь, карабкается по широкой лестнице бывшего вокзала. Стены покрыты плесенью, окно на лестничной площадке между этажами выбито, кое-где выкрошилась штукатурка и куски ее валяются на ступенях, попадают под ноги. Смутно видная, проплывает небрежно написанная на стене формула какого-то сложного органического соединения.

МОКРЕЦ

(совсем уже бессильно)

Вон та дверь. Позвоните три раза, третий раз ровно вдвое длиннее.

ВИКТОР

(задыхаясь)

Хорошо...

Его рука тянется к звонку.

МОКРЕЦ

А когда уйдете, забудьте и эту лестницу, и этот вокзал... Все забудьте!

ВИКТОР

Я не понял, это просьба или гипноз?

МОКРЕЦ

(совсем уже угасая)

**Вы можете хоть минуту побыть серьезным? Это очень важно.
В первую очередь — для вас же самого...**

Виктор звонит.

Через несколько мгновений дверь открывается. На пороге — двое мокрецов без повязок, видны их безгубые рты и отчетливые, словно нарисованные, круги под глазами. За их спинами — огромный простор, не видно стен, не видно потолка; там идет прямой, светлый дождь — как летом во время грибных ливней с радугами. Где-то вдали — медленно перемещаются человеческие фигуры, мокрецы это или нет — не разобрать.

Двое встречающих изумлены.

ВИКТОР

(все еще задыхаясь)

Это ваш похищенный коллега. Принимайте, его здорово укатали. Но он жив.

Мокрецы молча подхватывает принесенного, один из них пристально взглядывает Виктор у в лицо, но так ничего и не говорит. Дверь захлопывается у Виктора перед носом. Виктор спускается на один пролет, присаживается на подоконник у выбитого окна, закуривает. Руки у него дрожат — устал до предела. В темноте к нему подходит Диана, молча садится рядом. Некоторое время молчат. Тишина — лишь плещет и шумит снаружи падающая с неба, текущая по земле нескончаемая вода.

ВИКТОР

Давно я не сидел с девушками в подъезде. А ведь вправду хо-рошо.

ИАНА

Что?

ВИКТОР

Ну вот — как подросток... В парк нельзя — дождь, домой нельзя — родители... Где целоваться? Сто лет так не сидел... Господи, ну почему мы все время делаем не то, что хотим!

ИАНА

Вы сегодня нам очень помогли. Очень.

ВИКТОР

Ну да. Невозможные, мрачные дяди в черном у меня дочку отнимают — а я им помогаю ее отнимать... Потом начну всем подставлять другую щеку... Что-то я вообще уже ничего не понимаю. Не за этим я ехал...

ИАНА

(тихо)

А зачем?

Виктор, не глядя на Диану, достает сигареты. Медленно закуривает. Руки у него по-прежнему дрожат.

ВИКТОР

Спасти дочь. Вывезти ее отсюда. Если понадобится — укр-расть. Если понадобится — спрятать... ну, не знаю... в багажнике машины, в чемодане, в рюкзаке, черт возьми... Спасти во что бы то ни стало.

(пауза)

Но тут что-то совсем другое. И я тут лишний. Их вовсе не надо спасать...

ИАНА

На что же вы рассчитывали, Виктор...

ИТОР

На авось, разумеется... Не знаю.

Молчат. Виктор прикуривает следующую сигарету от первой.

Диана безотчетно накрывает его руку своей

ИАНА

Ох, Виктор, Виктор... В какие жернова вы попали... Бедный прекрасный утенок!

Молчат.

ИТОР

Я?

ИАНА

Конечно. Корчит из себя супермена, корчит — а на самом деле больше всего хочется к маме прижаться и всплакнуть... И чтоб она сказала: пустяки, родненький мой, все образуется...

Пауза.

ИТОР

Давненько я не жаловался маме...

ИАНА

Пустяки, Виктор... Все образуется.

Виктор искоса взглядывает на нее. Диана обнимает его, чуть наклоняет его голову к себе и коротко, крепко целует в губы.

Чуть отстранившись, Виктор серьезно смотрит ей в глаза.

ИТОР

Сегодня такой день, что мы будем делать то, что хотим?

Гремит дождь.

СЦЕНА 67. ИНТ. НОМЕР ДИАНЫ. СУМЕРКИ.

Тусклая серая мгла сочится в окно. Гремит дождь.

Резко, оглушительно звонит телефон.

Уже на втором звонке Диана резко откидывает одеяло, подбегает к телефону, срывает трубку. Теперь видно, что она обнажена.

ИАНА

Да. Нет, уже не сплю. Что?

(в ее голосе появляется крайняя степень озабоченности)

Для первой городской? Но там же почти не осталось...

(коротко оглядывается на спящего Виктора)

Да, я сейчас же подъеду. Мерзавцы... Неужели началось? Да, да, еду.

Она кладет трубку. Виктор открывает глаза.

ИТОР

Опять кого-то украли?

Диана торопливо одевается. Выдвигает ящик тумбочки, и Виктор с недоумением и ужасом видит, как она вынимает оттуда и кидает в сумочку пистолет.

ИАНА

Нет. Ты спи, отдыхай.

ИКТОР

Какого черта... Мне пойти с тобой?

ИАНА

Ни в коем случае. Хватит с нас вчерашнего... Сейчас — не суйся. Если надумаешь уйти — дверь, как и везде, не закрывается, притвори просто...

Она нагибается над ним, целует в щеку. Виктор пытается поймать ее рукой — она ловко выворачивается.

ИАНА

Я пошла.

Когда за нею закрывается дверь номер, Виктор, точно образцовый солдат по команде «Подъем», в считанные секунды впрыгивает в одежду.

СЦЕНА 68. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. СУМЕРКИ.

В о дворе участка патрульно-постовой службы стоит небольшой грузовичок с полным какими-то опечатанными ящиками кузовом.. Поодаль под навесом у входа — двое патрульных, Павел и Диана.

ПАВЕЛ

(Диане — увещевающе)

Я вас, уважаемая Диана, прошу не горячиться... Но положение действительно стало нетерпимым...

ИАНА

(резко, хлестко)

Согласно инструкции медицинские грузы для первой городской больницы не могут досматриваться. Они уходят опечатанными и доставляются опечатанными, снять пломбы могут только главврач больницы или уполномоченный комиссии, то есть я.

ПАВЕЛ

Вот вы нам сейчас их и снимете...

ИАНА

Задержка груза может привести к самым печальным последствиям, в том числе — к летальным исходам...

ПАВЕЛ

Да когда ж эта инструкция писалась, уважаемая Диана! Не вижу ничего противозаконного в том, что мы в присутствии свидетелей вскроем ваш груз и удостоверимся, что там — действительно лекарства, а не какая-нибудь непонятная секретная химия.

ИАНА

Грузы останутся опечатанными.

ПАВЕЛ

В таком случае они останутся тут.

Павел поворачивается и уходит. Диана идет вслед за ним, что-то продолжая доказывать на ходу. Павел молчит, и лишь подбрасывает на ладони ключи от арестованного грузовика

Виктор некоторое время смотрит из-за угла на продолжающуюся у входа в отделение перепалку. Коротко присвистывает сквозь зубы, медленно направляется к фургону.

ВИКТОР

(хмыкнув)

**Очередная, говоришь, пьяная выходка крупного писателя?
Будет тебе выходка, девочка... Сейчас будет.**

Виктор легко запрыгивает в кабину грузовика. Ключа нет — ему приходится взломать щиток и закоротить провода зажигания. Мотор легко заводится, Виктор аккуратно подает грузовик задним ходом и рвет по прямой.

Он успевает уехать довольно далеко, сделать несколько поворотов, когда из-за угла в сотне метров позади него появляется, визжа тормозами, машина патрульной службы.

Некоторое время продолжается безуспешная погоня. Патрульной машине просто не обогнать виляющий из стороны в сторону фургон. Наконец из громкоговорителя раздается голос патрульного.

ГОЛОС

Фургону прижаться вправо и остановиться! Остановиться, я сказал! Буду стрелять по колесам!

СЦЕНА 69. ЭКС. ДВОР БОЛЬНИЦЫ. УТРО.

Грузовик врывается в распахнутые настежь ажурные чугунные ворота и свирепо тормозит, его заносит. К нему бегут от дверей несколько человек в белых халатах, накрываясь пластиковыми накидками. Виктор открывает дверцу.

ГЛАВВРАЧ

Где вас носит? Мы уже два часа...

(видит Виктора)

Вы кто?

Виктор спрыгивает на землю, достает из кармана бутылку и делает изрядный глоток.

ВИКТОР

Сочувствующий из местных. За мной погоня.

Патрульная машина вынуждена остановиться на улице, ей не проехать в ворота, перегороженные фургоном. Из нее выскакивают двое постовых, протискиваются за ворота.

ПЕРВЫЙ ПОСТОВОЙ

(яростно)

Груз арестован распоряжением муниципалитета!

ГЛАВВРАЧ

Медперсонал комиссии ООН не подлежит юрисдикции муниципалитета!

ВИКТОР

Ну, тут уже не до меня. Я пошел...

Делает несколько шагов к воротам. Второй патрульный хватает его за локоть.

ВТОРОЙ ПАТРУЛЬНЫЙ

Стоять! Ты пойдешь только с нами!

(присматривается и принимает к Виктору)

Ты пойдешь только с нами, пьяная скотина!

ВИКТОР

(с ясной улыбкой)

В кандалах. С кангой на шее.

ВТОРОЙ ПАТРУЛЬНЫЙ

А хотя бы!

ВИКТОР

Я к вашим услугам, господа.

Вынимает из кармана бутылку, подносит ко рту. Второй патрульный вырывает у него бутылку, смотрит — там чуть на доньшке. Швыряет ее в сторону, бутылка ударяется в ограду и разбивается.

ВИКТОР

(назидательно)

Надо было конфисковать. Ребятам бы пригодилась...

Второй патрульный снова хватает его за локоть и сильно встряхивает. Видно, что ему хочется ударить Виктора, но при стольких свидетелях он не решается — и оттого злится еще пуще.

ВТОРОЙ ПАТРУЛЬНЫЙ

Ты мне еще поговори! В кутузке мы с тобой не так поговорим!

СЦЕНА 70. ИНТ. УЧАСТОК. СУМЕРКИ.

«Обезьянник» в участке. Смирный Виктор, чинно сложив руки на коленях, сидит на неудобной деревянной скамье. Снаружи звякает замок, открывается дверь, входит Големба. Остановившись на пороге, он смотрит на Виктора с укоризной и досадой, потом делает шаг назад и приглашающе взмахивает рукой.

ГОЛЕМБА

Вставайте, пошли.

ВИКТОР

Что, уже? Расстрел?

ГОЛЕМБА

(теряя терпение)

Пошли!!

Виктор встает и выходит в коридор. Рядом с Голембой стоит пожилой майор.

МАЙОР

(с неприязнью)

Штраф вам все же придется заплатить, господин Банев.

ВИКТОР

(манерно)

Запишите на мой счет...

(добродушно улыбается майору)

Шучу, шучу. Разумеется. Я же понимаю.

Бок о бок с Голембой он идет по коридору вон из участка.

СЦЕНА 71. ЭКС. УЛИЦА ПЕРЕД УЧАСТКОМ. СУМЕРКИ.

Они выходят под дождь, подходят к машине Голембы, тот садится за руль, Виктор — рядом с ним. Големба кладет руки на руль, но не трогается с места и поворачивается в сторону Виктора.

ГОЛЕМБА

(с трудом сдерживая раздражение)

Виктор. Вы здесь второй день, и уже так начудили. Не лезьте, куда не следует, понятно?

ВИКТОР

Вот-те на! А откуда я знаю, куда следует, а куда нет?

ГОЛЕМБА

Никуда не следует, пока не поймете, что можно, а что нельзя!

ВИКТОР

(важно)

Я писатель. Я изучаю жизнь.

ГОЛЕМБА

Вам уже дали по черепу, а в следующий раз могут просто пристрелить. Не вмешивайтесь!

ВИКТОР

Да никуда я не вмешиваюсь. Просто я не люблю, когда мучают больных. Или хотя бы их врачей...

Големба отворачивается и вдруг горбится на сиденье. Чувствуется, что он предельно измотан.

ГОЛЕМБА

Мало ли чего я не люблю...

Молчание.

ВИКТОР

(тихо)

Как там этот... похищенный?

ГОЛЕМБА

(тоже едва слышно, не глядя на Виктора)

Он умер.

ВИКТОР

(после паузы)

Все-таки?

ГОЛЕМБА

Все-таки.

(помолчав)

Он проворачивает ключ зажигания, и мотор начинает мягко журчать.

ВИКТОР

Это не санаторские. Они там уже так размякли, что им бы только жрать да пить вовремя подносили, больше ничего не надо.

ГОЛЕМБА

Я понимаю. Это кто-то у нас под носом...

ВИКТОР

Айзэк, я ничего не утверждаю, но... Меня по голове били кастетом. И этого... покойного коллегу... тоже дважды били по голове кастетом. След довольно характерный. Я видел кастет у Павла. И грузовик с медикаментами задержали, как я понимаю, по указанию Павла.

Мгновение Големба сидит не двигаясь, потом резко поворачивается в сторону Виктора, смотрит ему в лицо. И отворачивается.

ГОЛЕМБА

(Виктору после паузы)

Вы об этом кому-то говорили?

ВИКТОР

Нет.

ГОЛЕМБА

Диане?

ВИКТОР

Нет.

Пауза.

ГОЛЕМБА

После ночной неудачи они могут приняться за детей...

ВИКТОР

Что?!

ГОЛЕМБА

После обеда заседание комиссии. Не выдайте себя. От решения будет зависеть или очень многое...

Пауза.

ВИКТОР

Или?

ГОЛЕМБА

Или ничего.

Машина с Голембой и Виктором отъезжает от участка и растворяется в дожде.

СЦЕНА 72. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. СУМЕРКИ.

Виктор бреется перед зеркалом в ванной. В дверь стучат.

ВИКТОР

Заходите, не заперто!

В открытую дверь ванной он видит, как в его номер аккуратно входит его сосед — Рослый.

РОСЛЫЙ

Простите, я не вовремя... Я на минуту. У меня к вам очень странная просьба.

Виктор с бритвой в руке выходит из ванной. У него — прекрасное настроение, он весь буквально искрится.

ВИКТОР

(светски)

Чем могу?

РОСЛЫЙ

(чуть смущенно)

Не откажите в любезности, господин Банев, показать мне ваш затылок.

ВИКТОР

Затылок?

РОСЛЫЙ

Именно. О жутком разбойном нападении на знаменитого пи-

сателя уже ходят легенды...

ВИКТОР

(с облегчением рассмеявшись)

Ах, это!

Поворачивается затылком. Рослый всматривается профессионально сощуренным, цепким взглядом.

РОСЛЫЙ

Да... Пожалуй, пожалуй... Благодарю вас. Всего доброго.

Уходит.

ВИКТОР

(ему вслед)

Захаживайте!

СЦЕНА 73. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ. СУМЕРКИ.

Снова Виктор идет под дождем один-одинешенек по пустым улицам. Теперь это какой-то иной район: улицы широки, много деревьев, дома-особняки, один другого причудливее и защищеннее: высокие заборы, ворота с видеокамерами, бойницеобразные окна первых этажей, иногда видимые в проемах ворот, сквозь решетки... Район городской элиты. Все покинуто, все мертво.

Виктор достает визитку Квадригина, сверяется с ее данными. Вертит головой, ориентируясь. Прячет визитку, переходит на другую сторону улицы, сворачивает за угол.

Подходит к воротам, разительно отличающимся от остальных — они распахнуты настежь. Потоптавшись в нерешительности, он входит. Минует бездействующий фонтан, который под дождем словно бы и работает, брызги разбивающихся на нем капель стоят вокруг него ореолом; поднимается к дверям. Осторожно стучит, потом замечает звонок. Звонит. Никакого отклика. Виктор спускается обратно из-под прикрывающего вход козырька, смотрит на окна второго этажа — не мелькнет ли кто.

В мутной дождливой мгле где-то совсем недалеко вдруг начинает светлой тенью сама собой расти ввысь и двигаться смутная зеркальная громада небоскреба. Виктор завороченно следит. Она словно бы немного колышется, но не понять, то ли это кажется из-за дождя, то ли и впрямь видению не достает твердости даже для того, чтобы быть мало-мальски достоверным.

Тем временем дверь особняка открывается и на порог выходит сутулящийся, нетвердо стоящий на ногах Квадригин в халате, шлепанцах на босу ногу и накинутой поверх всего этого роскошной, как у норвежского морского волка, зюйдвестке. Рукой он держит за горлышко бутылку.

КВАДРИГИН

Что, впервые видишь?

Виктор лишь теперь замечает Квадригина. Опускает голову.

ВИКТОР

Такое — да.

КВАДРИГИН

У меня тут все время так...

ВИКТОР

А что это?

КВАДРИГИН

А я почему знаю? Жизнь какая-то... происходит... Говорят — миражи. Заходи. Я знал, что ты не выдержишь и все-таки заглянешь посмотреть мои картины...

СЦЕНА 74. ИНТ. ОСОБНЯК КВАДРИГИНА. СУМЕРКИ.

У Виктора лицо человека, который шел явно не для того, чтобы смотреть картины. Но положение обязывает. Он снимает плащ, разувается... Холл огромен и роскошен, и безнадежно запущен. Квадригин радушно протягивает Виктору бутылку.

КВАДРИГИН

Ага?

Виктор берет бутылку и делает большой глоток.

У Квадригина и до этого было просветленное лицо, а теперь он буквально светится от счастья и благодарности.

КВАДРИГИН

Идем... Идем скорей...

Вцепившись в рукав Виктора, он увлекает его за собою по лестнице на второй этаж. Интерьеры везде вызывают и восхищение, и жалость одновременно.

КВАДРИГИН

А ты вообще переезжай ко мне. Что ты в отеле не видел? Ходишь туда-сюда под дождем... зачем? Соберемся тут все, будем жить... У меня комнат много...

(торжественно открывает перед Виктором дверь)

Вот.

Мастерская действительно впечатляет, но и здесь — печать запустения.

Они входят. Квадригин боком забегает чуть впереди Виктора и семенит рядом с ним, не шагая, а скорее приставляя одну ногу к другой, как в каком-то нелепом танце, и все заглядывает Виктору в лицо, проверяя его реакцию. Изредка он прихлебывает, честно протягивая сперва бутылку Виктору, но тот теперь оказывается.

КВАДРИГИН

Конечно, сейчас тут картин мало... заказов нет, откуда нынче заказы... Но мастерская — при мне... может, еще пригодится... У меня много репродукций! Знаешь, я совершенно не могу расставаться с картинами... Как детей продаешь, честное слово! Продажа детей в рабство. Их еще не рожденных скупают... и начинают критиковать. Только он «уа-уа» — его цоп! Тебе медяк, а ему плети... Я себе хоть репродукции оставляю. Сам фотографировал...

Так они проходят мимо всей стены, и оказываются в углу, где стоит небольшой столик с грязными бокалами и полная окурков пепельница. Рядом со столиком вдоль стены — лежит матрас со смятой простыней и одеялом. Похоже, при всей роскоши своих апартаментов Квадригин живет тут, в мастерской, и не затрудняет себя сложным бытом. Квадригин со стуком ставит на столик бутылку и буквально падает в кресло. Отдувается. Наливает из бутылки в один из бокалов, потом в другой.

КВАДРИГИН

Вот тут мы наконец отдохнем. А то я устал чего-то... Вниз по лестнице, потом вверх по лестнице...

Чокаются. Пьют.

ВИКТОР

(закуривая)

Слушай, Рой... Я ведь давно тут не был. И вся комиссия — тоже приезжие... Один ты тут сидел безвылазно. Как это все началось?

КВАДРИГИН

(разочарованно)

А-а... Вот ты зачем пришел...

ВИКТОР

(смущенно)

Ну зачем ты так...

Квадригин тоже закуривает.

КВАДРИГИН

Я ведь не знаю ничего... Как дожди зарядили с зимы, так и льют. Льют, льют... Потом как-то просыпаюсь — а уже эти стали появляться. Генетически измененные. Мокрецы. Я думал сперва — у меня белая горячка. Потом смотрю — неделю горячка, две горячка... так не бывает.

Умолкает. Глаза его быстро становятся оловянными.

ВИКТОР

А люди что говорили?

КВАДРИГИН

(с невыразимой печалью)

Откуда я знаю? Дураков я не слушаю, а умные со мной уже не разговаривают... Один ты.

Забытая сигарета дымится в его руке. От выпитого залпом бокала Квадригин раскис мгновенно. Виктор молчит и ждет — вдруг Квадригин что-нибудь скажет еще.

КВАДРИГИН

Такая сырость везде... И все чего-то хотят... И все — не того...

(вдруг он чуть оживает — из последних сил)

Ты с Папой Карло поговори, он — голова... Если он не знает — тогда никто не знает. Помнишь Папу Карло?

ВИКТОР

Директор библиотеки?

Квадригин наливает себе и пьет, уже не обращая внимания на бокал Виктора. Виктор отпил лишь пару глотков.

КВАДРИГИН

(мечтательно и невнятно)

Как мы там славно выпивали у него между стеллажами... Молодые-е... Блудили, дурачились, анекдоты травили, клеймили коммуняк — так весело было... А он был умнее и веселее всех. Ты не помнишь?

ВИКТОР

Помню что-то...

КВАДРИГИН

Как вчера... Адрес дать? Я думаю, папа Карло не уехал... Я

его давно не видел, правда... но почему-то думаю, он не уехал...

Нагибается под столик, роняет бокал — впрочем, уже опять пустой. Не обращая внимания на то, что тот катится по столу и, видимо, уже выучив, что до края упавший бокал не докатывается — спокойно роется в кипе бумаг под столиком, на полу. Сипло дышит от неудобной позы. Наконец, отдуваясь, выныривает из-под столика, протягивает Виктору записную книжку.

КВАДРИГИН

Вот.

Виктор берет замызганную, распадающуюся книжку у него из рук, а Квадригин тут же вцепляется в бокал, ставит его правильным образом и наливает.

КВАДРИГИН

Посмотри. Карлушкин...

(пьет)

Это на букву «ка».

ВИКТОР

(перебирая страницы книжки)

Да, скорее всего...

Когда он находит нужную страницу и поднимает глаза на Квадригина, тот уже спит. Несколько мгновений Виктор сидит в нерешительности, потом тщательно гасит в пепельнице дотлевающую сигарету Квадригина и встает. Оглядывается напоследок. Квадригин по-детски чмокает губами во сне. Виктор тихо, осторожно уходит.

СЦЕНА 75. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. СУМЕРКИ.

Виктор снова бредет под дождем улицами старой части города. Гремят водосточные трубы.

Его догоняет, разбрызгивая фонтаны из луж, «джип» и тормозит. Открывается дверца и из кабины выглядывает, не высовываясь, впрочем, под дождь, Павел. Виктор, остановившись, выжидательно смотрит на него.

ПАВЕЛ

Не надоело вам мокнуть? Садитесь. Могу подвезти.

ВИКТОР

А вам в какие края?

Павел улыбается.

ПАВЕЛ

Не ваша забота. Довезу, куда скажете.

Виктор, залезает на сиденье рядом с Павлом, закрывает дверь. Машина трогается.

ПАВЕЛ

Что вам дома не сидится?

ВИКТОР

Я ведь жил тут когда-то. Навещаю старых знакомых...

ПАВЕЛ

(заинтересованно)

Ах, вот как. И что говорят?

ВИКТОР

Да пока толком ни слова... А мне хочется разобраться, понять, как это началось... с чего...

Павел смеется.

ПАВЕЛ

Хо-хо! Всем бы хотелось! Наши высоколобые уже пуп надорвали — да все без толку.

ВИКТОР

Они как ученые хотят разобраться, а я — просто по-человечески... Направо сейчас...

Павел послушно поворачивает направо.

ПАВЕЛ

Может, лучше сразу адресок скажете, чем этак вот мной рулить?

ВИКТОР

Вы хорошо знаете город?

ПАВЕЛ

Пришлось назубок выучить.

ВИКТОР

Староболотная, тридцать шесть.

ПАВЕЛ

(снова скалясь)

Добрый топоним, душевный. А Новоболотная, интересно, есть?

ВИКТОР

А новоболотный у нас весь город...

ПАВЕЛ

Чувство юмора у вас... Подъезжаем, кажется... так?

ВИКТОР

Ага... вон к тому подъезду, пожалуйста. Благодарю.

ПАВЕЛ

Узнаете что-нибудь забавное — какой-нибудь местный анекдот о происхождении мокрецов, например — не забудьте рассказать.

Машина останавливается.

ВИКТОР

(открывая дверцу)

Неприменно.

Выходит под дождь.

ПАВЕЛ

(ему вслед)

Не опоздайте на заседание!

Павел отъезжает, поворачивает за угол и останавливает машину. Набирает какой-то номер по телефону.

ПАВЕЛ

Да, это я. Пробей на всякий случай по базе — Староболотная тридцать шесть. Нет, ничего особенного. Для полноты картины. Вдруг повезет. Все, конец связи.

СЦЕНА 76. ИНТ. КВАРТИРА КАРЛУШКИНА. СУМЕРКИ.

Виктор звонит в звонок у двери одной из квартир. Долго не открывают, он настойчиво звонит еще. Изнутри слышится звяканье замка, потом дверь открывается. На пороге стоит человек лет пятидесяти, очень грузный и очень неопрятный, почти лысый, в накинутаой поверх заношенного джемпера допотопной телогрейке. За его спиною — невероятно захламленная прихожая. Некоторое время Карлушкин пристально смотрит на Виктора.

ВИКТОР

Узнаете меня?

КАРЛУШКИН

(угрюмо)

А вы меня?

ВИКТОР

Честно говоря, встретил бы на улице — не узнал.

КАРЛУШКИН

А вот вы совсем не изменились, Виктор. Хорошо жили, хорошо сохранились... Чем обязан?

ВИКТОР

Хотел поговорить о жизни. Здешней.

КАРЛУШКИН

(саркастически)

О! Хорошая оговорка.

Откуда-то из глубины, с кухни, слышен сварливый, полный тлеющей — видимо, постоянно — истерики женский голос:

ЖЕНА КАРЛУШКИНА

Кого там принесло?

Карлушкин не отвечает жене. Напоследок пытливо оглядывает Виктора с головы до ног.

КАРЛУШКИН

Заходи.

Виктор входит в квартиру, стаскивает мокрый плащ, вешает на торчащий прямо их стены гвоздь — ветхая вешалка вся занята каким-то тряпьем. Вслед за Карлушкиным идет по коридору, но коридор никак не кончается, и Виктор понимает, что это вовсе не квартира, а одно из служебных помещений библиотеки, в котором каким-то образом приютилась жизнь. Везде все тот же хаос. На полу и вдоль стен на полках стопами лежат книги, между ними оставлены лишь узкие тропы, чтобы ходить.

Наконец, открывается дверь в какую-то комнату, оттуда выглядывает мальчик лет пятнадцати с дебильным лицом; он засовывает палец в рот, замороженно глядя на Виктора, и молча следит, как Карлушкин усаживает гостя, наспех сваливая с колченого стула ворох каких-то журналов прямо на пол. Ощувив мрачноватое изумление гостя, Карлушкин оглядывается на него, смотрит исподлобья.

КАРЛУШКИН

В библиотеке все книги сгнили от сырости. Зацвели... Что мог — перетащил сюда, в служебку. Здесь и живем...

(мальчику)

Цыц!

Тот будто проваливается в глубину своей комнаты, на лице — ужас.

Из кухни снова доносится голос жены.

ЖЕНА КАРЛУШКИНА

Куда ты дел ершик?

КАРЛУШКИН

В задницу твоему старшенькому засунул! Чтоб ублюдок не мешал мне с гостем разговаривать!

На пороге той двери, через которую Карлушкин и Виктор вошли в комнату из коридора, появляется неопрятная, встрепанная женщина неопределенного возраста, с торчащими в стороны перьями редких седых волос. На Виктора она даже не смотрит.

ЖЕНА КАРЛУШКИНА

Разговаривать, разговаривать... Только и умеете, что разговаривать! Всю жизнь проговорили! Где ершик? Сколько раз я тебя просила...

КАРЛУШКИН

Роза, не позорь меня перед человеком!

ЖЕНА КАРЛУШКИНА

Ах-ах-ах! Где это ты взял в наших краях человека? Говорила я тебе: уезжать надо, уезжать! Уехали бы вовремя — были бы тебе человеки... Куда ты дел ершик, последний раз спрашиваю?!

Карлушкин вскакивает, идет к ней, с трудом протиснувшись мимо Виктора.

КАРЛУШКИН

Ну почему я помню? Искать надо!

Они уходят на кухню и что-то там сразу начинает греметь и падать. Слышны голоса обоих, но слов не разобрать. Из смежной комнаты снова показываются мальчик, а из-за него, совсем уж робко, выглядывает второй, лет десяти. Молча они смотрят на Виктора. А Виктор — на них.

ВИКТОР

Что, парни? Худо?

Мальчиков при первом же звуке его голоса будто ветром сдувает.

Карлушкин возвращается, отдуваясь и мотая головой. Снова протискивается мимо Виктора, нависая над ним животом. Снова садится на краешек заваленной книгами тахты.

КАРЛУШКИН

Сейчас я тебе расскажу про нашу жизнь...

ВИКТОР

(неловко)

Может, лучше в другой раз? Я не вовремя?

КАРЛУШКИН

Не дури. Еще раз тебя сюда и калачом не заманишь...

(некоторое время молчит, глядя куда-то вбок)

Ты молодец, Виктор. Нашел в себе силы всё и всех бросить. И сохранил себя. Вон какой... умный, красивый, тактичный... В этой жизни надо всех бросать, чтобы выжить. Никакой ответственности, никаких обязательств, никакой ни к кому жалости. Каждый за себя и все против всех.

ВИКТОР

(растерянно)

Ну знаешь, ты что-то загнул.

КАРЛУШКИН

Не надо лицемерия. Это же правда, сам знаешь.

(в голосе его появляется горький сарказм)

А у меня вот мужества не хватило. И вот видишь, какой итог. Надо чуть что — бежать не задумываясь, без оглядки и как можно дальше. Ты вон, я слышал, аж до Америки добежал... И правильно. Любить можно только издалека, вблизи обязательно раньше или позже возненавидишь.

ВИКТОР

(тихо)

Ты про свою жизнь рассказываешь или просто про здешнюю? Я вообще-то про здешнюю спрашивал...

КАРЛУШКИН

А это одно и то же. Сейчас поймешь... Они тоже убежали. Так далеко, что нам и не представить. Говорят: новый вид, новый вид... Новый вид так просто не возникает. Он возникает тогда, когда самым лучшим из старого вида, тем, кто мог бы составить его цвет и славу, становится неспособным. Нечем даже дышать, не то что славу составлять... И они — бегут. Это единственный способ не захлебнуться от ненависти к тому, что постоянно рядом — и постоянно вызывает отвращение... останешься — и сам станешь хуже, гораздо хуже, потому что отвращение тебя исковеркает. Сбежишь — и станешь лучше, останешься добрым, способным понимать и прощать...

ВИКТОР

Так ты думаешь, они способны понимать и прощать?

КАРЛУШКИН

Не знаю... Надеюсь. Потому что иначе... иначе они нас просто уничтожат. Как мусор.

СЦЕНА 77. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. СУМЕРКИ.

Виктор и Карлушкин идут по улице, Карлушкин вышел проводить гостя. Дойдя до угла, Карлушкин останавливается, внимательно смотрит на Виктора.

КАРЛУШКИН

А что до твоего вопроса, то я полагаю: они — люди. Просто уже совсем другие. Ну, это как... Ты бывал в монастырях? Видел монахов? Вроде люди — а по сути совсем другие. Пришельцы... Из другого мира... Горнего, как они говорят. Слово-то какое — горнего...

Он задумчиво поднимает палец вверх.

КАРЛУШКИН

(прод.)

Им ничто земное не нужно. Другие интересы, другие желания. Ведь они сами как говорят о себе? Мы — не от мира сего. То есть, мы из другого мира. Яснее не скажешь...

Виктор молчит.

КАРЛУШКИН

(прод. после паузы)

Впрочем, это моя концепция. Есть и другие...

СЦЕНА 78 ИНТ. ХОЛЛ ГОСТИНИЦЫ. СУМЕРКИ.

Идет заседание комиссии. Виктор слегка опоздал. Когда он входит и занимает свое место, говорит Павел — горячо, страстно.

ПАВЕЛ

Вы прекрасно понимаете, что происходит, но предпочитаете закрывать на это глаза! Ах, стихийное бедствие! Ах, помощь населению! Ах, лечение больных! А это — нашествие! Только идет не марсианин и не Антихрист какой-нибудь, а кое-что вполне реальное. Будущее идет на нас! Будущее, в котором всем нам — и добрякам, и злыдням, места нет и быть не может! Если мы не сумеем принять немедленных мер, нас просто сотрут в порошок. Давайте называть вещи своими именами. Коль скоро вы не желаете климатического удара, единственной альтернативой ему может быть разрешение лабораторных исследований так называемых мокрецов и их воспитанников! Воспитанников — прежде всего! Да, да! Я должен знать, кто на нас идет, и в соплях ваших путаться не намерен!

КОМОВ

Павел, опомнитесь... Это же дети...

ПАВЕЛ

Они не дети. Они вообще не люди уже! Что ж вы за безмозглые кретины! Жалуете их... Ну еще бы — они такие умненькие, такие чистенькие, такие юные цветочки! Не бьют стеклом мячиками, читают взрослые книжки... А это враг! Понимаете? Враг, который обещает полное и непереносимое уничтожение нашего мира, и, значит, всех нас! И уж-жасно жестокого меня, и доброго вас, и вот господина писателя с его беготней, развратом и прочими тонкостями души...

(он делает в сторону Виктора короткий жест, впрочем, в его сторону даже не глядя)

Потому что человеческая душа — любая! — для них просто помойка! Отхожее место человеческой физиологии! Они другие. Тотально другие! И в их мире для нас нет места. Либо они, либо мы. Это война. Тут компромисс невозможен в принципе.

Из коридора в холл на цыпочках входит один из служителей, подкрадывается к Виктору. Останавливается за его плечом.

СЛУЖИТЕЛЬ

Простите, господин Банев... Вас там спрашивают.

ВИКТОР

Кто?

СЛУЖИТЕЛЬ

Э-э... спрашивают, в общем...

Виктор встает.

ВИКТОР

Прошу простить, господа. Я на минуту... только на минуту.

Обгоняя служителя и не слушая, что он пытается ему объяснить, Виктор быстро идет по коридору.

СЦЕНА 79. ЭКС. ПЕРЕД ВХОДОМ В ГОСТИНИЦУ. СУМЕРКИ.

За прозрачной трепещущей стеной воды, падающей с навеса, стоит Зиновий. Виктор, поспешно выбежавший из вестибюля, разочарован и не может этого скрыть — вероятно, он ждал дочь.

ЗИНОВИЙ

Здравствуйте, господин Банев.

ВИКТОР

Здравствуйте...

ЗИНОВИЙ

Извините за беспокойство, но дети так много рассказали интересного о своих ощущениях в вашем присутствии, что мы просим вас придти к нам еще раз. Продолжить разговор.

У Виктора перехватывает горло, и он сглатывает, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

ВИКТОР

Дети тоже произвели на меня очень... необычное впечатление. Но — не знаю. Не знаю, что им говорить. Я еще не понял...

Зиновий смотрит на него спокойно и понимающе. Будто видит его насквозь.

ЗИНОВИЙ

Не ломайте голову, на чьей вы стороне. Будьте на своей стороне — это самое лучшее и самое нужное.

ВИКТОР

Вы про что?

ЗИНОВИЙ

Про все...

Он вдруг запикивает руку глубоко себе за пазуху, что-то нащупывает там.

ЗИНОВИЙ

Чуть не забыл... Ира просила вам это передать. У вас будет, на чем прослушать?

Он вынимает обыкновенный лазерный диск в плоском прозрачном контейнере. Таких миллионы. Виктор с недоумением берет диск, вертит его в руке. Никаких надписей, по которым можно было бы судить о его содержании.

ВИКТОР

Да.

ЗИНОВИЙ

Это ее зачетный текст. Я просил ребят постараться представить, как они видят завтрашний день этого мира... Если все пойдет, как идет. Легкая медитация и речевой поток под запись. Подсознание ловит отсветы будущего...

ВИКТОР

Она сама просила?

ЗИНОВИЙ

Сама.

Виктор тронут, взволнован эти знаком того, что не безразличен дочери, но старается этого не показать.

ВИКТОР

Зачем?

ЗИНОВИЙ

Не знаю. Думаю, ей хочется, чтобы вы ее поняли. А может... может, чтобы вы просто хоть что-то поняли.

Он старательно выделяет голосом «хоть что-то».

Виктор прячет диск в нагрудном кармане плаща.

ВИКТОР

Спасибо.

Зиновий протягивает на прощание Виктору руку, затянутую черной перчаткой. После осязательного колебания тот протягивает свою в ответ. Они обмениваются рукопожатием.

Зиновий поворачивается было, чтобы уйти, но Виктор останавливает его.

ВИКТОР

Погодите... У меня просьба.

ЗИНОВИЙ

Да?

ВИКТОР

Я хотел бы увидеть ваше лицо.

ЗИНОВИЙ

Зачем?

ВИКТОР

Ну... как это вы сказали... чтобы что-то понять.

Молча Зиновий опускает прикрывающую лицо повязку.

Некоторое время оба молчат.

ЗИНОВИЙ

А вы, вероятно, ожидали увидеть чудовище? Я такой же человек, как и вы.

Он поднимает повязку, поворачивается и идет прочь, не разбирая дороги, разбрызгивая воду из луж.

СЦЕНА 80. ИНТ. ХОЛЛ ГОСТИНИЦЫ. СУМЕРКИ.

Виктор возвращается в гостиницу. Торопливо подходя ко входу в холл, он слышит шум перепалки и громкий голос Комова.

КОМОВ

Прошу тишины, господа. Кто за климатическое воздействие? Голосуем.

Поднимается пять рук — Павел, первый говоривший, еще трое.

КОМОВ

Пятеро. Кто против?

Поднимается пять рук — Диана, Големба, сам Комов, еще двое.

КОМОВ

(с невеселой усмешкой)

Тоже пятеро... Интересное положение... Что скажете вы, господин Банев?

Остановившийся было в дверях Виктор делает шаг вперед.

КОМОВ

Господин Банев?

ВИКТОР

Простите, господа, но могу я принять решение завтра? Мне нужно какое-то время еще... Подумать...

КОМОВ

Это ваше право. Итак, будем считать — решение пока не принято.

ПАВЕЛ

(возмущенно)

У вас же есть право второго голоса!

КОМОВ

(демонстративно официально)

Да. Но я не вижу причин воспользоваться этим правом.

(и со значением)

Пока не вижу.

Виктор замечает ненавидящий взгляд Павла, брошенный на Комова.

СЦЕНА 81. ИНТ. КАБИНА ЛИФТА. СУМЕРКИ.

Медленно меняются цифры на индикаторе: третий, четвертый... Члены комиссии в угрюмом молчании разъезжаются по своим этажам. Големба выходит, двери закрываются и лифт идет дальше.

Павел и Виктор едут молча и не глядя друг на друга. Но когда лифт замирает на следующем этаже и дверь открывается, Павел шагает к выходу и, остановившись на пороге, поворачивается к Виктору.

ПАВЕЛ

Ну что ж, думайте, думайте... Но если надумаете что-то не то, я вас уничтожу.

Он выходит. Двери начинают закрываться.

ВИКТОР

(небрежно бросает через плечо)

Кастетом?

Двери закрываются, но Виктор успевает увидеть искаженное изумлением и ненавистью лицо своего — теперь уж в этом нет сомнений — врага.

СЦЕНА 82. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. СУМЕРКИ.

Виктор, сгорбившись, понурившись, сидит в кресле в своем номере. Курит. Поглядывает на стоящую на столе бутылку, но не притрагивается к ней. Потом вдруг поднимает голову, в глазах его — безумная надежда.

ВИКТОР

Ира... Ты здесь?

Ему никто не отвечает. Он стоит какое-то время, прислушиваясь к шорохам в комнате. Затем подходит к окну. Все так же валит с невидимого во мгле неба дождь. Серый туманный полумрак.

В это время раздается стук в дверь.

ВИКТОР

Войдите.

Входит Павел — аккуратный, элегантный, собранный.

ПАВЕЛ

Вы позволите?

ВИКТОР

(мгновение помолчав)

Забавно...

Павел садится напротив Виктора.

ПАВЕЛ

Я хочу извиниться за свою вспышку в лифте. Я вел себя глупо и... недостойно. Поймите, Виктор, нервы на взводе... Ситуация жуткая, а тут эта комедия голосования — и вы, толком еще не разобравшись, со своим как бы решившим дело голосом... вернее, его отсутствием... Простите. Мне надо было объясниться с вами раньше.

Виктор молча курит, глядя на Павла ничего не выражающим, равнодушным взглядом.

Тот, однако, отнюдь не тушуетя.

ПАВЕЛ

Вы, вероятно, решили, что я пламенный защитник человечества. Этаким человеколюб... На самом деле я весьма низкого мнения о людях в частности и о человечестве в целом.

ВИКТОР

У вас сегодня прекрасное настроение. Очень светлое.

ПАВЕЛ

Зря смеетесь. Подумайте лучше о другом. Человечество действительно нуждается в перекройке... В перестройке, если угодно.
(страстно)

Но не в такой!!! Надо дать человеку быть просто человеком наконец, а не тащить его за шкурку в ангелы! Просто человеком! Вот вы всё над диктатурами насмехаетесь в своих романах... Правильно! Потому что все диктаторы начинали с того, что пытались воспитать так называемого нового человека. А теперь надвигается такая диктатура, какая вам и не снилась. Вы думаете, если ребенок цитирует Канта или Гегеля, то он — ого-го! Эссе хомо! А такой ребенок смотрит на вас и видит кучу дерьма, и ему вас не жалко, потому что вы и по Канту дерьмо, и по Гегелю тоже дерьмо. Дерьмо по определению. Они вам не деревянным циркулем череп мерить станут, нет, патриархальные времена СС давно прошли! Они каждую вашу мысль пропустят через квантовые анализаторы, каждую каплю пота разложат на спектрометрах — и скажут: животная капля, недостойная человека с Большой буквы, стало быть, в распыл скотину Банева... Короче, если вы примете их сторону, вы — предатель человечества. Поймите это наконец!

Виктор молчит.

ПАВЕЛ

(холодно улыбнувшись)

Ну? Так с кем вы, певец человека?

ВИКТОР

Со своими песнями.

Павел встает и с нарочитой неторопливостью идет к двери. В дверях оборачивается через плечо.

ПАВЕЛ
Вы еще пожалеете.
ВИКТОР
Дело привычное...

СЦЕНА 83. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. РАННИЙ ВЕЧЕР.

Виктор бредет под дождем. Ветер то и дело норовит сорвать с головы капюшон. Безлюдье. Черные окна. Никого. Один угол, одна длинная улица... потом поворот, другая длинная улица. Виктор вновь идет к дому, в котором когда-то жил.

СЦЕНА 84. ИНТ. БЫВШАЯ КВАРТИРА ВИКТОРА. РАННИЙ ВЕЧЕР.

Вновь — запустелое, мертвое жилище, в котором властвуют плесень, дождь и ветер. Виктор несколько раз обходит комнаты, время от времени резко оглядывается, словно пытаясь увидеть того, кто незримо следует за ним по пятам. Но никого нет. Виктор снова заходит в комнату дочери, подходит к письменному столу. Стоит, приглядываясь. Теперь, когда есть время и возможность осмотреться как следует, он понимает, что в квартире осталось очень мало вещей, хоть что-то говорящих о человеке, который здесь живет. Ни книг, ни газет, ни безделушек, никакого повседневного хлама, сопровождающего обыденную жизнь. В комнате любимого подростка нынче — чего только нет... но не тут. Плесневеющая квартира в духовном смысле практически стерильна.

Его внимание привлекают четыре фотографии, висящие над столом — это репродукция четырехстворчатой картины, похоже, что эпохи Возрождения. На картине четыре всадника Апокалипсиса — каждый в одной из створок. Виктор наклоняется к фотографии, подсвечивая себе огоньком зажигалки. Неожиданно вздрогнув, он резко выпрямляется. словно не веря собственным глазам, он снова и снова подносит огонек зажигалки к репродукции, меняя угол освещения. Но результат один и тот же. Сомнения нет. Лица всадников — это лица Иры, Куницы, Девочки, которая задавала ему вопрос, с формулой Лоренца на футболке, и Мальчика, спорившего с ним и похвалившего затем его книги.

СЦЕНА 85. ИНТ. КОРИДОР В ГОСТИНИЦЕ. ВЕЧЕР.

Виктор в мокром, истекающим водой плаще стучит в дверь какого-то номера. Ответа нет. Он стучит еще раз, потом еще раз, все сильнее. Ответа нет.

ВИКТОР

Диана... Диана, это я.

Молчание, тишина. Виктор еще немного ждет, потом уходит.

СЦЕНА 86. ИНТ. РЕСТОРАН ГОСТИНИЦЫ. ВЕЧЕР.

За столиком Виктор и Големба, перед ними бутылка и рюмки, и блюда с какой-то скромной снедью: не еда, а всего лишь закуска. Оба уже изрядно приняли, но пока еще не пьяны, а лишь неестественно воодушевлены и способны вызывая откровенничать и говорить целые речи — то, что трезвый человек в нормальном состоянии редко может себе позволить, потому что и самому муторно, и собеседника жалко...

ВИКТОР

Скажите мне, Айк, только честно. Климатический удар — это что? Это плохо?

ГОЛЕМБА

Разве словом «удар» что-то хорошее назовут, Вик?

Виктор криво усмешается: да, мол, что правда, то правда.

ГОЛЕМБА

(прод.)

Предусмотрено массированное распыление противооблачных коагулянтов объединенными силами вашей и нашей стратегической авиации. Как вы сами понимаете, тут в одиночку не справиться... ни вам, ни нам... дождевой фронт висит который месяц...

ВИКТОР

Коагулянтов... А людей не потравят?

ГОЛЕМБА

Людей эвакуируют.

ВИКТОР

И, стало быть, выйдет солнышко наконец... Заколосится хлеба, расцветут яблони и груши...

ГОЛЕМБА

Что?

ВИКТОР

(вдруг задумавшись о чем-то другом)

Нет, это я так...

(несколько секунд молчит)

А эти... мокрецы... С ними-то что?

Големба болезненно морщится и молчит. Виктор чуть наклоняется к нему через столик.

ВИКТОР

(понижив голос)

Ведь на солнышке они все перемерут, так?

Големба молчит, глядя в сторону.

ГОЛЕМБА

Ну, до солнышка еще дожить надо... После начала операции дождик будет... концентрированный раствор коагулянта, а не дождик... Вода будет вбирать в себя всю эту дрянь — может, час, может, пять... пока не рассеются тучи.

ВИКТОР

То есть это просто химическая война против мокрецов, а не исправление климата? А по каким формальным причинам им будет отказано в эвакуации?

ГОЛЕМБА

Думаю, ни по каким. Не станут брать — и все. Карантин. Официально они просто больные люди. Их нельзя выпускать за пределы зоны во избежание возможного распространения эпидемии... А не сумели выжить, когда ради их же блага климат был нормализован — не наши проблемы. Конечно, объявят траур... Виноваты будут биологи комиссии, которые не распознали вовремя природу недуга.

ВИКТОР

Так они все-таки заразны?

ГОЛЕМБА

Не хитрите, Вик. Вы уже прекрасно поняли, что они... и заразные, и не заразные. Вот наш портье от них заразиться не может. И никто из санаторских весельчаков не может. И я не могу... уже.

ВИКТОР

А я?

ГОЛЕМБА

Не знаю.

ВИКТОР

Чем еще они необыкновенны?

ГОЛЕМБА

Чем...

(помолчав, мечтательно)

Они умны... Они невообразимо умны — в отличие от обычных людей... Они все как на подбор талантливы. И умеют видеть таланты в других — и помочь им развиваться. Дети это чувствуют, Вик. Потому что именно дети еще не успели расстаться с мечтой быть талантливыми... Поэтому дети с ними, а не с нами.

Берет рюмку, отпивает. Виктор тоже делает глоток за компанию.

ВИКТОР

Это я могу понять...

ГОЛЕМБА

Они порвали с животным в человеке. Настолько, насколько это вообще возможно. Поэтому у них странные желания и полностью отсутствуют желания обыкновенные...

ВИКТОР

Например, женщины?

ГОЛЕМБА

В каком-то смысле — да.

ВИКТОР

А размножение? Что, колбы? Я — против.

ГОЛЕМБА

Не хочешь — не заболеешь. В этом вся штука... нужна тоска. Чтобы нестерпимо жгло, чтобы тянуло куда-то... У меня это было, но давно прошло, я опоздал. У вас — не знаю. А у детей — еще есть. Пока.

ВИКТОР

Так это все-таки болезнь?!

ГОЛЕМБА

(будто в трансе)

Не знаю. Внутри вида зарождается новый вид. Мы называем это генетической болезнью. А вообще-то... Они просто очень малы, у них все впереди, а у нас впереди — только они...

СЦЕНА 87. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. НОЧЬ.

Виктор, пошатываясь, расхаживает по номеру и раздевается, роняя плащ,

свитер, рубашку прямо на пол. Остановившись у окна, неловко закуривает — пальцы плохо его слушаются, будто ооченели. Снова смотрит во тьму нескончаемого ненастья. Курит и словно бы чего-то ждет — нового видения или какого-то знака... Но ничего нет. Виктор гасит окурок, подходит к постели, потом, что-то вспомнив, торопливо идет к двери и припирает ее тумбочкой. Вынимает из кармана плаща диск, который взял в комнате Иры, вставляет его сг-гом своего ноутбука. Гасит свет и валится на кровать.

Звучит голос Иры.

ГОЛОС ИРЫ

Дважды умершие, живущие после смерти Бога, мы ищем свою тень в потоке иллюзий спящего мира. Мы живем в мире тотальных подмен, в мире чисел и призраков, в мире, где все слова стерлись и потеряли смысл. Эпоха профанов. Эпоха невыносимой пошлости существования. Царство банального, воспевающее собственную пустоту. Дух окончательно покинул наш мир. Время сжимается. Нет уже времени. Нет пространства. Агония небытия. Дух бесплодия витает над осиротевшей землей, обреченной испытать последнее из одиночеств... Страх заполняет душу. Все предельно. Открылись последние тайны. Ветер из бездны опалает наше лицо... Кто это сказал? Я спрашиваю вас, кто? Ответьте мне...

Голос умолкает. Тишина.

Почти в полной темноте Виктор подходит к окну. Пальцы у него дрожат. Он глубоко затягивается. Держит дымящуюся сигарету в опущенной руке, смотрит в дождливую мглу. Затем идет в ванную.

Тяжело и хрипло дыша, он умывается, приглаживает волосы. Ему явно худо. Опершись на раковину, он некоторое время исподлобья смотрит на себя в зеркало.

ВИКТОР

А ведь желтое лицо... Не может быть... Не может быть!

(пауза)

А вдруг все-таки...

Лицо его искажается от ужаса догадки.

Виктор рывком придвигает к себе телефон, набирает номер, вслушивается в длинные гудки.

ВИКТОР

(бормочет)

Айзэк, ну ответь... Ответь, Айзэк... ну где тебя носит...

Нажимает рычаг, и тут же набирает другой номер. Диана отвечает почти сразу.

ВИКТОР

Это я. Привет.

ИАНА

Привет.

ВИКТОР

Ты куда пропала?

ГОЛОС ДИАНЫ

Дела. Прости, я тоже скучаю, но... Сейчас я опять должна бежать.

ВИКТОР

Погоди. Со мной что-то происходит... Мне кажется, я заразился.

ГОЛОС ДИАНЫ

Чем?

(в сторону)

Да-да, я сейчас. Уже иду.

ВИКТОР

(нервно и все же немного смущаясь)

Этим. Не знаю, как вы это называете. Этим!

ГОЛОС ДИАНЫ

Виктор, не пугай себя и других. Ты здесь каких-то три дня, так не бывает. Успокойся.

ВИКТОР

Диана!

ГОЛОС ДИАНЫ

Я должна бежать. Я позвоню. Если не застану, когда вернусь — оставлю записку... Прости, Виктор, я правда должна бежать.

В трубке Виктора раздаются короткие гудки. С силой он бросает трубку. Виктор едва не срывается на крик. Ему страшно — и страшно обидно. Но он берет себя в руки.

ВИКТОР

Да, конечно. Дела, я понимаю. Дела... О боже...

Глубоко дыша, словно вынырнув из-под воды, Виктор снова идет в ванную, к зеркалу. Рассматривает себя и так, и этак, шлепает губами. Очень внимательно, очень подробно.

ВИКТОР

Губы, вроде, на месте...

Он приближает лицо к зеркалу почти вплотную.

СЦЕНА 88. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНОЙ ГРАФИКИ. РАННИЙ ВЕЧЕР.

Отражение света лампы, горящей в комнате на столе, вдруг расплывается; до этого оно лишь теплилось и отсвечивало у самого обреза стекла, теперь расплывается на все зеркало. И меркнет, оставляя светить лишь отдельные сгустки слабо мерцающих точек; это оказывается звездным небом, посреди которого, вытеснив отражение лица Виктора, проступает гигантская сверкающая чечевица галактики, косо и мертво висящая в бездне. Ничего больше не видно — лишь бескрайний простор Вселенной и неподвижная звездная спираль посреди. Но на фоне этой спирали, словно тени на стекле, начинают постепенно проступать контуры четырех всадников. они яростно скачут прямо на Виктора, но почему-то остаются все время на месте. Только лица их становятся все определеннее и определеннее. И вот уже отчетливо видно лицо первого всадника. Это — Ира. Но что-то чужое и незнакомое чудится Виктору в этом повзрослевшем лице. Взгляд — холодный и словно пронизывающий насквозь, а черты лица неподвижны, как на старинной картине. Рука всадницы медленно опускается на рукоять меча и тут же выхватывает его из ножен. Жуткий железный скрежет, повторенный эхом пространства, сотрясает все вокруг, и кажется невозможно вынести этот странный, раскалываю-

ший сознание звук. Но вот меч вынут — звук прекращается. Остается только дыхание и храп мчащихся коней. Они все ближе и ближе...

СЦЕНА 89. ИНТ. НОМЕР ВИКТОРА. НОЧЬ.

Виктор, так и оставшись полураздетым, лежит на диване; он спит. Слышится какой-то отдаленный напряженный и постепенно нарастающий гул. Окна отсвечивают красным светом, и он, прерывисто мигая, скользит по темной комнате.

Гул продолжается. Слышны голоса из коридора. Кто-то резко и громко стучит в дверь.

ГОЛОС

Банев! Откройте! Эвакуация!

Из коридора слышны множественные шаги, какие-то невнятные выкрики и скороговорки.

ГОЛОС ИЗ КОРИДОРА

Все вниз с вещами! Срочная эвакуация! Автобусы уходят через двадцать минут! Все вниз с вещами! Срочная эвакуация! Автобусы уходят через двадцать минут!

ВТОРОЙ ГОЛОС ИЗ КОРИДОРА

(отдаленно)

Что случилось? Кто-нибудь может сказать, что случилось?

Слышен стук в дверь, теперь уже снова в соседнюю, только с другой стороны. И, снова уже поодаль, звучит та же фраза.

ГОЛОС ИЗ КОРИДОРА

Все вниз с вещами! Строчная эвакуация! Автобусы уходят через двадцать минут!

Виктор переводит дыхание, садится, пытается проснуться. Оглядывается на окно. Дождь льет, как прежде, но сквозь плеск и рокот воды отчетливо нарастает изматывающий гул бомбардировщиков, обрабатывающих небо над городом. Виктор сглатывает. Теперь до него доходит смысл происходящего.

СЦЕНА 90. ЭКС. У ВХОДА В ГОСТИНИЦУ. НОЧЬ.

На улице перед гостиницей — хаос. Уже почти стемнело, горят только фары автобусов и машин. Гомон, крики. Мечутся увешанные сумками люди, кто-то катит чемодан на тележке, нещадно расталкивая всех попадающихся на пути, кто-то кого-то ищет и не может найти. Валяются оброненные в суতোлке вещи.

Перекрывая и гомон, и беспорядочные сигналы клаксонов, и даже непрерывно нарастающий с небес гул раздается усиленный микрофонами голос Комова.

КОМОВ

Сейчас подъедут еще автобусы. Повторяю. Подъедут еще автобусы. Все поместятся.

Виктор с сумкой через плечо, лавируя в толпе, идет на этот голос. Подходит к Комову, стоящему на ступеньке одного из уже переполненных автобусов.

ВИКТОР

Что происходит? Решения комиссии нет? Или уже есть? Ведь мы еще не приняли решения.

КОМОВ

(показывая пальцем на гудящее небо)

Кому теперь интересны наши решения? Вы что, не понимаете-

те, что происходит?

Из глубины автобуса к Комову подбегает какой-то человек. Выслушав его, Комов кричит в микрофон.

КОМОВ

Дайте коридор «скорой помощи»! Шестой и седьмой, подайте вправо, дайте коридор! У меня тут сердечный приступ!

ВИКТОР

Послушайте... Где Диана, где Айзэк?

В левой руке у Комов пищит трубка мобильного телефона, Комов подносит ее к уху.

КОМОВ

Что? Как не готов? Да чему вас в армии учили, понтонщики? Через четверть часа мы трогаемся! Чтобы к двадцати ноль-ноль был мне второй причал, поняли? Иначе мы все здесь... и вы тоже, понимаете? И вы — тоже!

Отключает трубку, тыльной стороной ладони вытирает воду с лица и опускает руку.

ВИКТОР

Геннадий, пожалуйста... послушайте, я все-таки не понимаю.

КОМОВ

Виктор, идите! Айзэк в машине, а больше я сейчас ничего не знаю. Он все вам объяснит.

Виктор поворачивается и идет через площадь. Суета быстро остается позади, он видит в створе одной из улиц армейские грузовики, в которые споро, без суеты грузятся солдаты, на противоположной стороне площади, прямо у исписанной формулами стены стоит штабная машина, по ее крыше лупит дождь.

СЦЕНА 91. ЭКС. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НОЧЬ.

Колонна машин медленно движется по площади. Резкий свет фар, мелькание теней бегущих к грузовикам солдат. Мелькание мигалок в сплошной пелене дождя. И над всем этим — гудение бомбардировщиков. Кажется, что оно стало ближе.

СЦЕНА 92. ИНТ. САЛОН МИКРОАВТОБУСА. НОЧЬ.

Виктор сидит у окна, смотрит в темноту. Големба — рядом.

Все сидят молча, подавленные, ошарашенные, у них лица людей, переживших внезапную катастрофу.

Виктор глядит в окно. За окном идет дождь. Стена с формулами — совсем рядом.

ВИКТОР

Мы сможем проехать мимо моего дома?

ГОЛЕМБА

(умоляюще)

Вы же слышали, Вик, мы пойдем колонной... Поверьте, вашей дочери все равно там нет.

ВИКТОР

(тихо, но рвущимся от напряжения голосом)

А где она?

Некоторое время Големба молчит.

ВИКТОР

Где, собственно, все дети?

ГОЛЕМБА

(глядя в сторону, нехотя)

Этим должна была заниматься Диана. Я уже почти два часа не имею от нее никаких вестей...

СЦЕНА 93. ЭКС. ПРИЧАЛ. НОЧЬ.

В свете прожекторов военные стремительно разворачивают походный лагерь для эвакуируемых. Огромные палатки, между которыми медленно, переваливаясь на неровностях почвы, время от времени проезжают армейские грузовики. Роко-чут движки, подавая электричество. Бегают какие-то люди — в резком свете, ре-жущем на ломти непроглядную тьму, не разобрать их лиц.

Основное скопление эвакуированных — у штабной палатки, там, где тороп-ливо идет регистрация тех, кто затем переходит на сходни, скинутые с нескольких катеров, сгрудившихся у причала, явно не рассчитанного на такое количество су-дов. Под просторным брезентовым навесом, защищающим от дождя, — который, правда, здесь едва моросит, — несколько столов, к которым выстроилось уже не-сколько длинных, гомонящих очередей; за столами — военные вносят людей в списки и выдают карточки на заселение в палатки. Виктор пробирается сквозь ветвящиеся, переплетенные очереди. Похоже, он кого-то ищет, высматривает. Ос-танавливается у каждой фигуры девушки или девочки-подростка, стараясь увидеть лицо. Но тщетно — тех, кого он ищет, тут нет.

Внезапно он замирает, потом даже делает шаг назад — и его, конечно, тут же кто-то толкает в спину. Он не обращает внимания.

Его взгляд прикован к немолодой паре в соседней очереди. Это Карлушкин и его жена; она держит за руку старшего сына, тот — держит за руку младшего. Они уже почти достояли до регистрации. Женщина что-то возбужденно рассказывает соседям по очереди, она то плачет, то смеется и размахивает руками; она на грани истерики и все время оглядывается.

Виктор делает еще шаг назад, безотчетно кивая несколько раз. Но Карлушкин его не узнает — либо делает вид, что не узнает. Виктор поворачивается и уходит.

СЦЕНА 94. ЭКС. ПРИЧАЛ. НОЧЬ.

Виктор по-прежнему бродит один под дождем. Это уже окраина лагеря, здесь суеты меньше и меньше света..

Вскоре путь ему преграждают военные. Видно, как с особняком стоящего во-енного катера сгружают какие-то ящики.

СОЛДАТ

Туда нельзя.

ВИКТОР

(кивком головы указывая на катер)

Продовольствие? Мы что, тут надолго?

Капитан угрюмо усмехается.

КАПИТАН

Кто знает... Только это не продовольствие. Антидот завезли...

ВИКТОР

Антидот?

КАПИТАН

На случай, если нас отравя зацепит.

ВИКТОР

(помолчав)

Так опасно?

КАПИТАН

А пес его знает. Таких экспериментов еще никто не ставил.

ВИКТОР

Что ж вы, военные, творите...

КАПИТАН

(угрюмо)

Военные военным рознь. Тут мы все одинаково подопытные кролики — что вы, что мы...

Виктор смотрит на вертолет, потом отворачивается. Идет прочь.

К нему подбегает какой-то человек.

ЧЕЛОВЕК

Господин Банев! Комов вернулся. Вы просили предупредить.

ВИКТОР

Да, спасибо. Где он?

ЧЕЛОВЕК

В штабной... Сто метров туда, потом направо, увидите большую освещенную палатку.

Человек убегает. Виктор очень быстро идет в темноту.

Виктор подходит к большой палатке, к которой идет множество кабелей от стоящих вокруг нее армейских машин с работающими движками, на полог крупно написано: «Штаб». Виктор откидывает полог и входит внутрь.

СЦЕНА 95. ИНТ. ШТАБНАЯ ПАЛАТКА. НОЧЬ.

В палатке — рабочий хаос. Кто-то говорит по телефону, кто-то работает за компьютерами; люди входят и выходят.

ОПЕРАТОР

Третье звено ушло на дозаправку. Второе звено отработало и тоже разворачивается... Концентрация — семьдесят пэдэка... семьдесят две... Первое крыло американцев отработало и уходит. Седьмое идет на замену...

Посреди палатки — Комов и какой-то полковник. Они словно готовы к драке, и почти кричат друг на друга. Таким Виктор еще не видел мягкого, тактичного Геннадия Комова и поэтому не решается к нему подойти.

КОМОВ

Вы же мне обещали! Вы клялись, что медикаментов хватит на всех!

ПОЛКОВНИК

А что я могу? Мне обещали — и я обещал!

КОМОВ

Если нас всерьез накроет, этого хватит человек на пятьсот, а у нас тут почти четыре тысячи! И потом! Что будет с теми, кто остался в городе? Почему я до сих пор не могу получить ясный ответ — остался кто-то или нет? Остался или нет?!

Полковник молчит.

КОМОВ

(тихо)

Это же убийство...

(после паузы)

Если б я знал, что так будет, я никогда не подписал бы решение комиссии...

В палатке вдруг становится тихо. Оказывается, все прислушивались к этому скандалу и лишь делали вид, что не обращают на него внимания, занимаясь своими неотложными делами. Становится слышен гул самолетов и нескончаемая дробь дождя по брезенту.

Полковник делает маленький шагок навстречу Комова и осторожно трогает его за плечо.

ПОЛКОВНИК

Да Геннадий же Андреевич... Генштабы неделю работали бок о бок... говорят, президенты раз десять созванивались... Что им наши подписи... Кто мы такие?

Тишина.

КОМОВ

Значит, дети — не люди?! Мокрецы — не люди? А кто — люди?

(тычет вверх рукой с вытянутым указательным пальцем)

Они?

Ни на кого не глядя, выходит из палатки. Виктор в ошеломлении озирается. Все сидят некоторое время, будто остолбенев, а потом, словно стараясь забыть все, чему оказались свидетелями, старательно возвращаются к своим делам.

ОПЕРАТОР

Четвертое отбомбилось... виноват, отработало... Концентрация — сто шесть пэдэка...

Виктор уходит из палатки.

СЦЕНА 96. ЭКС. ПРИЧАЛ. НОЧЬ.

Виктор и Големба идут под дождем где-то на безлюдной окраине лагеря, свет прожекторов и суета, и крики остались позади. Кругом лишь тьма, ливень и гул. И надсадное чавканье под ногами.

ВИКТОР

Что теперь?

ГОЛЕМБА

Пока не знаю.

ВИКТОР

Где дети?

ГОЛЕМБА

Пока не знаю. Я же сказал...

Они подходят к темной громаде автобуса, косо стоящего на границе лагеря. Дальше — уже совсем темно. Смутно видны темные корпуса других автобусов и автомобилей.

ГОЛЕМБА

Я думаю, он где-то здесь.

Он поднимается на ступеньку, заглядывает внутрь. Виктор видит, как он замер, напрягшись.

СЦЕНА 97. ИНТ. САЛОН АВТОБУСА. НОЧЬ.

Внутри, в глубине, на одном из сидений, в темноте и одиночестве сидит какой-то человек. Он поднимает навстречу вошедшим голову, и тогда становится видно, что это — Комов.

Некоторое время все трое молчат.

КОМОВ

Дети потерялись.

ГОЛЕМБА

Я уже понял. Диана и тебе пока не звонила?

КОМОВ

Нет. Идите в штаб. Я еще тут посижу.

ГОЛЕМБА

Идем вместе.

КОМОВ

Нет-нет, мне надо побыть одному. Наорался... хватит. Устал. Кого смог — спас, кого не смог... того не спас. Идите. Все зря. Идите, пожалуйста.

В его глазах стоят слезы.

КОМОВ

Пожалуйста...

СЦЕНА 98. ЭКС. ПРИЧАЛ. НОЧЬ.

Големба и Виктор послушно выпрыгивают из автобуса в грязь но, не успевают они пройти и десятка метров назад, как в кармане у Голембы вдруг начинает звонить телефон. Големба выхватывает трубку.

ГОЛЕМБА

Алло?

В ответ пищит голосок Дианы.

ГОЛОС ДИАНЫ

Мы не смогли пробиться к гостинице... Они нас ждали и перебили бы всех... Сейчас мы спрятались, не могу сказать, где, они могут нас слушать... ну почему, почему вы не успели его арестовать?

ГОЛЕМБА

Кого?

ГОЛОС ДИАНЫ

Павла! Павла!!

ГОЛЕМБА

(с болью и бессильной яростью)

Да потому что действовали по закону, черт возьми! По закону!!

Виктор вырывает у Голембы трубку.

ВИКТОР

Диана?

ГОЛОС ДИАНЫ

Виктор? Господи, Виктор!

ВИКТОР

Диана! Дети с тобой?

ГОЛОС ДИАНЫ

Да! Да, все здесь, со мной... Утром, после выпадения реагента, мы постараемся выбраться... Я не могу говорить долго, я боюсь, они запеленгуют, я теперь всего боюсь... Надеюсь, мы сможем укрыться...

ВИКТОР

Диана!

В трубке слышны короткие гудки.

У Виктора скулы ходят ходуном. Он возвращает трубку Голембе, тот пытается спрятать ее в карман и не попадает, руки трясутся. Получается лишь с третьей попытки.

ВИКТОР

(задумчиво и с кажущимся спокойствием)

Возвращайтесь в штаб, Айк.

ГОЛЕМБА

А вы?

ВИКТОР

А я к ним.

ГОЛЕМБА

Джизус... Виктор, вы даже не знаете, где они. Вы с ума сошли?

ВИКТОР

Всегда.

(и — поворачиваясь)

Найду. Она обещала оставить записку.

Виктор бежит в темноту, присматриваясь к стоящим машинам. Садится в кабину большого автобуса. Ключ зажигания на месте. Виктор садится на водительское сиденье, заводит мотор... Автобус вырывается на дорогу и начинает стремительно наращивать скорость. На границе света и тьмы, у пропускного поста, он разбивает шлагбаум и несется дальше в темноту. Ему вслед стреляют из автоматов солдаты охранения. Звенят, разлетаясь, задние стекла. Автобус, тараня фарами ночную морось и размолочивая ее ветровыми стеклами в водяной дым, несется к городу.

СЦЕНА 99. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. НОЧЬ.

Скрежет тормозов, рокот мотора и плеск дождя не могут заглушить равномерно льющегося с неба звенящего гула работающих самолетов. Резкий свет фар автобуса вырывает из кромешной тьмы стены домов с выбитыми окнами, провалы арок проходных дворов, давно издохшие, перекошенные светофоры...

СЦЕНА 100. ИНТ. КАБИНА АВТОБУСА. НОЧЬ.

Виктор гонит, как только может, автобус то и дело заносит. Дворники ожесточенно гоняют воду по ветровому стеклу.

ВИКТОР

(напряженно глядя вперед, бормочет)

Три раза, третий раз ровно вдвое длиннее... Три раза, третий раз ровно вдвое длиннее...

Он едет к логову мокрецов. Ему негде больше просить помощи. И потом — кто знает, вдруг Диана и дети укрылись именно там?

Свет фар на миг выхватывает из тьмы знакомый поворот у старого вокзала. И тут же Виктор сворачивает и тормозит.

СЦЕНА 101. ЭКС. УЛИЦЫ ТАШЛИНСКА. НОЧЬ.

Оставив автобус, Виктор спрыгивает прямо в глубокую лужу и, не разбирая дороги, идет через проходной двор.

Вот, он тот дом. На той стороне.

Но дома уже нет — от него остались лишь руины. Старый вокзал взорван. Вероятно, совсем недавно — несмотря на ливень, где-то в глубине громадной, невообразимо безобразной кучи строительного мусора пробегают огни умирающего пожара.

СЦЕНА 102. ЭКС. ПЛОЩАДЬ ПЕРЕД ГОСТИНИЦЕЙ. НОЧЬ.

Автобус пересекает темную площадь и резко останавливается у гостиницы. Свет фар выхватывает формулы на стене дома напротив; они на миг словно вспыхивают фосфорным сиянием и тут же меркнут. Виктор выходит из автобуса, секунду стоит замерев, словно прислушиваясь. Затем идет ко входу в гостиницу.

СЦЕНА 103. ИНТ. ГОСТИНИЦА. НОЧЬ.

Странное впечатление производят знакомые интерьеры гостиницы теперь — без охранников у входа, без яркого сияния светильников, без портье за стойкой, без публики в вестибюле. Откинув капюшон плаща, Виктор медленно идет по едва подсвеченному тусклым красным накалом дежурного освещения вестибюлю, уже изрядно затопленному водой. Его шаги отдаются в тишине, нарушаемой лишь плеском и отдаленным, равномерным гулом в небесах. Виктор останавливается, оглядывается, прислушивается. Ему чудится какое-то движение теней в помещении ресторана. Он заходит туда.

СЦЕНА 104. ИНТ. РЕСТОРАН ГОСТИНИЦЫ. НОЧЬ.

Ресторан полон мокрецами.

В густом сумраке множество черных фигур с полуприкрытыми черными повязками лицами выглядит жутко. Кто-то читает, кто-то, кажется дремлет, но большинство просто сидят, глядя перед собою и бормоча что-то — то ли молитвы, то ли заклинания на непонятном языке. Все словно чего-то ждут. Чуть светлеют голые черепа. Время от времени слышно приглушенное покашливание и еще — шелест переворачиваемых страниц и хлюпанье прибывающей воды под ногами.

Виктор с силой проводит ладонью по лицу. Озирается. На него никто не обращает внимания.

Решив, что он тоже не будет ни на кого обращать внимания, Виктор с независимым видом возвращается к двери. Здесь он последний раз оглядывается на сидящих в ресторане, а когда поворачивается, слышит голос.

ЗИНОВИЙ

Уходите. Немедленно уходите.

Виктор вздрагивает. Зиновий стоит у двери, только с противоположной сто-

роны. Откуда он взялся — непонятно.

ВИКТОР

У вас тут партийный съезд?

ЗИНОВИЙ

Да.

ВИКТОР

Вы что, восстание начали? Собрались воевать?

ЗИНОВИЙ

Да. Да, да, да. Уходите отсюда. Сейчас вам здесь совершенно нечего делать.

ВИКТОР

Да что вы опять затеяли?!

ЗИНОВИЙ

Это не мы затеяли, а вы. Мы здесь больше не работаем, Банев.

ВИКТОР

Мы тоже тут не работаем. Мы тут живем. К сожалению.

ЗИНОВИЙ

Вам следовало бы жить более разумно.

ВИКТОР

Вон вы что от своего большого ума начудили. А я от своего маленького хочу малого — спасти женщину и ребенка. Такая ерунда, подумаешь! Всего-то две живые души, кому они заметны!

Он выходит из ресторана.

ЗИНОВИЙ

Не ходите наверх. Дианы там нет.

ВИКТОР

(через плечо)

Она обещала оставить записку.

СЦЕНА 105. ИНТ. КОРИДОР И НОМЕР ДИАНЫ. НОЧЬ.

Несколько мгновений Виктор стоит неподвижно перед дверью номера Дианы. Тускло светят с потолка коридора, в полнакала, мигая, несколько плафонов. Тишина, слышен лишь гул работающих над тучами самолетов. Виктор решительно открывает дверь и входит. В номере — тьма. Виктор на ощупь тянется к выключателю у двери, привычно щелкает выключателем. Света нет. Виктор зажигает карманный фонарик и идет вглубь номера, осматривает письменный стол, журнальный столик... Ничего. Никакой записки.

СЦЕНА 106. ИНТ. КОРИДОР ГОСТИНИЦЫ И НОМЕР ВИКТОРА. НОЧЬ.

Виктор торопливо идет по коридору. Подходит к двери своего бывшего номера, берется за ручку двери и застывает: в номере явно кто-то есть. Слышно шумное дыхание, поскуливание... Собака?

Виктор открывает дверь, пускает внутрь сноп света от фонарика — и видит в углу безумные от страха глаза.

Это Квадригин. Совершенно ошалев от ужаса, он сидит на полу, забившись спиной в угол и вжавшись в него спиной, и тихо поскуливает.

ВИКТОР

Рой?

Квадригин лишь скулит громче.

Виктор направляет свет себе на лицо.

ВИКТОР

Это я, я... Узнал?

Квадригин затихает, а потом начинает нетвердо вставать.

КВАДРИГИН

(с облегчением)

А я так и знал, что ты меня спасешь.

ВИКТОР

Как ты здесь оказался?

КВАДРИГИН

(сокрушенно и обиженно приговаривает)

А меня забыли. Валяюсь у кого-то в гостях, просыпаюсь — никого... пошел по коридорам — никого, свет не горит... Гудит что-то все время... Домой хотел уехать — ни одной машины у подъезда нету, и мою кто-то тоже свистнул... Пошел в ресторан выпить, а там... там нехорошо... Там очень нехорошо... Чуть штаны не замочил, правда... Дунул наверх — думаю, у тебя отсижусь, уж ты-то, думаю, никуда не денешься...

ВИКТОР

Диану ты не видел? Она была в гостинице?

КВАДРИГИН

Была. Да. Потом уехала. Думаю — в санаторий...

ВИКТОР

(удивленно)

Почему ты так думаешь?

КВАДРИГИН

Ну, как же... Слышал. Еще вечером, еще когда ходил по гостинице, искал, к кому пойти в гости... Этот ваш, с героическим профилем...

ВИКТОР

Павел?

КВАДРИГИН

Во-во. Говорил кому-то по телефону: Диана с детьми собиралась в экстренной ситуации укрыться в подвальных помещениях санатория, она знает, что там хорошая герметизация...

ВИКТОР

Едем туда.

Он решительно шагает к двери. Квадригин опять тушует. Прячет бегающие глаза.

КВАДРИГИН

(опасливо)

Мимо этих идти...

ВИКТОР

(обнадеживающе)

Я с тобой. Не тронут.

Они выходят из номера.

СЦЕНА 107. ИНТ. КАБИНА АВТОБУСА. НОЧЬ.

И снова дорога во тьме, под непрекращающимся дождем. Квадригин уселся на переднем пассажирском сиденье, сразу за кабиной, и дремлет, его голова бесильно мотается. Виктор, злобно щурясь, гонит автобус.

Возле санатория Виктор тормозит, вырубивает на опустевшую стоянку. Ни одной машины, темные окна. Он оборачивается на Квадригина. Тот каким-то необъяснимым образом чувствует его взгляд. Не открывая глаз, вдруг прищмокивает губами.

КВАДРИГИН

Ты иди. А я еще поплюю. Чего мне там?

Виктор выходит из автобуса.

СЦЕНА 108. ЭКС./ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Теперь Виктор, не заходя в главный корпус, сразу идет к котельной — убежище, о котором шла речь, может быть только там. С трудом открывает наружную дверь, входит в служебное помещение. Освещая себе фонариком путь, делает шаг.

И в этот момент его хватают за руки два ждавших у двери человека. Короткая и безнадежная борьба. Едва видно, как Виктора валят с ног и пристегивают наручниками к трубе парового отопления под самым окном. Тогда зажигается свет.

Рядом со скорчившимся на полу с вытянутыми к трубе руками Виктором стоят, потирая руки и поправляя рукава после легкой потасовки, двое в одинаковых серых костюмах, а поодаль на стуле сидит, широко улыбаясь, Павел. В глубине комнаты лежит связанный Рослый сосед Виктора.

ПАВЕЛ

Какая неожиданность! Ждали девочку, а пришел мальчик!

Причем — уже второй...

Он встает. В руке у него пистолет. Подходит к Рослому. В глазах Рослого — ужас, он понимает, что его ждет.

ПАВЕЛ

Ну, первый-то вообще наглец... Ордера не дождался, подмоги не дождался, так решил меня в последний момент сам арестовать... Это непροститительно. Теперь он нам совсем не нужен.

Стреляет Рослому в висок.

ПАВЕЛ

Теперь у нас есть магнит попрутягательней...

(подходит к Виктору, присаживается возле него на корточки)

Помните, Виктор, несколько часов назад я вам обещал, что вы пожалеете? Я всегда держу слово.

Он коротко, наотмашь бьет Виктора в лицо.

ПАВЕЛ

Покопайтесь в памяти, Виктор. Вы так плотно общались с этими нелюдями... и с дочуркой... Не может быть, чтобы кто-то из них хоть как-то не обмолвился вам, где они квартируют. Где они сейчас могут быть. Ну?

Виктор молчит, глядя в пол.

ПАВЕЛ

(каждое слово он произносит отдельно, с паузами)

Повторяю. Где... они... сейчас... могут быть?

Виктор молчит.

ПЕРВЫЙ ПОДРУЧНЫЙ

Тут хозблок рядом. Хотите, я принесу паяльник? Интеллигенты — они гордые, но к телу своему относятся бережно, простой боли не любят... Мигом размякнет.

Павел широко, издевательски улыбается.

ПАВЕЛ

Паяльник, Виктор! Слышите? Редкая музейная вещь! Какое чудесное изобретение!

Виктор молчит. Что толку отвечать. Из его носа течет кровь.

ПАВЕЛ

А вы представляете, сколько всяких чудесных изобретений напридумывали бы ваши детки, если бы их не остановили? По сравнению с ними паяльник — просто массажная щетка...

В кармане у Павла пищит телефон. Павел достает трубку.

ПАВЕЛ

Да? И в пятом квадрате нет? Ищите! Ищите, у вас еще часа полтора... Я должен быть уверен, что они сдохнут!

Убирает трубку.

ПАВЕЛ

(обернувшись к подручным)

Идите, парни. Девочка не придет, это ясно, они наверняка забились в какую-то щель. Возьмите мой «джип» и покатайтесь в районе особняков. Черт их знает, может, там...

ВТОРОЙ ПОДРУЧНЫЙ

Если бы их прикармливал кто-то из элиты, мы бы знали...

ПАВЕЛ

Наша элита из санатория не вылезает. Могут и сами не знать. Идите, идите... А мы с господином литератором еще по-discутируем.

Подручные уходят. Павел достает сигарету, закуривает. Предлагает Виктору.

ПАВЕЛ

Не угодно ли?

ВИКТОР

Бросил.

ПАВЕЛ

Резко прекращать курение — очень вредно. Надо постепенно... Сейчас вам просто необходима сигарета.

Вынимает сигарету из рта и прижимает ее горящий кончик к тыльной стороне одной из стянутых наручниками на трубе отопления ладоней Виктора. Виктор корчится. Стыскивая зубы, молчит.

ПАВЕЛ

Какие мы мужественные... Какие мы благородные... Вот что я сделаю. Я просто открою окно и выставлю вас под дождик. А потом зайду посмотреть, как с вас будет заживо слезать кожа...

Идет, Банев? И ни одна из ваших баб вас не увидит, чтобы восхититься вашей принципиальностью и всплакнуть... Не надейтесь. Сгниете в одиночку. Идет?

(делает выжидательную паузу, затягивается сигаретой)

Или все-таки покопаетесь в памяти?

ВИКТОР

Может быть, школа...

ПАВЕЛ

(резко)

Не пытайтесь выиграть время дешевыми трюками! Школу мы перетряхнули в первую очередь, нет там никого!

Встает с корточек. Открывает окно. В номер врываются гул и плеск, ливень начинает хлестать в подоконник, брызгать в комнату, голова и плечи Виктора мгновенно становятся мокрыми. Павел идет к двери, взявшись за ручку, оборачивается.

ПАВЕЛ

Когда начнет чувствоваться запах, я к вам зайду. Может, в последний момент передумаете. Это будет очень важный момент в вашей жизни — когда вы почувствуете запах коагулянта.

(опять издевательски улыбается)

Свет вам оставить? Может, решите написать несколько бессмертных строк... нет? Тогда спокойной ночи.

Гасит свет и выходит из комнаты.

Тьма. Виктор сидит, опустив голову, с прикованными к батарее руками. Он даже не пытается освободиться — понимает, что это невозможно.

СЦЕНА 109. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Павел входит в комнату, по которой в полном беспорядке раскиданы какие-то бумаги и папки. Он небрежно поддает одну папку ногой, потом нагибается, читает название. Подходит к столу, принимается перебирать лежащие там дела. Звонит его телефон. Павел подносит трубку к уху.

ПАВЕЛ

Нет? До сих пор? Я же сказал: каждый дом! Каждый! А если заперто — взламывайте, черт вас возьми!

СЦЕНА 110. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Скрипит в темноте дверь. Из коридора выпрыгивает сноп тусклого света, в проеме — темный силуэт.

ГОЛОС КВАДРИГИНА

Виктор... ты живой?

ВИКТОР

Рой?

ГОЛОС КВАДРИГИНА

Ты где?

ВИКТОР

Ох, Рой... Включи свет.

КВАДРИГИН

Нет, боюсь... вдруг они увидят...

Силуэт Квадригина медленно, почти наугад перемещается к окну.

ВИКТОР

Они меня приковали...

КВАДРИГИН

Я все слышал... Тут хозблок рядом... У меня ножовка.

Квадриги нащупывает цепочку наручников и начинает пилить. Отвратительно визжит и скрежещет полотном, вгрызаясь в металл.

ВИКТОР

(благодарно и восхищенно)

Рой... Рой, синяя твоя рожа...

КВАДРИГИН

Чего ругаешься, ты же меня не видишь... Я только по утрам синий...

СЦЕНА 111. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Павел уже в другой комнате. На стене висит большая карта города со светящимися точками. Павел внимательно изучает их.

СЦЕНА 112. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Освобожденный Виктор встает. Наручники с двумя хвостами от перепиленной цепочки так и болтаются у него на руках, позвякивая, когда он разминается, щупает ссаженную ударом скулу, вытирает с лица запекшуюся кровь.

КВАДРИГИН

(с надеждой)

Ну? Драпаем?

ВИКТОР

Погоди. Он наверняка еще здесь.

КВАДРИГИН

(с ужасом)

Тебе еще мало?

ВИКТОР

Мне много. Ему — мало.

Выходят из номера.

СЦЕНА 113. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Виктор и следом за ним, поодаль — Квадригин крадутся по коридору. Из-за одной из дверей отчетливо слышен оживленный, торжествующий голос Павла.

ГОЛОС ПАВЛА

Да, нашли. Мне уже позвонили. Она оставила свою машину неподалеку, это и навело мою группу на след. Они укрылись в лаборатории бывшего института вирусологии, там прекрасная герметизация. Ее обмолвка насчет санатория явно была нарочитой, она кинула нам ложный след... Мой человек открыл воздухозаборники, а они там и не подозревают... Все чисто и изящно, они угорят обязательно и не успеют ничего понять. Сейчас я жду своих людей. Как только они появятся, мы уезжаем из города. Времени в обрез, я понимаю...

Виктор, прикинув к неплотно прикрытой двери, слушает.

ВИКТОР

(шепотом)

Это точно, времени — в обрез...

Глубоко вздыхает.

И ногой открывает дверь в помещение.

СЦЕНА 114. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

На звук открываемой двери Павел оборачивается. На лице его — крайняя степень изумления, но это длится лишь какое-то мгновение, он — профессионал. Рука его тянется в карман за пистолетом, и в этот момент Виктор прыгает вперед.

Кажется, человек не может так прыгнуть. Это на грани сверхъестественного — и все же ничего бесспорно запредельного в этом прыжке нет. Медленно-медленно рука Павла погружается внутрь кармана, потом начинает всплывать обратно, вытягивая вороненую рукоятку — а Виктор все летит, летит, вытянув вперед руки; и наконец, когда пистолет уже весь показывается наружу, обрушивается на своего врага и с размаху бьет его браслетами наручников, словно кастетами, в лицо.

Павел падает навзничь, с грохотом ударившись спиной о письменный стол и выронив сразу далеко улетевший пистолет. В дверях, присев от ужаса, визжит на одной ноте Квадригин. Виктор бросается к Павлу снова, но тот уже оправился; второй удар Виктора он блокирует и бьет уже сам. Виктор падает. Квадригин визжит. Павел с искаженным от ненависти лицом, с залитой кровью щекой, молча бьет Виктора ногой, того буквально подбрасывает. Павел нагибается над ним.

ПАВЕЛ

(сладострастно бормочет)

Мразь... Раздавлю...

Он хватается Виктора за горло, и тогда тот, весь вложившись в этот последний удар, опять бьет наручниками обеих рук Павла по бокам головы — то ли по ушам, то ли по вискам... Павел без звука тычется Виктору головой в грудь, он оглушен. Хрипло дыша, Виктор выбирается из-под обмякшего тела, переворачивает его на живот, заламывает за спину обе руки. Квадригин все еще визжит, но уже тише, как бы по инерции. Усевшись на Павла, Виктор одной рукой выдергивает у себя из брюк ремень, связывает тому руки за спиной. Встает, пошатываясь и тяжело дыша.

ВИКТОР

Все, Рой, утихни. Хватит.

Квадригин послушно умолкает, будто его выключили. Виктор шагает в глубину комнаты, нагибается, достает из-под кровати захавший туда пистолет. Пристанывает. С трудом распрямляется, хватаясь за разбитый бок.

Павел стонет, приходя в себя.

ВИКТОР

Встать.

Павел с ненавистью смотрит на Виктора снизу.

ВИКТОР

Не хотите? Тогда вот что я сделаю. Открою окошко, привяжу вас на подоконнике, и когда пойдет запах... нет, даже когда пойдет запах, я вас не навешу. Потому что с дочерью и женщиной, которую люблю, буду очень далеко отсюда. Идет?

Павел молча начинает подниматься.

СЦЕНА 115. ИНТ. САНАТОРИЙ. НОЧЬ.

Павел идет впереди. За ним, держа Павла под прицелом, идет Виктор, а следом за ним семенит Квадригин.

КВАДРИГИН

Зачем он нам? Куда ты его?

ВИКТОР

В лагерь отвезем. Судить за преступления против человечности. Должны же для разнообразия хоть иногда судить тех, кто это заслужил.

Павел теряет равновесие, видимо, после удара у него кружится голова. Останавливается, опираясь локтем на стену.

ВИКТОР

И не пытайтесь выиграть время дешевыми трюками! Дождаться тут прибытия ваших громил я вам не позволю. Вперед, живо!

СЦЕНА 116. ИНТ. САЛОН АВТОБУСА. НОЧЬ.

Гудит небо. Сыплет нескончаемый дождь. Метут стекло дворники. Виктор ведет, его руки в распиленных наручниках лежат на баранке; рядом с ним пристроился Квадригин. На первом пассажирском сиденье — привязанный к спинке Павел; мало того, что руки у него скручены за спиной, его еще и к сиденью прикрутили на всякий случай раздобытой где-то веревкой.

ПАВЕЛ

Жаль, я не дал вас покалить на паяльнике...

ВИКТОР

Да, этого, наверное, я бы не выдержал... Хотя черт его знает, пока не попробуешь — трудно сказать наверняка.

ПАВЕЛ

От всей души надеюсь, что у вас еще будет возможность попробовать.

(мгновение молчит)

И приложу к этому все усилия, если выживу.

ВИКТОР

Наконец-то вы что-то говорите честно, Павел. Приятно быть честным, правда?

Автобус медленно останавливается, прижимаясь к тротуару.

ВИКТОР

Здесь, что ли?

КВАДРИГИН

Институт вирусологии. Я тут однажды бесплатную выставку устраивал для ученых... мы так весело надрались потом, прямо в чумной лаборатории... Нешто забыл?

Виктор молча трогает один из рычажков на пульте; с шипением открывается дверь кабины.

Квадригин неподвижно сидит на своем месте и принохивается, крутя алкоголическим носом.

КВАДРИГИН

Чем-то тут пахнет. Тебе не кажется? Какой-то химией...

Мгновение Виктор сидит неподвижно, настороженно внюхиваясь в прущий через проем двери воздух. Потом вскакивает.

ВИКТОР

Ну, Рой, наш выход. Похоже, отсчет пошел!

Квадригин и за ним Виктор торопливо выпрыгивают на мокрый асфальт, оставив Павла сидеть в автобусе.

ПАВЕЛ

(кричит им вслед)

Постойте! Да постойте же! Банев!!

Виктор возвращается, поднимается на ступеньку автобуса.

ВИКТОР

Что такое?

ПАВЕЛ

Будьте людьми. Дайте шанс... Отвяжите меня.

Виктор молчит. Квадригин топчется внизу.

КВАДРИГИН

Не вздумай, Виктор! Не вздумай, не будь дураком! Он опять что-нибудь устроит!

Виктор и Павел смотрят друг другу в глаза.

ПАВЕЛ

Рад бы, да не успею... Спасаться надо. Отвяжи, Виктор. Может, мне повезет.

Виктор молчит.

ПАВЕЛ

Ты что, не понимаешь? Кожа слезет, вытекут глаза... Тогда — лучше застрели. Сразу.

Виктор после отчетливого колебания молча отвязывает Павла от сиденья. Выталкивает его из автобуса.

ВИКТОР

Пошел!

Павел со связанными за спиной руками бежит прочь по улице и скрывается за углом.

КВАДРИГИН

(вздыхая)

Зря. Спорим — выживет? Успеет спрятаться.

ВИКТОР

А что — оставить гнить? Ты бы смог?

Квадригин молчит. Виктор спрыгивает на землю.

ВИКТОР

Идем.

СЦЕНА 117. ИНТ. ИНСТИТУТ ВИРУСОЛОГИИ. НОЧЬ.

Виктор и Квадригин торопливо идут по неопрятным, обшарпанным коридорам института. Цокают их каблуки по кафельному полу. Двери, двери...

КВАДРИГИН

Все правильно. Верно идем... Вот странно... Что было лет десять-пятнадцать назад — помню отлично. А что было вчера, или

неделю назад — муть одна, туман... Наверное, это старость. Как ты думаешь, Виктор? А?

Спотыкается — и с грохотом, топоча, пробегает, чтобы не упасть, несколько шагов. Едва не сбивает с ног идущего впереди Виктора. Виктор успевает поддержать его за локоть.

ВИКТОР

Ты осторожнее... Теперь куда?

КВАДРИГИН

Да налево, налево... неужели не помнишь?

Они поворачивают налево и вскоре оказываются перед дверью с надписью «Лаборатория вирусологии». Виктор входит, не задумываясь. Стеллажи с какими-то пыльными колбами, приборы, микроскопы — все заброшенное, пыльное, мертвое... В другом конце помещения — тоже дверь, но совсем иная, толстая, бронированная, с круглым иллюминатором на уровне человеческого роста.

КВАДРИГИН

Здесь, больше нигде...

Виктор подбегает к металлической двери, пытается открыть — она сидит в пазах, как приваренная. Он пытается заглянуть в иллюминатор — и в тот же самый миг с той стороны мелькает лицо Дианы.

ВИКТОР

Диана! Диана, открой скорее!

Диана что-то беззвучно кричит с той стороны, видно, как открывается и закрывается ее рот. Потом она нагибается, слышно, как внутри глухо, тягуче лязгают невидимые засовы и заглушки. Квадригин от нетерпения буквально приплясывает на месте.

КВАДРИГИН

Чувствуешь? Чувствуешь, а? Уже и здесь воняет... Вот ведь гадость, а? Вот ведь гадость...

Дверь открывается, Диана выпрыгивает наружу и падает Виктору на грудь.

ИАНА

Виктор! Виктор, господи... Откуда ты здесь?

ВИКТОР

Диана, у вас воздухозаборники открыты!

ИАНА

Как открыты?

Диана отрывается от Виктора, бежит куда-то в боковую дверь.

ИАНА

Сюда!

Она торопливо подбегает к висящему на стене щиту управления, тянет какие-то рычаги. Ей не хватает сил — а может быть, рычаг заклинило; Виктор подбегает к ней и одни вдвоем закрывают заслонки воздухозаборников. Квадригин от нетерпения приплясывает у входа в убежище — и, когда видит, что Диана и Виктор идут обратно, первым ныряет внутрь.

СЦЕНА 118. ИНТ. УБЕЖИЩЕ. НОЧЬ.

В тусклой красноватой мгле, набившись в тесный куб убежища, вплотную друг к другу сидят дети. У закрытой наглухо двери — Квадригин уселся на полу и уложил голову на согнутые колени, рядом с ним — Диана, потом — Виктор, отки-

нувшийся спиной на стену и прикрывший глаза, со следами засохшей крови возле уха, со ссадиной на скуле. На его запястьях по-прежнему наручники. Мертвая тишина, слышно лишь множественное затрудненное дыхание. Лица сидящих покрыты потом, духота. Дышать становится все труднее.

ИРА

(тихо)

А если все-таки включить фильтры? Немного воздуха...

ВИКТОР

Нельзя. Не разговаривай. Старайся реже дышать.

И снова тишина. Свет начинает гаснуть.

ВИКТОР

(стараясь подбодрить детей)

Это ничего. Так должно быть. Аккумуляторы здесь всегда были слабенькие. Да, Рой?

РОЙ

Конечно. Я помню.

Лица постепенно пропадают во мгле — сначала те, что дальше, потом — и те, что рядом.

ИРА

(очень тихо)

Пап, почитай что-нибудь?

В густеющем сумраке видно: она пытается встать, чтобы подойти к нему.

ВИКТОР

Нет-нет, сиди... береги дыхание. Ну что, может, вам это интересно будет... За поворотом, в глубине лесного лога готово будущее мне верней залога...

Становится совсем темно, и из этой темноты звучит голос Виктора.

ГОЛОС ВИКТОРА

Его уже не втянешь в спор и не заластишь. Оно распахнуто, как бор, все вширь, все настезь...

СЦЕНА 103. ИНТ. КОРИДОР МЕДИЦИНСКОГО ЦЕНТРА. ДЕНЬ.

Бесконечный, однообразный коридор. Холодный синеватый свет от равномерно расположенных плафонов. Банев быстро идет по коридору в сопровождении военного, у которого поверх формы накинута медицинский халат. Идут долго, абсолютно молча. Гулко резонируют их шаги в пустом коридоре. Поворот, еще поворот, снова коридор. Наконец, они подходят к прозрачным дверям с массой запрещающих знаков - пропускному пункту. Военный подает какие-то бумаги в окошко старшему из охраны.

ВОЕННЫЙ

На опознание. Еще один член комиссии.

Старший из охраны внимательно изучает бумаги, вглядываясь в лицо Виктора. Затем берет пакет с упакованным в полиэтилен медицинским халатом и протягивает его Баневу.

СТАРШИЙ ОХРАННИК

Наденьте при входе в блок. Это обязательно.

ВИКТОР

Да, я знаю.

Банев берет пакет и входит вслед за военным в раскрывшиеся бесшумно двери. Как только они минуют их, двери тут же закрываются.

СЦЕНА 119. ИНТ. ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ ОПОЗНАВАНИЯ. ДЕНЬ.

Типичное помещение морга. Вдоль стены — ячейки морозильных камер. В центре помещения — стол с бумагами, которые, вероятно, и нужно будет подписать. За столом, наскоро подписывая какие-то документы, сидит Айзэк. Рядом — двое военных, один из них услужливо подкладывает листы на подпись, другой просто смотрит Айзэку через плечо. Бумаг довольно много. Процедура ответственная.

Военный сопровождения вводит Виктора в помещение и сразу останавливается, сделав предупреждающий знак Виктору остановиться тоже. Они стоят, ждут.

Айзэк что-то говорит военному, стоящему над ним. Тот кивает, делает жест рукой сопровождающему Виктора офицеру. Офицер идет к морозильным камерам. Открывает одну из ячеек, выкатывает тело.

ОФИЦЕР

(обращаясь к Виктору)

Подойдите, пожалуйста.

Военный сопровождения подводит Виктора к телу. Оно укрыто полиэтиленовым чехлом. Когда Виктор подходит, военный откидывает край чехла. Видно лицо лежащего — это Зиновий. Такое впечатление, что он страшно похудел.

Виктор стоит какое-то время, вглядываясь в лицо, молчит. Военный не понимает, чем вызвано молчание свидетеля, и начинает нервничать.

ОФИЦЕР

(нетерпеливо)

Какие-то сомнения, господин Банев?

ВИКТОР

(словно очнувшись)

Нет-нет... Никаких сомнений. Конечно, он очень изменился, но... Это он. Его звали Зиновий.

ОФИЦЕР

Очень хорошо.

Айзэк снова что-то говорит военному, глядящему ему через плечо. Тот вскидывает на Виктора мгновенный оценивающий взгляд, потом отрицательно качает головой. Айзэк снова что-то говорит. Военный не отвечает. Тот военный, что давал Айзэку бумаги на подпись, забирает у него наконец-то закончившиеся листы. Айзэк смотрит Виктору в спину, потом, уже ни слова не говоря, встает и уходит.

ОФИЦЕР

(делает знак в сторону стола)

Пожалуйста сюда, господин Банев. Подпишите протокол опознания.

Виктор идет к столу. Офицер закатывает тело обратно в ячейку. Гулко щелкает замок.

СЦЕНА 120. ИНТ. ВЕСТИБЮЛЬ БОЛЬНИЦЫ. ДЕНЬ.

У широкого окна, выходящего на ту самую улицу, по которой еще совсем не-

давно проезжал в газике Виктор в сопровождении словоохотливого лейтенанта, никак не желавшего называть его «товарищем», стоят Виктор и Диана. Время от времени мимо проходят люди, в уголке стоят несколько дряхлых кресел, они все заняты каким-то стариками: кто с газетой, кто просто смотрит перед собою остановившимся взглядом.

ИАНА

Айк не смог тебя ждать. Дела.

(кивает в сторону, как бы намекая на помещение, которое только что покинул Виктор)

Кого тебе показали?

ИКТОР

Только Зиновия. Он... Он ведь умер от обезвоживания, да?

ИАНА

(чуть помедлив, с горечью)

Он — да... по всей вероятности. Хотя...

Умолкает.

ИКТОР

Что — хотя?

ИАНА

(бесстрастно)

У двоих мокрецов — смертельные огнестрельные ранения. Тебе просто не показали.

ИКТОР

(после паузы, осторожно)

Ты хочешь сказать, их просто убивали?

ИАНА

Теперь этого никто не узнает.

Некоторое время оба молчат. Диана глядит в сторону. Виктор взглядывает на наручные часы.

ИКТОР

Мне пора. Диана, я... я постараюсь успеть к тебе на вокзал.

(и — решительно, будто боясь, что если не скажет теперь же, уже никогда не сможет сказать, иного случая не представится)

Мне очень жаль, что ты уезжаешь.

ИАНА

(будто ждала этих слов, отвечает сразу, с готовностью)

Мне тоже.

ИКТОР

Мне вдвойне жаль, что ты уезжаешь именно сегодня. Мы могли бы пойти к Ире вместе.

ИАНА

Ты сейчас туда?

ИКТОР

Да. Мне разрешили с ней повидаться наконец.

(с надеждой)

Пойдем со мной. Мы успеем к поезду, правда!

ИАНА

(бесстрастно)

Виктор, у нее есть мать. Отца не было, это правда, и тут только тебе решать... Но мать — была и есть.

Виктор проводит ладонью по лицу, словно дождь все еще идет и надо согнать воду с лица.

ВИКТОР

(нерешительно, но не понять, то ли с вопросительной интонацией, то ли с утвердительной, просто информируя)

Я тебе позвоню.

ИАНА

(окончательно переводя эту реплику в ранг будущего факта)

Ты мне позвонишь.

Он обнимает ее, привлекает к себе. Мгновение она еще прячет лицо, потом, уже не сдерживаясь, страстно подставляет губы.

СЦЕНА 121. ЭКС. ВОЗЛЕ РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА. ДЕНЬ.

Чувствуется, что на улицы возвращается жизнь. Всюду заметны следы ремонтных работ: где-то кладут асфальт, где-то вставляют выбитые стекла, где-то работает экскаватор — то ли трубы меняют, то ли роют водоотвод... Виктор поднимается по ступеням городской больницы, приспособленной под детский реабилитационный центр; у двери видна табличка «Ташлинская городская больница № 3», над которой — сделанная от руки надпись печатными буквами: «Детский реабилитационный центр».

Однако у дверей — почему-то военная охрана, дюжие ребята в камуфляже с короткоствольными автоматами, словно это оборонный объект. Возле пропускного пункта стоят несколько человек — мужчины, женщины, все — средних лет и пожилые, и что-то горячо втолковывают старшему из охраны. Тот невозмутим. Виктор протискивается через маленькую толпу, показывает старшему свои бумаги. Тот тщательно рассматривает документы Виктора, потом кивает.

НАЧАЛЬНИК СМЕНЫ

Проходите, господин Банев. Подождите минутку, я вызову сопровождение.

Поднимает трубку телефона, стоящего на стойке пропускного пункта. Виктор ждет.

НАЧАЛЬНИК СМЕНЫ

(в трубку)

У нас посетитель. Член комиссии ООН, да-да... Ну, разумеется, в порядке. Пришлите кого-нибудь...

Виктор терпеливо ждет, ловя на себе завистливые взгляды тех, кто остался с той стороны пропускного пункта.

СЦЕНА 122. ИНТ. РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ЦЕНТР. ДЕНЬ.

Виктор в сопровождении дюжей медсестры идет по коридорам центра. Типичная провинциальная больница: облупившиеся стены, двери с мутными стеклами, кафельные полы... Из-за дверей слышны то ритмичная музыка и голос: «И-и раз... и-и два...», словно на уроке физкультуры, то мелодия последнего шлягера и

множественный топот, словно с дискотеки, то какие-то неразборчивые крики...

ВИКТОР

(с иронией)

А у вас весело...

МЕДСЕСТРА

(приняв его слова за чистую монету)

**Стараясь, господин Банев. Жалко детишек-то... Из них
пряма нелюдей каких-то сотворили...**

Медсестра открывает перед Виктором очередную дверь.

МЕДСЕСТРА

Вот тут и подождите.

И уходит.

Виктор находится в большой, просторной комнате с широким окном, до половины замазанным известкой. Она перегорожена идущей от стены к стене стойкой, словно в гардеробе — чувствуется, все сделано наспех, все — импровизация. У стойки стоит больничный колченогий стул — и точно такой же стул стоит по ту сторону, они направлены один к другому. Вдоль стены — старый продавленный диванчик с обшарпанными деревянными подлокотниками. Виктор садится на него и ждет. Ничего не происходит. Он нервно взглядывает на часы, встает, идет к окну, потом обратно. Достает сигареты вытряхивает одну из пачки, озирается, ищет пепельницу или что-нибудь, что можно было бы хотя бы приспособить под пепельницу. Не находит. Выходит из комнаты, оставив дверь открытой, озирается. Обычно курят на лестничных площадках — он ищет такую. Идет по коридору, проходит мимо одной из дверей, из-за которой слышна разухабистая, аляповатая танцевальная музыка. Осторожно приоткрывает дверь. В зале, напоминающем кабинет лечебной физкультуры, танцуют дети. Посреди стоит женщина, похлопывающая в такт музыке в ладоши, и громко, с искусственным, затверженным оживлением кричит.

ЖЕНЩИНА

**А ну веселей, ребятки! Бодрей, бодрей! В жизни надо быть
шустрыми, жизнь шутка такая, ждать не станет! Кто задумался —
тот пропал! Улыбочки, улыбочки!**

Дети — их не более пяти-шести человек — напоминают маленьких роботов, или заводные игрушки. Они корчатся будто не в танце, а под ударами хлыста. У них мертвые глаза, неподвижные лица. Несколько мгновений Виктор всматривается, у него стискиваются кулаки, и сигарета в руке ломается между пальцами, пепел и крошка сыплются на пол. Виктор закрывает дверь и возвращается в комнату для свиданий. Нервы у него на взводе, он не может спокойно сидеть и ждать. Но и показывать свое состояние не хочет. Поэтому он просто неловко стоит посреди комнаты. Проходит еще какое-то время, из коридора приглушенно слышны звуки все той же эстрадной мелодии.

Открывается другая дверь, в противоположном торце комнаты, по ту сторону стойки. Две санитарки вводят Иру. Одна легонько подталкивает ее в спину.

ПЕРВАЯ САНИТАРКА

Иди, Ирочка, иди. Папуля уж заждался.

Ира в больничном халате, который висит на ее исхудавшей фигурке, как на вешалке, переставляя ноги, будто во сне, идет к своему стулу. Садится. У нее остановившийся взгляд, бледное лицо с синяками под глазами. Сидит. Виктор в ужасе, ошеломлении смотрит на нее, потом медленно подходит ближе, садится на свой стул. Санитарки стоят чуть поодаль за спиной Иры, словно она не ребенок на

лечения, а малолетняя преступница, которой разрешили свидание с адвокатом.

ВИКТОР

Ира... Ира, ты... меня узнаешь?

Ира молчит. Она смотрит Виктору прямо в лицо, но будто не видит его.

ВТОРАЯ САНИТАРКА

Ирочка, ответь папе. Папа за тебя волнуется.

ИРА

Узнаю. Ты читал нам стихи.

ВИКТОР

Ты помнишь?

ИРА

Да, мы сидели в подвале, а ты читал стихи. Про будущее.

Пауза. Виктор выжидательно смотрит дочери в лицо. Ира опять молчит, но вдруг ее губы начинают чуть шевелиться, словно она что-то произносит про себя — может быть, те самые стихи, которые вдруг вспомнила.

ВИКТОР

Как тебе здесь живется?

Ира молчит, и только губы ее вздрагивают.

ПЕРВАЯ САНИТАРКА

Ирочка, расскажи папуле, как детки тут живут. Что вчера по телевизору смотрели, как сегодня играли...

ВТОРАЯ САНИТАРКА

(Виктору поверх Иры, доверительно)

Стесняется. Так-то она уже бойкая...

ИРА

Мы смотрели шоу. Там надо было угадать, кто хуже всех...

ВИКТОР

А кто лучше всех, угадывать не надо было?

ИРА

А лучше всех никто.

Виктор сглатывает ком в горле, у него ходят желваки, но он еще держит себя в руках.

ПЕРВАЯ САНИТАРКА

Спой, Ирочка. Вы же песенку разучивали, спой папуле.

Ира молчит. Только губы ее, замершие было, вновь начинают шевелиться, словно она и впрямь что-то беззвучно поет.

Виктор неожиданно перегибается над стойкой, хватает Иру за руку, задирает ей рукав. Санитарки бросаются было, чтобы его удержать, но не успевают. Вся рука Иры — в точках уколов.

ВИКТОР

(с тихим, ледяным бешенством)

Чем ее колют?

ПЕРВАЯ САНИТАРКА

Ну, это врача надо спрашивать... Чем надо — тем и колют.

ВИКТОР

Я спрошу! Я так его спрошу!!!

Он вылетает из комнаты в коридор. Дверь громко хлопает, закрывшись за

ним.

Виктор стремительно шагает по коридорам центра, выставив вперед руку со своим удостоверением и бумагами. От него шарахаются какие-то люди в белых халатах, кто-то бежит за ним, кто-то торопливо крутит диск внутреннего телефона. Виктор ногой открывает одну дверь, другую. Коридоры перетекают в коридоры.

ГОЛОСА СЗАДИ

Господи Банев! Господин Банев, остановитесь!

БАНЕВ

(яростно)

Мне нужен директор! Я хочу видеть директора этого центра!

ГОЛОСА СЗАДИ

Господин Банев, мы применим силу!

Поздно. Перед Баневым дверь — «Директорат. Приемная» С треском она открывается от удара ладони. Из-за своего стола наперерез Виктору бросается самоотверженная секретарша — и тоже не успевает. Банев распахивает дверь с надписью «Директор».

Перед ним просторный кабинет, стандартный начальственный; длинный стол с задвинутыми под него стульями — для совещаний, и поперечный, рабочий — с компьютером, несколькими телефонами и ворохами бумаг. За столом сидит, углубясь в свои дела, какой-то человек. На стук распахнувшейся двери он поднимает голову, потом встает. Виктор замирает на пороге.

Потому что перед ним — Павел.

Нет. Просто человек, очень похожий на Павла. Он? Не он? Виктор не может понять.

ДИРЕКТОР

Что вам угодно, господин Банев?

Виктор пытается сосредоточиться, еле сдерживая бешенство.

ВИКТОР

Мне угодно узнать, что вы делаете с детьми?

ДИРЕКТОР

Помогаем адаптироваться к реальности.

ВИКТОР

К реальности? Идиотами их делаете? Вы ответите за это.

ДИРЕКТОР

Послушайте, Банев...

ВИКТОР

(перебивает)

Учтите, я член комиссии ООН. С вашим лечением так называемым будут разбираться на самом высоком уровне.

ДИРЕКТОР

Я попрошу вас...

ВИКТОР

(перебивает)

Короче, я требую, чтобы мне отдали моего ребенка. Немедленно! Вы расслышали? Немедленно!!

ДИРЕКТОР

Вы все сказали?

ВИКТОР

Пока все.

ДИРЕКТОР

Отвечаю. Нет, нет и нет. Покиньте центр.

ВИКТОР

Вы еще приказывать мне будете?

Он стремглав выходит из кабинета, а через несколько мгновений директор, неподвижно стоящий у своего стола, слышит из коридора истошный крик медсестры:

МЕДСЕСТРА

Куда? Туда нельзя! Стойте!

Директор чуть улыбается и наживает кнопку на столе.

ДИРЕКТОР

Вызовите охрану.

ВИКТОР

СЦЕНА 123. ИНТ. ПОМЕЩЕНИЯ ЦЕНТРА. ДЕНЬ.

По коридору бегут охранники в спецодежде, догоняют Банева. Скручивают. Он пытается вырваться, но безуспешно. Раздаются отрывистые команды, обычные для таких ситуаций:

ПЕРВЫЙ ОХРАННИК

Стоять! Руки за голову!

ВТОРОЙ ОХРАННИК

Ноги расставил! Расставил ноги, я кому сказал!

По коридору подходят к ним, уже не торопясь, директор центра и врач. Банев молча, с ненавистью смотрит на них, и тяжело дышит. Директор центра обращается к охранникам.

ДИРЕКТОР

Отпустите его.

Банев выпрямляется, растирает себе руки.

БАНЕВ

(медленно)

Я хочу знать, почему мне отказано в праве забрать отсюда моего ребенка. Почему?

ДИРЕКТОР

Вы хотите знать? Хорошо. Проведите господина Банева в пятый блок.

ВРАЧ

(директору)

Да вы что? Не надо этого...

ДИРЕКТОР

(громко)

Надо, я сказал! Он же нам международной комиссией угрожает. Плиз, господин Банев!

СЦЕНА 124. ИНТ. ПЯТЫЙ БЛОК. ДЕНЬ.

Банев, врач, медсестра и двое охранников идут мимо закрытых полупрозрачными пластиковыми занавесями входов в боксы. Из боксов время от времени до-

носятся приглушенные стоны, хрипы, невнятное бормотание.

Врач резким движением открывает один из боксов. В продолговатом прозрачном контейнере, облепленный проводами и датчиками лежит мальчик лет десяти. Он судорожно заглатывает воздух, смотрит бессмысленно на стоящих перед ним людей.

Некоторое время все молча стоят у контейнера, глядя на лицо мальчика. Затем врач поднимает глаза на Виктора.

ВРАЧ

(бесстрастно)

Попытка самоуничтожения посредством волнового воздействия на собственный организм. Природа излучения остается невыясненной. Поэтому мы не можем помочь. Мы просто бессильны. К сожалению.

Врач задерживает занавеску, переходит к следующему боксу. Отдергивает занавеску. Банев вздрагивает. Перед ним, в таком же прозрачном контейнере — Боря Куница. Его почти невозможно узнать. Он также опутан проводами и датчиками. Язвы и струпья покрывают его тело. Мальчик чуть улыбается глазами, увидев Банева — похоже, он узнал его.

ВРАЧ

Второй случай. Воздействие собственным волевым импульсом на ткани жизненно важных органов с целью прекращения жизнедеятельности. По сути — тоже самое, что и в первом случае. Доступно излагаю? Еще показывать, господин член международной комиссии?

Виктор молчит.

ВРАЧ

Я к вам обращаюсь! Вы слышите меня?

ВИКТОР

Слышу. Достаточно.

(помолчав)

Я ничего не понимаю. То есть... что это? Почему?

ВРАЧ

(наклонившись к Виктору, тихо)

Потому, что они жить не хотят.

ВИКТОР

Как не хотят? Где не хотят?

ВРАЧ

Нигде. Среди нас не хотят. Среди вас, среди таких, как мы. Как вы...

ВИКТОР

Подождите... Это со всем детьми. То есть, я хочу сказать — это у всех у них?

ВРАЧ

В той и иной степени — у всех. У кого больше, у кого меньше... У кого-то еще в скрытой форме. Как у вашей дочери, например. Поэтому у нее еще есть надежда.

СЦЕНА 125. ИНТ. ОРДИНАТОРСКАЯ. ВЕЧЕР.

Банев тяжело садится на стул, ему подносят мензурку с лекарством.

ВИКТОР

(отрицательно качнув головой)

Спасибо, не надо... Я лучше покурю. Где тут можно курить?

МЕДСЕСТРА

Пойдемте, я провожу вас.

СЦЕНА 126. ИНТ. ЛЕСТНИЧНАЯ ПЛОЩАДКА. ВЕЧЕР.

Виктор садится прямо на ступеньку лестницы, курит. Медсестра несколько мгновений стоит рядом с ним.

МЕДСЕСТРА

С вами все в порядке? Правда?

ВИКТОР

Да-да, спасибо. Я просто покурю.

Медсестра уходит.

СЦЕНА 127. ИНТ. КОРИДОР ПЕРЕД ВХОДОМ В ПАЛАТУ. НОЧЬ.

Виктор идет по коридору, в конце его — дверь, возле ее медсестра у столика, то ли дежурит, то ли охраняет. Банев показывает ей пропуск, медсестра подходит к двери, набирает код. Раздается щелчок, дверь медленно открывается. Виктор входит в темное помещение, дверь за ним закрывается.

СЦЕНА 128. ИНТ. ПАЛАТА. НОЧЬ.

Вначале Виктор стоит на пороге и не идет дальше, ожидая, когда глаза привыкнут к сумраку. Зачем он замечает на койке сидящую Иру. Она сидит к нему спиной и смотрит в сторону темного окна. Там идет дождь.

Виктор подходит и садится рядом. Они сидят довольно долго, молча — похоже, Банев не знает, с чего начать. Как сказать то, что он хочет сказать ей? Да и вообще, что тут можно сказать? Какими словами можно убедить человека жить, если он жить не хочет, потому что весь мир ему чужд и противен?

ВИКТОР

Вот знаешь, я сейчас был внизу. Видел Борю Куницу. Он погибает.

ИРА

(тихо)

Я знаю.

ВИКТОР

И в общем... вернее... нет, я не то хочу сказать. Я совсем недавно понял... Я смотрел на вас, слушал, как вы говорите умные правильные слова... и не мог сообразить — что мне все это напоминает? И вдруг понял... мы в вашем возрасте были почти такие же. Понимаешь? Куда что делось? Ты гений, и весь мир у тебя на ладони... а потом начинается суета, начинается взрослая жизнь, и все встает с ног на голову: божественная часть природы человека начинает обслуживать его животную природу. Талант — казалось бы, он же счастье сам по себе, он — полет, он — творение миров... а на поверку — просто средство зарабатывать деньги. Красота, которая якобы должна спасать мир... А на поверку — просто хорошие данные для шоу-бизнеса... И во всем так, во всем... Что я успел? Всегда все получалось хуже, чем я хотел. И я к этому при-

вык... Я к этому привык. Ох, я опять не о том... Сколько можно о себе... Я так рад, что мы снова встретились, Ира. Правда. Ты была такая... Я гордился. И мне вдруг показалось, что у вас — получится. У вас были такие учителя... но дело не в учителях. Дело в учениках. Да, я никудышный отец... и учитель из меня плохой... но смерть глупее и гнуснее самого плохого и никчемного отца, Ира. Научи меня быть хорошим. Прости меня... нет, не так. Прости людей. Жить больно, и с этим ничего нельзя поделать. Люди очень несчастные... Очень. Они всегда хотели в небо, и у них почти никогда не получалось. Но ведь это не значит, что неба нет. Как ты думаешь? Я не знаю, но может ты знаешь? А ведь тот, кто не захотел жить — лишает себя неба, вот чего я боюсь... Мы пропашие, да, это давно понятно... Но вы-то хоть... не убегайте, Ира. Не убегайте! Ведь у нас кроме вас ничего нет!

Он умолкает. Несколько мгновений проходят в полном молчании, потом Ира медленно встает с постели, делает шаг к Виктору и вытирает рукой его щеку, влажную от слез.

ИРА

Не бойся. Я останусь...

Она отворачивается и подходит к окну. Садится. Смотрит сквозь запотевшее стекло на идущий снаружи дождь. Проводит ладонью по стеклу, словно гладит его, и в том месте, где прошла ее ладонь, там, снаружи вдруг пропадают потоки ливня и показывается ровный квадрат чистого звездного неба. Видно, что у Иры шевелятся губы. Голоса почти нет, слова скорее угадываются, чем слышатся.

ИРА

...Ты, не склоняя головы, смотрела в прорезь синевы и продолжала путь...

конец